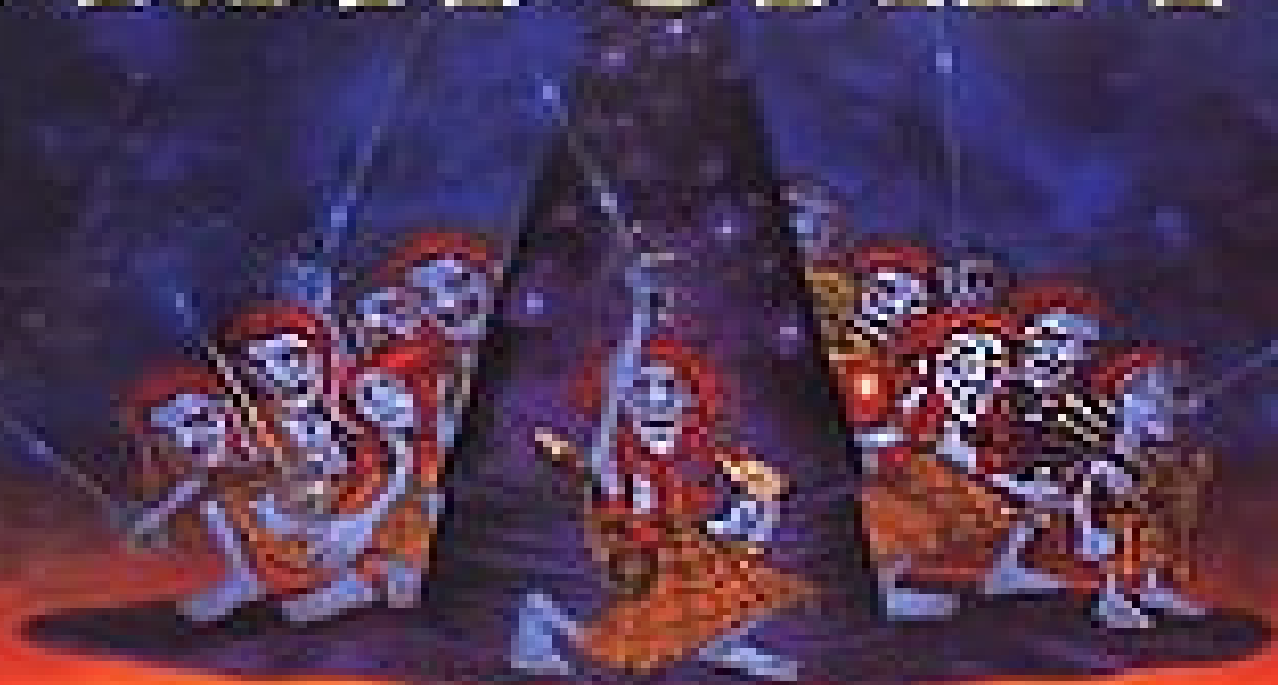

TERRY
PRATCHETT

A
Hat Full
of Sky

A STORY OF DISCWORLD

Annotation

Что делать, если у тебя есть магические способности, а учителей поблизости нет? У ведьм принято проходить ученичество у старых ведьм, овладевая профессией и помогая им в работе. Вот и Тиффани Болит, одиннадцати лет, отправилась даже в другую страну – Ланкр (которая находится не так уж и далеко на самом-то деле), чтобы пройти обучение и стать настоящей ведьмой. Но, как оказалось, учение ведовству – это выполнение той же самой обыденной работы, что и дома. С утра до вечера надо заниматься обычными домашними обязанностями и еще ходить по деревням, помогая людям. А когда же начнутся занятия магией? Полеты на метле, заклинания, волшебные палочки и прочее? Нет, оказывается, чтобы быть ведьмой, прежде всего надо научиться не пользоваться магией вообще. А это у Тиффани и так прекрасно получается. Она даже запутку – магический прибор – сделать не может. Единственное, что ей удастся, это выходить из своего тела, чтобы посмотреть на себя, когда под рукой нет зеркала. Но это очень опасно – оставлять свое тело без присмотра. Мало ли что захочет завладеть твоим телом, твоим мозгом. Одно из таких существ уже давно заметило Тиффани, привлеченное ее необыкновенным умом и ведовскими способностями. И когда Тиффани в очередной раз вышла из тела, оно заняло ее место. Ее верные телохранители Нак Мак Фиглы и даже сама Матушка Ветровоск пускаются в путь, чтобы помочь Тиффани избавиться от захватчика и снова стать самой собой.

- [Терри Прагчетт](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

- [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава Пятнадцатая](#)
 - [Примечания автора](#)
 - [notes](#)
 - [Примечания автора](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Комментарии переводчика](#)
 - [1](#)
-

Терри Пратчетт
Шляпа, полная небес

Вступление

*Из книги «Феи и как избежать встречи с ними» мисс
Проникации Тик.*

Нак Мак Фигл (также называемые Пиктси, Вольные мальцы, Маленький народ и Лица, или Неизвестные Лица, вероятно вооруженные)

Нак Мак Фигл – самая опасная разновидность фей, особенно в пьяном состоянии. Пьянство, потасовки и воровство – их излюбленные занятия. Нак Мак Фиглы крадут практически все, что не прибито. А то, что прибито, они уносят вместе с гвоздями.

Тем не менее, те, кому удалось повстречаться с ними и выжить, рассказывают, что они также на удивление преданны, сильны, настойчивы и, по-своему, моральны. (Например, они никогда не воруют у тех, у кого красть нечего.)

Средний фигл (мужчина, женщины у фиглов очень редки – см. ниже) имеет рост примерно шесть дюймов и огненно-рыжие волосы, у него синяя кожа из-за многочисленных татуировок и красителя, называемого вайдой. И коль скоро вы оказались так близко к нему, то вполне возможно, вам сейчас надают.

Он носит килт, сшитый из первой попавшейся старой тряпки, поскольку принадлежность к клану определяется не по одежде, а по татуировкам. Иногда на нем может быть надет шлем из кроличьего черепа. Фиглы любят украшать свои бороды и прически перьями, бусинками и всем, что придется им по вкусу. Фигл всегда носит с собой меч, но больше для вида, потому что предпочитает бить ботинками и головой.

История и религия

Тайна происхождения Нак Мак Фиглов затеряна в знаменитой Мгле Веков. Говорят, что Королева Фей выгнала их из Страны Фей потому, что они протестовали против ее злобной и тиранической власти. Также говорят, что их выгнали за беспробудное пьянство.

Об их религиозных взглядах, если таковые вообще

существуют, практически ничего не известно, за исключением того, что они считают себя мертвыми. Они любят наш мир, с его солнечным светом, горами и голубыми небесами, где всегда есть с кем подраться. Такой удивительный мир, как этот, не может быть доступен кому *попало*, говорят они. Это либо рай, либо Вальгалла, куда после смерти попадают храбрые воины. Исходя из этого, они пришли к выводу, что когда-то жили в другом мире, затем умерли и им позволили попасть сюда в награду за *хорошее* поведение.

Должна отметить, что это представление *абсолютно* ошибочно и несуразно, потому что мы-то знаем, что дела обстоят совершенно по другому.

Когда фигл умирает, не принято слишком сильно скорбеть по нему и его братья печалются лишь тому, что он так мало побыл вместе с ними, прежде чем вернуться в Земли Живых, которые они также называют «Последний Мир».

Обычаи и среда обитания

Кланы Нак Мак Фиглов предпочитают селиться в древних королевских захоронениях, где они выкапывают себе уютные пещерки в грудах золота. Обычно на таких курганах растет пара колючих, старых дерева – фиглы предпочитают старые деревья, из стволов которых получают отличные дымоходы. Под деревьями обычно прячется кроличья нора – замаскированный вход в курган. Для правдоподобности вокруг валяются кроличьи катышки и, если на фиглов напало вдохновение, клочки шерсти.

Скрывающийся в кургане мир фиглов похож на улей, только меда в нем поменьше, а жал побольше.

Причина этого сходства в том, что женщины среди фиглов очень редки. Может поэтому они рожают очень много детей, очень часто и очень быстро. Новорожденные фиглы крохотные, как горошины, но если их хорошо кормить, то растут они не по дням, а по часам (фиглы потому и любят селиться возле людей, чтобы воровать у них молоко и овец).

«Королеву» клана называют кельдой, которая с возрастом становится матерью большинства фиглов в клане. Мужа кельды называют Большим Клана. Если у кельды рождается дочь, что случается довольно редко, то она остается с матерью, чтобы научиться у той *потаенкам* – так кельды называют свое тайное мастерство. Когда девочка достигает брачного возраста, она

должна покинуть клан и отправиться в путешествие, взяв с собой нескольких братьев, чтобы они охраняли ее.

Обычно, она отправляется в клан, не имеющий кельды. В очень и очень редких случаях, когда ей не удастся найти такой клан, она созывает фигов из нескольких кланов и образует свой собственный, совершенно новый клан с новым именем и занимает новый курган. Она также выбирает себе мужа. И с этих пор, хотя слово ее является абсолютным законом для всего клана и ей все должны повиноваться, она редко будет отходить от кургана достаточно далеко. С этих пор она станет и его королевой, и его узницей.

Но однажды, в течении всего нескольких дней, кельдой клана была человеческая девочка...

Глава первая

Отъезд

Что-то, похожее на невидимый туман, с легким шорохом двигалось над холмами. Движение без тела утомило его и это что-то еле перемещалось. Оно ни о чем не думало. В последний раз ему приходилось думать несколько месяцев назад, когда еще был жив мозг, с помощью которого оно мыслило. Всегда они умирают и теперь оно снова осталось без тела и ему было страшно.

Оно могло бы спрятаться в одном из этих курчавых белых созданий, что нервно блеяли, когда оно крадучись проскальзывало мимо. Но мозги у них были совершенно бесполезны, способные думать лишь о траве и о том, как сделать еще таких же блеющих существ. Нет. Они не подойдут. Ему нужен, ему просто необходим самый лучший ум: сильный, могучий, ум, который будет охранять его.

Оно искало...

Новые ботинки были неправильными. Они были негнушными и сияющими. Сияющие ботинки! Какой стыд. Чистые ботинки – совсем другое дело. Нет ничего плохого, в том чтобы навести немного глянца на ботинки, чтоб от сырости предохранить. Но ботинки должны служить вам, вот зачем они нужны, а не для красы.

Тиффани Болит, стоящая на коврикe около своей кровати, покачала головой. Надо износить эти ботинки как можно быстрее. А еще эта новенькая соломенная шляпа, украшенная лентой. Она тоже вызвала сомнения.

Она попыталась оглядеть себя в зеркало, но это было нелегко, потому что зеркало было совсем маленьким, все потрескавшееся и в пятнах. Тиффани водила зеркалом вокруг себя, пытаясь разглядеть как можно больше частей и затем мысленно соединить отдельные кусочки.

Сегодняшний день... да, обычно она в доме такого не делала, но сегодня ей очень важно выглядеть нарядно и уж коль скоро рядом никого нет...

Она положила зеркало на шаткий столик около кровати, вышла на середину обветшавшего коврика, закрыла глаза и сказала:

– Увидь себя.

И там в холмах нечто, не имеющее ни тела, ни мыслей, а лишь жуткий голод и вечный страх, почувствовало эту мощь.

Если бы у него был нос, оно бы принялось.

Оно искало.

Оно нашло.

Какой странный ум, как будто несколько умов вложены друг в друга, как в матрешке! Какая мощь! И как близко!

Оно изменило направление и стало двигаться немного быстрее. При движении оно негромко жужжало.

Овцы на мгновение обеспокоились чем-то, что они не могли ни видеть, ни слышать, ни унюхать, заблеяли...

...и снова принялись щипать траву.

Тиффани открыла глаза. Вот она стоит рядом с собой, всего в нескольких футах. Она может видеть свой собственный затылок.

Она осторожно двинулась вокруг, не глядя на «себя» – ту, что перемещалась, потому что она обнаружила – стоит ей так сделать и фокус заканчивался. Идти так было нелегко, но зато она оказалась лицом к лицу с собой и смогла оглядеть себя сверху донизу.

Коричневые волосы сочетались с коричневыми же глазами... и с этим уже ничего не поделаешь. Но волосы у нее чистые и она умыта.

Положение немного исправляло новое платье. В семье Болит новая одежда покупалась так редко, что и это платье было куплено «на вырост». Хорошо хоть оно было светло-зеленым и не доходило до самого пола. Вкупе с блестящими новенькими ботинками и соломенной шляпкой она выглядела... как приличная фермерская дочка, собирающаяся на свою первую работу. Сойдет и так.

Стоя перед собой, она могла видеть остроконечную шляпу на своей голове, но для этого ей приходилось всматриваться. Шляпа была не более чем мерцанием в воздухе, исчезающим, как только вы его замечали. Из-за нее Тиффани и беспокоилась за соломенную шляпку, но она просто наделась поверх остроконечной, как будто той здесь и не было.

В некотором роде ее там и правда не было. Никто не замечал остроконечной шляпы, не считая дождя. Солнцу и ветру она преградой не служила, но дождь и снег каким-то образом замечали ее и вели себя так, как будто она была настоящей.

Шляпу ей дала величайшая ведьма во всем мире, самая настоящая ведьма в черном платье и черной шляпе и с такими глазами, что прожигали

тебя, как скипидар больную овцу. Это было чем-то вроде награды. Тиффани сотворила колдовство, серьезное колдовство. Прежде, чем она его сотворила, она не подозревала, что способна на такое; колдуя, она не знала, что делает; и закончив колдовать, она не знала, как ей это удалось. Пришла пора *научиться*, как.

– Не видь, – сказала она.

Видение... или что-то другое, неважно, поскольку она не была уверена в происходящем... исчезло.

Первый раз для нее был шоком. Но ей *всегда* было легко видеть себя, по крайней мере мысленно. Все ее воспоминания были в виде картинок, показывающих, как она что-то делала или на что-то смотрела, но никак не вид, открывающийся из двух дыр на лице. Какая-то ее часть всегда наблюдала за ней.

Мисс Тик – еще одна ведьма, с которой разговаривать было намного легче, чем с той, что дала Тиффани шляпу, сказала, что ведьмы должны знать, как пребывать «осторонь» и что она узнает больше, когда ее способности возрастут. Поэтому Тиффани предположила, что фокус «увидь себя», это лишь часть общей способности.

Иногда Тиффани думала, что ей стоит посоветоваться с мисс Тик насчет этого «видь себя». Когда она произносила эти слова, то будто вышагивала из своего тела, оставаясь в призрачном, которое могло ходить. Фокус работал до тех пор, пока ее призрак не кидал взгляд на себя и не замечал, что его на самом деле нет. Когда такое случалось, часть ее начинала паниковать и она немедленно возвращалась в свое настоящее тело. Поразмыслив, Тиффани решила сохранить секрет для себя. Нет никакой нужды рассказывать учителю *все*. В любом случае, это хороший фокус, когда под рукой нет зеркала.

Мисс Тик была ведьмознаткой. Так уж было принято среди ведьм. Ведьмознатки с помощью магии разыскивали многообещающих девочек и подбирали им наставниц. Ведьмы не учили, как сделать что-то. Они учили, как понимать, что вы делаете.

Ведьмы в чем-то похожи на кошек. Они недолголюбивают общество других ведьм, но предпочитают *знать*, где те *находятся*, на тот случай, если в них возникнет нужда. Например, указать по дружбе на твое хихиканье, вот такая нужда.

Ведьмы мало чего боятся. Но мисс Тик сказала, что самые могущественные ведьмы боятся того, что они называют «*испортиться*». Нет ничего проще, чем скатиться в мелочную, беспечную жестокость, потому что у тебя есть власть, а у других – нет. Так просто прийти к

выводу, что другие люди ничего не значат. Так легко решить, что понятия «правильно» и «неправильно» к вам не применяются. И встав на *этот* путь, ты закончишь, сидя одна-одинешенька в пряничной избушке, пуская слюни, хихикая и отращивая бородавки на носу.

Ведьмам надо знать, что другие ведьмы присматривают за ними.

Вот, думала Тиффани, вот зачем нужна шляпа. Она могла дотронуться до шляпы в любое время, надо было лишь зажмуриться. Это было напоминанием...

– Тиффани! – позвала ее мать с лестницы. – Мисс Тик пришла!

Вчера Тиффани попрощалась с Бабушкой Болит...

Высоко в холмах железные колеса старого пастушьего вагончика наполовину погрузились в почву. Толстобрюхая печка все еще стояла покосившись в траве и вся заржавела. Меловые холмы поглощали их, так же, как поглотили кости Бабушки Болит.

Сам вагончик был сожжен в день ее похорон. Ни один пастух не осмелился бы занять его, а тем более переночевать. Бабушка Болит так сильно завладела умами людей, что слишком трудно было ее заместить. День за днем, ночь за ночью, круглый год она *была* страной: ее лучшей пастушкой, ее мудростью и ее памятью. Как будто зеленая равнина обзавелась душой, расхаживающей в старых ботинках, в фартуке из мешка, курила старую вонючую трубку и поила овец скипидаром.

Пастухи говорили, что от проклятий Бабушки Болит небеса голубели. Они называли пушистые белые облачка «ягнятками Бабушки Болит». И хотя говорили они это со смехом, какая-то часть в них не смеялась.

Ни один пастух не осмелился бы жить в этой хижине, ни один.

Поэтому они похоронили Бабушку Болит в Мелу, срезав перед этим дерн, а затем вернули его на место, полив водой, чтобы и следа не осталось. Потом они сожгли вагончик.

Овечья шерсть, Бравый Мореход и скипидар...

...были запахами пастушьего вагончика и запахами Бабушки Болит. Такие вещи западают вам в самое сердце. Всего один вдох – и Тиффани снова оказался в тепле, тишине и покое вагончика. Она всегда приходила сюда, когда ей было грустно. А бабушка Болит всегда улыбалась ей, заваривала чай и молчала. И ничего плохого просто не могло произойти здесь, в этом пастушьем домике на колесах. Это была крепость, защищающая от всего мира. Даже сейчас, после ухода Бабушки, Тиффани любила бывать здесь.

Тиффани стояла на холме, обдуваемая ветром, и овечьи колокольчики *перезванивались* вдали.

– Я должна... – она прокашлялась. – Мне надо уехать. Я... я должна учиться настоящему ведовству и здесь нет никого, кто мог бы учить меня. Я должна... присматривать за холмами, как это делала ты. Я могу... колдовать, но я не понимаю, что делаю, и мисс Тик говорит – незнание может убить. Я хочу ни в чем тебе не уступать. Я вернусь! Я скоро вернусь! Я обещаю вернуться лучшей, чем я сейчас.

Голубая бабочка, снесенная порывом ветра, уселась на плече Тиффани, пару раз хлопнула крыльшками и улетела.

Бабушка Болит не любила много разговаривать. Она собирала тишину, как другие собирали обрывки веревочек. Но своим молчанием она могла сказать все.

Тиффани подождала, пока слезы не высохли и спустилась с холма, оставив незатихающий ветер кружить в колесах и свистеть в печном дымоходе. Жизнь продолжалась.

Нет ничего необычного в том, что девочки в возрасте Тиффани идут «в услужение». Это значит работать прислугой у кого-нибудь. Обычно все начинали работать, помогая какой-нибудь одинокой старушке, которая не могла много платить, но поскольку это было ваше первое место, то и вы не многого стоили.

На самом деле Тиффани почти самостоятельно управлялась в их домашней молочной и ей лишь иногда помогали поднять большие фляги с молоком, поэтому ее родители удивились, что она вообще захотела пойти в прислуги. Но Тиффани объяснила, что так все делают. Так можно познакомиться с миром. Встретить новых людей. Никогда не знаешь, куда это приведет.

Это хитрое соображение склонило мать на ее сторону. У ее матери была богатая тетушка, которая когда-то устроилась работать посудомойкой, затем она стала горничной и так проделала весь путь наверх до экономки, вышла замуж за дворецкого и стала жить в роскошном доме. Хотя этот роскошный дом был не ее и занимала она там одну комнату, но она была почти как *леди*.

Тиффани не собиралась стать леди. Это была такая хитрость и мисс Тик тоже принимала в ней участие.

Поскольку денег за ведовство брать не разрешалось, ведьмы подрабатывали кто чем мог. Мисс Тик в основном маскировалась под учительницу. Она путешествовала со странствующими учителями, что переходили от одной деревни к другой и учили всех и всему в обмен на еду и поношенную одежду.

Это позволяло без опасений обходить всю округу, потому что люди в

Мелу не очень-то доверяли ведьмам. Они думали, что ведьмы снимают подштанники и танцуют под луной. (Тиффани провела свое собственное расследование и с некоторым облегчением обнаружила, что можно быть ведьмой и без танцев. Нет, если вам так хочется, то пожалуйста, только надо хорошенько запомнить расположение крапивы, чертополоха и ежежиков.)

Однако, если уж на то пошло, люди относились с подозрительностью и к странствующим учителям. Про них говорили, что они воруют кур и детей (что в каком-то смысле было правдой), и рассказывали, как учителя путешествуют от деревни к деревне в своих разноцветных фургончиках, одеваются в длинные балахоны с кожаными налокотниками и странные плоские шапочки, и разговаривают друг с другом на варварском наречии, которое никто больше не понимает, что-то вроде «*Alea jacta est*» и «*Quid pro quo*». Мисс Тик запросто могла сойти за одну из них. У нее была скрытная остроконечная шляпа, имевшая вид обычной черной соломенной шляпки с бумажными цветочками, пока вы не нажимали на потайную пружинку.

В последние год–два мать Тиффани была сильно удивлена и слегка обеспокоена неожиданной тягой Тиффани к учебе. Люди в деревне считали умеренное обучение неплохой штукой, но полагали также, что в излишних количествах оно может привести к перевозбуждению.

Затем, через месяц пришло сообщение: *Готовься.*

Мисс Тик заявила на ферму в своей цветочной шляпке и поведала мистеру и миссис Болит об одной пожилой леди в горах, которая прослышав о *незаурядной* квалификации Тиффани в изготовлении сыров, желала предложить ей место у себя за четыре доллара в месяц, один выходной в неделю, отдельную кровать и недельные каникулы на Стращество.

Тиффани знала своих родителей. Три доллара в месяц было немного маловато и пять долларов показалось бы подозрительно большой суммой, несмотря на то, что высокая квалификация заслуживала дополнительного доллара. И отдельная постель была очень неплохой прибавкой. Прежде чем часть старших сестер Тиффани покинули ферму, они спали по двое на кровати. Так что предложение было *хорошим*.

Мисс Тик произвела впечатление и слегка напугала родителей Тиффани, но они с детства привыкли верить, что другие люди, особенно употребляющие такие длинные слова, знают лучше, поэтому они согласились.

Тиффани случайно услышала, как они обсуждали этот вопрос между

собой после того, как она ушла спать. Случайно услышать разговор на нижнем этаже довольно просто, если поставить перевернутый стакан на пол и прижаться к нему ухом.

Она услышала, как ее отец сказал, что Тиффани вообще нет необходимости уезжать.

Она услышала, как ее мать ответила, что девочкам всегда хочется поглядеть на мир, так что для ее же пользы побыстрее избавиться от этой идеи. К тому же она способная и голова на плечах есть. И кто знает, если она проявит старание, то глядишь, в один прекрасный день поступит в услужение к кому-нибудь знатному, как например тетя Хетти, и будет жить в доме с уборной.

Отец ответил, что нет разницы, где мыть полы.

Мать сказала, что в таком случае Тиффани все быстро надоест и через годик она вернется домой и, кстати, что такое незаурядная квалификация?

Это значит «незаурядное мастерство», подумала Тиффани про себя. У них был старый словарь, но мать никогда его даже не открывала, потому что один только вид всех этих слов пугал ее.

Вот так и получилось, что спустя месяц она завернула свои старые ботинки, которые успели поносить все ее сестры, в чистую тряпочку и уложила их в подержанный чемодан, купленный для нее матерью. Чемодан выглядел, как будто его сделали из картона или из виноградных шкур, смешанных с ушной серой, и его надо было перевязывать веревкой.

Они попрощались. Тиффани немного поплакала, ее мать поплакала от души, и ее младший братишка Вентворт тоже поплакал в надежде, что ему перепадет конфетка. Отец Тиффани не плакал, он дал ей серебряный доллар и мрачно напомнил писать каждую неделю. Это было чем-то вроде мужской разновидности слез. Она попрощалась с сырами в сыроварне, с овцами в загоне и даже с котом Крысоедом.

И вот все домашние, за исключением сыров и кота, стояли в воротах и махали им – да, еще за исключением овец – до тех пор, пока Тиффани и мисс Тик не спустились в деревню по белой от мела тропинке.

Стояла тишина. Ее нарушали лишь звуки их шагов по кремнистой дорожке и несмолкаемая песнь жаворонка в вышине. Стоял август и было очень жарко. Новые ботинки жали.

– Я бы на твоём месте сняла их, – наконец сказала мисс Тик.

Тиффани села на обочине и достала старые ботинки из чемодана. Она даже не дала себе труда поинтересоваться у мисс Тик, откуда та знает о новых тесных ботинках. Ведьмы внимательны. Старые ботинки были намного удобнее, несмотря на то, что их приходилось носить с несколькими

парами носков. Эти ботинки начали ходить еще до рождения Тиффани и стали мастерами своего дела.

– Увидим ли мы сегодня... маленьких человечков? – спросила мисс Тик, когда они продолжили свой путь.

– Не знаю, мисс Тик, – ответила Тиффани. – Месяц назад я объявила им, что уезжаю. Летом у них обычно дел по горло. Но кто-нибудь из них всегда приглядывает за мной.

Мисс Тик быстро огляделась.

– Я ничего не вижу, – сказала она. – И не слышу.

– Вот верный признак, что они где-то поблизости, – ответила Тиффани. – Когда они рядом, все затихает. Но пока вы со мной, они не покажутся. Карги их немного пугают. Это ведьмы по ихнему, – быстро добавила она.

Мисс Тик вздохнула.

– Когда я была маленькой девочкой, мне так хотелось увидеть пиктси. Я ставила им блюдечки с молоком. Лишь позже я поняла, что несколько заблуждалась.

– Да уж, им надо наливать чего-нибудь покрепче, – согласилась Тиффани.

Она глянула на ограду и ей показалось, что там мелькнула рыжая шевелюра. И она немного нервно улыбнулась.

Тиффани побывала, хоть и в течении нескольких дней, королевой фей, насколько это вообще возможно для людей. Разумеется, называли ее не королевой, а *кельдой*, и обозвать в лицо Нак Мак Фиглов феями означало неминуемую драку. С другой стороны, Нак Мак Фиглы *всегда* искали повод подраться. Когда же не находилось никого, с кем они могли бы сразиться, они нападали друг на друга. Если же фигл пребывал в одиночестве, он мутил себя по носу, чтобы не потерять сноровку.

Технически, они *происходили* из Страны Фей, но их вышвырнули оттуда, похоже, что за беспробудное пьянство. И теперь, раз уж вы были их кельдой, они никогда не забудут об этом...

...и всегда будут где-то поблизости.

Один из них всегда околачивался на ферме или кружил на ястребе высоко над меловыми землями. Они приглядывали за ней, помогали и защищали ее, хотелось ли ей этого или нет. Тиффани старалась быть с ними вежливой, насколько это возможно. Она запрятала свой дневник на дно ящика в комод и заделала все щели в уборной и между половицами в своей спальне мятой бумагой. В конце концов, они были маленькими *мужчинами*. Тиффани была уверена, что они старались не попадаться ей

на глаза, чтобы не мешать, но она научилась их замечать.

Они исполняли желания – не те три волшебных желания фей, что всегда плохо заканчиваются, а обычные каждодневные желания. Нак Мак Фиглы были удивительно сильными, бесстрашными и невероятно быстрыми, но до них как-то не доходило, что зачастую люди *говорят* не то, что *думают* на самом деле. Однажды в молочной Тиффани сказала: «Был бы мой нож для нарезки сыра поострее...» и не успела она закончить предложение, как в стол уже был воткнут самый острый нож ее матери.

Пожелание, чтобы дождь закончился, было, скорее всего, безопасным, потому что фиглы не умеют колдовать по-настоящему. Но ей пришлось учиться осторожности, чтобы не пожелать ничего такого, что могут исполнить маленькие, решительные, сильные, бесстрашные и быстрые мужчины, всегда готовые дать пинка любому, был бы повод.

Желания приходилось обдумывать. Ей и без того никогда не пришло бы в голову заявить: «Хочу замуж за прекрасного принца», но она знала, что пожелай такое и в один прекрасный день обнаружишь за дверью оглушенного принца, связанного священника и радостно ухмыляющихся Нак Мак Фиглов, готовых стать свидетелями.

Поэтому ей приходилось обдумывать каждое слово. Но фиглы могли оказаться полезными в трудную минуту и она стала оставлять для них всякие вещицы, ненужные дома, но которые могли пригодиться маленькому народцу, например, крошечные ложечки для горчицы, булавки, суповую миску, из которой получилась бы чудная ванна для фиглов. На случай, если намек не будет понят, кусочек мыла. Мыло фиглы не крали.

В последний раз она поднималась высоко в меловые холмы, чтобы спуститься в древний курган, где жили пиксти, на свадьбу Роба Всякограба – Большого в клане и Дженни с Долгого Озера. Дженни должна была стать новой кельдой и провести всю оставшуюся жизнь в кургане, обзаводясь детишками, как пчелиная матка.

На праздник собрались фиглы со всех кланов, потому что если и есть такое, что фиглы любят больше гулянок, так это гулянки от всей души. И если есть такое, что фиглы любят больше гулянок от всей души, так это гулянки, на которых не надо платить за выпивку. Честно говоря, Тиффани чувствовала себя немножко не в своей тарелке, ведь она была раз в десять выше самого высокого фигла. Но обходились с ней хорошо и Роб Всякограб, прежде чем упасть лицом в пудинг, произнес длинную речь, называя ее «наша дивна мальчика великуча карга».

Было очень жарко и шумно, но она вместе со всеми одобрительно закричала, когда Дженни переволокла Роба через крохотное помело,

лежащее на полу. По традиции, жених и невеста должны вместе перепрыгнуть через него, но по такой же традиции, ни один уважающий себя фигл не позволил бы себе остаться трезвым на собственной свадьбе.

Потом ее предупредили, что ей не мешало бы уйти, так как сейчас начнется традиционная потасовка между кланом невесты и кланом жениха, которая может продлиться до пятницы.

Тиффани поклонилась Дженни, как обычно поступают карги, и хорошенько оглядела ее. Дженни была маленькая, приветливая и очень хорошенькая. Но глазки у нее сверкали, а подбородок был гордо вздернут.

Девушки Нак Мак Фигл были редки и они росли, зная, что когда-нибудь станут кельдами. У Тиффани появилось предчувствие, что Робу Всякограбу предстоит узнать много интересного о семейной жизни.

Потом она будет вспоминать о них с сожалением, но не *слишком* сильным. В известном смысле они были славными ребятами, но спустя какое-то время начинали действовать на нервы. К тому же ей уже исполнилось одиннадцать и она чувствовала, что после определенного возраста не стоит лазить в норы, чтобы поболтать с маленькими человечками.

Кроме того, Дженни наградила ее довольно ядовитым взглядом. Тиффани без труда поняла, что он означал. Когда-то Тиффани была кельдой клана, правда, совсем недолго. Она обручилась с Робом Всякограбом, хотя это было не более, чем уловкой. Дженни прекрасно все это знала. И ее взгляд говорил: *Он мой. Это место мое. Я не хочу тебя здесь. Убирайся!*

Тиффани и мисс Тик шли по тропинке, окруженные тишиной, потому что все обычные козявки, стрекошущие в изгороди, затихали, когда поблизости находились фиглы.

Они добрались до маленькой зеленой деревушки и сели, дожидаясь повозки, которая передвигалась чуть быстрее пешехода и ей требовалось пять часов, чтобы добраться до селения Двурубахи, где – как полагали родители Тиффани – они сядут в большую карету, следующую дальше в горы.

Тиффани уже различала ее на дороге, как послышался стук копыт. Она повернулась посмотреть и ее сердце словно подпрыгнуло и утонуло одновременно.

Это был Роланд, сын барона, верхом на породистом черном скакуне. Он спрыгнул, прежде чем конь остановился и в смущении застыл.

– Ах, какой чудесный и интересный кусок... камня вон там, – пропела мисс Тик приторно-сладким голосом. – А не пойти ли мне и не поглядеть

на него?

Тиффани была готова *ущипнуть* ее за это.

– Ээээ, значит ты уезжаешь, – пробормотал Роланд, когда мисс Тик поспешно удалилась.

– Да, – ответила Тиффани.

Похоже было, что Роланд мог вот-вот взорваться от нервозности.

– Это для тебя. Мне ее сделали, ээээ, там, в Йелпе. – Он вытащил пакет, завернутый в мягкую бумагу.

Тиффани взяла его и осторожно положила в карман.

– Спасибо, – сказала она и сделала маленький книксен. По правилам так и полагалось поступать при встрече со знатью, но Роланд лишь покраснел и начал заикаться.

– По-по-потом откроешь его, – сказал Роланд. – Надеюсь, тебе понравится.

– Спасибо, – ласково ответила Тиффани.

– А вот и повозка. Эээ... Непусти ее.

– Спасибо, – повторила Тиффани и присела еще раз, теперь уже ради производимого эффекта. В этом было что-то жестокое, но иногда без этого не обойтись.

Упустить повозку было не так-то и просто. Если быстро побежать, то можно спокойно обогнать ее. Она ехала так медленно, что, казалось, останавливалась сама по себе. Сидений в повозке не было. Возчик каждый день объезжал окрестные деревни, забирая посылки, и, время от времени, попутчиков. Надо было просто поудобнее устроиться между ящичков с фруктами и рулонами ткани.

Тиффани села сзади. Она свесила ноги в старых ботинках через край и болтала ими. А повозка тем временем тащилась по ухабистой дороге.

Мисс Тик сидела рядом с ней, и ее черное платье очень скоро побелело от мела.

Тиффани заметила, что Роланд не садился на коня, пока повозка почти что не скрылась с виду.

И она знала мисс Тик. Вопросы просто *рвались* у той с языка, потому что ведьмы ненавидят пребывать в неведении. Что же, как и следовало ожидать, лишь только деревня осталась позади, мисс Тик немного поерзала, покашляла и спросила:

– Разве ты не собираешься открыть его?

– Кого открыть? – спросила Тиффани, глядя в сторону.

– Он тебе подарок дал, – ответила мисс Тик.

– Я думала, вы пошли изучать интересный камень, мисс Тик, –

осуждающе сказала Тиффани.

– Ну, он был не *настолько* интересным, – без малейшей запинки ответила мисс Тик. – Так что, откроешь?

– Попозже, – сказала Тиффани.

Ей не хотелось обсуждать Роланда в данную минуту, да и вообще не хотелось, если честно.

На самом деле, она его вовсе не *недолюбливала*. Она нашла его в стране Королевы Фей и некоторым образом спасла, хотя он почти все время был без сознания. Такое бывает, когда нарываешься на раздраженных Нак Мак Фиглов. И *конечно же*, хотя никто из них ни словечка не соврал, дома все поверили, что это *он* спас *ее*. Разве может девятилетняя девочка, вооруженная сковородкой, спасти тринадцатилетнего мальчика с мечом.

Тиффани особо и не возражала. Зато никто не задавал ей вопросы, на которые она либо не хотела отвечать, либо вовсе не знала, что ответить. Но Роланд... он взял за привычку околачиваться поблизости. Она постоянно сталкивалась с ним на прогулках, чаще, чем это обычно бывает, и он всегда посещал все те деревенские события, что и она. Он был вежливым, но ее раздражал его вид побитого спаниеля.

Следовало признать – не без некоторого усилия – что он стал менее глупым, чем был раньше. С другой стороны, уж слишком много ее было поначалу, глупости.

Затем она подумала, Конь, и удивилась, почему это пришло ей в голову, пока не осознала, что смотрит на холмы перед собой, устремившись мыслями в прошлое...

– Никогда такого не видела, – сказала мисс Тик.

Тиффани обрадовалась ему, как старому другу. С этой стороны холмов Мел довольно круто поднимался над равниной. Впереди была небольшая впадина, чашей спускающаяся вниз, и на ее склоне был вырезан рисунок. Дерн сняли вдоль линий таким образом, что получился белый контур животного.

– Это Белый Конь, – сказала Тиффани.

– Почему его так называют? – спросила мисс Тик.

Тиффани посмотрела на нее.

– Потому что мел белый? – предположила она, с трудом сдерживаясь, чтобы не намекнуть на некоторую тупость мисс Тик.

– Нет, я спрашиваю, почему это называется конь? На коня не похоже. Это всего лишь... текущие линии...

...которые как будто двигаются, подумала Тиффани.

Люди говорили, что еще в стародавние времена их вырезали те, кто

возводил круги из стоячих камней и хоронил своих покойников в больших курганах. Они вырезали на склоне маленькой зеленой впадины Коня, что был в десять раз больше живого. И если вы смотрели на него не в том расположении ума, то он казался не похожим на коня. А ведь они должны были знать, как выглядят лошади. Они разводили лошадей и видели их каждый день и их нельзя было считать глупыми лишь за то, что они жили много лет назад.

Как-то раз, когда они возвращались с овечьей ярмарки, Тиффани спросила отца, почему конь так выглядит, и он рассказал ей то, что рассказала ему Бабушка Болит, когда он был маленьким. Он повторил слово в слово то, что она сказала ему и сейчас Тиффани тоже повторила эти слова:

– Это не *изображение* коня, – сказала Тиффани. – Это то, что конь *есть*.

– О, – ответила мисс Тик. Но поскольку она была не только ведьмой, но и учительницей, то просто не смогла удержаться и добавила: – Интересно, на самом деле считается, что белых лошадей нет. Их называют серыми^[1].

– Я знаю, – сказала Тиффани. – Но вот этот конь – белый, – решительно добавила она.

На какое-то время мисс Тик удовлетворилась и замолчала, но было заметно, что она о чем-то размышляет.

– Ты очень расстроена, что уезжаешь из Мела? – спросила она, покачиваясь в дребезжащей повозке.

– Нет, – ответила Тиффани.

– В этом нет ничего плохого.

– Спасибо, но я не расстроена, – ответила Тиффани.

– Если ты хочешь немножко поплакать, совершенно не обязательно притворяться, что тебе что-то попало в глаз или...

– Я в полном порядке, – ответила Тиффани. – Честно.

– Видишь ли, если ты будешь хранить в себе такие вещи, тебе станет хуже позднее.

– Я ничего не держу в себе, мисс Тик.

На самом деле Тиффани немного удивлялась, что не плачет, но говорить об этом с мисс Тик ей не хотелось. Тиффани оставила у себя в голове немножко места, чтобы выплакаться, но слезы не шли. Может быть потому, что она собрала все свои переживания и оставила их там на холме, возле пузатой печурки.

– И конечно же, если ты хоть на минутку почувствуешь себя

подавленной, ты всегда можешь развернуть этот подарок... – не унималась мисс Тик.

– Расскажите мне о мисс Левел, – перебила ее Тиффани.

Она ничего больше не знала о леди, к которой направлялась, только ее имя и адрес. Но такой адрес, как «Мисс Левел, Дом в Лесу около Сухого Дуба, что по тропинке Заблудшего высоко на Выступе. Если нет дома, то оставлять письмо в старом ботинке около двери», звучал многообещающе.

– Ах, Мисс Левел, да, – сдалась таки мисс Тик. – Эээ. Не такая уж она и старая на самом-то деле, но по ее словам, третья пара рук на подхвате ей не помешают.

Даже у мисс Тик бывают оговорки.

– Значит с ней уже кто-то живет? – спросила Тиффани.

– Эээ... нет. Не совсем, – ответила мисс Тик.

– Значит у нее четыре руки? – продолжала Тиффани.

Что-то в голосе мисс Тик говорило о том, что ей очень не хотелось распространяться на данную тему.

Мисс Тик вздохнула. Трудно разговаривать, когда тебя так внимательно слушают. Это сбивает с толку.

– Давай подождем, пока ты сама ее не увидишь, – ответила она. – Что бы я тебе не объясняла, все равно ты запутаешься. Но я уверена, вы с ней поладите. Она очень милая и она изучающая ведьма. Она держит пчел – и еще коз, чье молоко так полезно из-за своих гомогенизированных жиров.

– Чем занимается изучающая ведьма? – поинтересовалась Тиффани.

– О, это очень древнее ремесло. Она разрабатывает новые заклинания по образцу старых. Ну ты, наверное, слышала всю эту дребедень вроде «возьмите ухо летучей мыши и лягушачью лапку»? Толку от них никогда не было, но мисс Левел полагает: все это потому, что неизвестно, лапку какой именно лягушки надо взять...

– Простите, но я не собираюсь никому помогать резать невинных лягушек и летучих мышей, – отрезала Тиффани.

– Ох, нет, никого она не убивает! – быстро ответила мисс Тик. – Она берет животных, умерших своею смертью: тех которых задавили или кто покончил собой. Лягушки так часто впадают в депрессию.

Повозка медленно катилась по белой пыльной дороге, пока не скрылась из вида.

Ничего не происходило. Где-то в вышине пели невидимые жаворонки. Воздух был наполнен семенами трав. Высоко, в меловых холмах, бляели овцы.

Затем что-то прошло по дороге. Оно двигалось как маленький

замедленный вихрь и заметить его можно было лишь по поднимаемой им пыли. Двигаясь, оно издавало звуки, как будто жужжал рой мух.

Вскоре оно тоже скрылось за холмами...

Спустя какое-то время, внизу в траве чей-то голос произнес:

– Ах, кривенс! Он за ней обертается, таки да!

Второй голос ответил:

– Нечто стара карга его не заметит?

– Чегось? Учителка? Да разве ж она пристойна карга!

– У нее под цветиками остроконечна шляпа, Величий Ян, – несколько неодобрительно ответил второй голос. – Я-то сам зрил. Стоит ей тиснуть мальцу пружинку, как конец и выскочит.

– Ох, айе, Хаммиш, но осмелюсь заметить, что читать да писать она дуже гарно может, но ведать о том не ведает, чего в книжках не понаписано. А я сам не сунусь, покеда она тут околачивается. Она из тех, что все на бумагу перекладает! Гэтьски к кельде!

Много было причин, по которым Нак Мак Фиглы с Меловых холмов ненавидели всякую писанину, но самая главная заключалась в том, что все написанное оставалось навсегда. Написание слов продляло им жизнь. Скажешь какую мысль и вдруг какой *отвратец* ее запишет, и кто его знает, что он потом будет делать с этими словами? Это все равно, что прибить свою собственную тень к стене!

Но с приходом новой кельды повеяло новыми веяниями. Так и *должно* быть. Иначе клан разленится и перестанет учиться чем-либо новому.

Кельда Дженни происходила из клана фиглов Долгого Озера, что высоко в горах, и они *умели* писать. Поэтому Дженни не видела оправданий для своего мужа. И Роб Всякограб обнаружил, что уж Дженни-то кельда настоящая.

Пот капал с его лба. Как-то раз он один на один сразился с волком и поборол его. И он с радостью схватился бы с ним снова, да еще и с закрытыми глазами и с привязанной за спиной рукой, лишь бы не заниматься письмом.

Робу уже удалось освоить первые два правила писания, в той мере, как он их понимал:

1. Украсть бумагу;
2. Украсть карандаш.

К несчастью, правил было намного больше.

И сейчас он сжимал в руках огрызок карандаша, сопротивляясь братьям, подталкивающим его к прикрепленному к стене листу бумаги (это был старый счет за овечьи колокольцы, украденный на ферме). Остальные

члены клана в священном ужасе взирали на происходящее с идущих вдоль стен галерей.

– Мабудь я зачну с чего *полегше*, а? – протестовал он, упираясь изо всех сил. Его пятки оставляли следы в земляном полу кургана. – Мабудь я зачну с этих запятулек или окончательных точек...

– Ты, Роб Всякограб, Большой клана, так что тебе первому писать, – сказала Дженни. – Не можно мне мужа иметь, что даже свое имя написать не умеет. Я ведь показывала тебе буквы, так?

– Айе, жинка, эти меркзие, петлячие, кривые загогулины! – прорычал Роб. – Не доверяю я этой буквице «Й», она явно что-то замышляет! Вона жалом обзавелась!

– Прижими карандаш к бумаге, я скажу тебе, что делать, – скомандовала Дженни, складывая на груди руки.

– Айе, но от этой писанины одни беды, – пробормотал Роб. – Слово, что записано было, может погибель навлечь!

– Никшни, хватит уже! Это так просто! – отрезала Дженни. – Даже детишки большаков справляются, а ты целый взрослый фигл!

– Записанные слова продолжают говорить и после *смерти* их сказавшего! – ответил Роб Всякограб, размахивая карандашом, будто отгоняя злых духов. – И речи не смей, что это справно!

– А, так ты *перелякаешься* букв, вот оно что? – проворно сказала Дженни. – Вот и ладушки. Все велики мужчины чего-то да перелякаются. Вулли, заberi у него карандаш. Нельзя потребовать от мужчины, чтобы он узрился в лицо своим страхам.

В полной тишине Вулли Валенок отобрал карандаш у своего брата. Маленькие глазки-бусинки всех фиглов были направлены на Роба Всякоргаба. Его кулаки сжимались и разжимались. Он тяжело дышал, не отводя глаз от чистого листа бумаги. Наконец, Роб выпятил подбородок.

– Айе, ну ты и кррррута жинка, Дженни Мак Фигл! – сказал он. Роб поплевал на ладони и выхватил карандаш у Вулли Валенка. – А ну дай сюды это орудие погибели! Эти буквецы и понять не встигнут, чего их там написало!

– Ты мой храбрец! – ответила Дженни, глядя на изготовившегося к бою Роба. – Вот и гарно. Значит, первая буква, это буква Р. Та, что будто подбоченилась, помнишь?

Собравшиеся фиглы наблюдали за Робом Всякограбом, который, высунув язык и яростно фыркая, двигал карандашом, выписывая петли и линии букв. После каждой написанной буквы он выжидающе поглядывал на кельду.

– Ну вот и все, – наконец сказала она. – Гарная попытка!

Роб Всякограб сделал шаг назад и критически оглядел запись.

– Вот это? – сказал он.

– Айе, – ответила Дженни. – Ты написал свое имя, Роб Всякограб!

– Теперя я в тюрьму пойду? – спросил Роб.

За спиной Дженни раздалось вежливое покашливание, принадлежащее Жабу. Другого имени у него не было, потому что у жаб имен вообще нет. Несмотря на происки темных сил, что побуждают людей думать иначе, не было еще жабы, которую называли бы, например, Томми. Такого просто не бывает.

Когда-то давно он был адвокатом (адвокатом для людей, жабы как-то обходятся без них). Его превратила в жабу сказочная крестная фея, которая *намеревалась* превратить его в лягушку, но не совсем ясно понимала разницу между ними. Теперь он жил в фиговском кургане и ел червей и помогал им разбираться с делами, требующими сложных умозаключений.

– Я уже говорил тебе, Роб Всякограб, только оттого, что ты напишешь свое имя, неприятностей не будет. В словах «Роб Всякограб» нет ничего противозаконного. Если конечно, – тут Жаб хихикнул, – ты не призываешь к действию.

Никто из фигов не рассмеялся. Фиглы предпочитали более смешные шутки.

Роб Всякограб рассматривал кривую надпись.

– Так вот оно и есть мое прозвание, айе?

– Совершенно точно, мистер Всякограб.

– Ну поганного пока что ничего не сотворилось, – заметил Роб. Он подошел поближе к листу бумаги. – А откель те ведомо, что то мое прозвание?

– С подмогой того, что чтением прозывают, – ответила Дженни.

– Это когда все эти буквицы балакают у тя в башке? – спросил Роб.

– В точку! – сказал Жаб. – Но мы решили, что тебе лучше начинать с более *физической* стороны процесса.

– Мабудь с мя писанины хватит, а читать кто другой будет? – спросил Роб без особой надежды.

– Нет, мой мужчина начуится и тому, и другому, – ответила Дженни, снова складывая руки. Когда женщина фигол складывала руки, то дело было безнадежным.

– Ах, что за беда мужчине, коли жинка его с жабой стакнется, – сказал Роб, качая головой. Но когда он повернулся глянуть на надпись, на его лице была написана гордость.

– Так значит, это мое прозвание? – ухмыльнулся он.

Дженни кивнула.

– Прямо здесь, само по себе, а не на объявленке «Разыскивается» или что-то в таком духе. Мое прозвание, написанное мною самим.

– Да, Роб, – сказала кельда.

– Под моим пальцем *мое* прозвание. И никакой отвратец ничего не сможет с ним сотворить? Оно в целости и сохранности?

Дженни кинула взгляд на Жаба, который лишь пожал плечами. Это была обычная реакция тех, кто знал, что все мозги в кланах Нак Мак Фиглов доставались женщинам.

– У мужчины может быть репутация, только когда прозвание его никто потрогать не сможет, – сказал Роб Всякограб. – Это сурьезная магия, это...

– Буква «Р» повернута не в ту сторону и ты пропустил буквы «В» и «О», – вставила Дженни, потому что это забота жены не дать мужу лопнуть от гордости.

– Ах, жинка, откель же мне ведать, какой рукой она подбоченивается, – ответил Роб, рассеяно взмахнув рукой. – Рази можно им доверять. Таки вещи каждому истинному писаке ведомы. Сегодня она подбоченивается этой рукой, а завтра возьмет и подбочениться другой.

И он радостно улыбнулся своему имени.

– Чую я, что с этими «Я» ты неправа, – продолжил он. – Чую, что тама должно идти В – С – Е – К – О... Это В... Сее... КооГо... Грабь, поняла? Вот так будет со *смыслом!*

Он сунул карандаш себе в волосы и дерзко взглянул на нее.

Дженни вздохнула. Она выросла в окружении семи сотен братьев и знала, каким образом крутятся их мозги – зачастую очень быстро, но в то же время совершенно не в том направлении. И если им не удавалось приноровить свои мысли к окружающей действительности, они принаравливали действительность под них. Мать всегда советовала ей не спорить в таких случаях.

На самом деле, в клане Долгого Озера не все фиглы умели бегло читать и писать, таких было всего фиглов шесть. К этим занятиям относились как к каким-то странным и курьезным развлечениям. В конце-то концов – какой тебе от них толк, когда ты вылез утром из кровати. Разве они нужны, чтобы поймать форель или кролика, или чтобы найти выпивку? Ветер не прочитаешь и на воде не напишешь.

Но записанные слова сохранялись. Это были голоса фиглов, умерших много лет тому назад, голоса тех, кто видел странные вещи, кто делал странные открытия. Отношение к записям зависило от того, насколько

пугающими они вам казалось. Клан Долго Озера одобрительно относился к записям. И Дженни хотела для своего нового клана всего самого лучшего.

Начинающей кельдой быть нелегко.

Ты приходишь в чужой клан в сопровождении нескольких братьев – твоих телохранителей, выходишь замуж и начинаешь новую жизнь в клане мужа. И нельзя позволять себе на этом зацикливаться, а то измучаешься.

Дома, на Долгом озере, она могла хотя бы с матерью поговорить, но кельдам дорога домой была заказана.

Если не считать братьев – телохранителей, кельда была совсем одна.

Дженни страдала от одиночества, тосковала по дому и страшилась будущего, и все это привело ее к ошибке...

– Роб!

Хамиш и Величий Ян кубарем ввалились в замаскированный под кроличью нору вход в курган.

Роб Всякограб недовольно посмотрел на них.

– Ваще-то мы тут литературными изысками занимаемся, – сказал он им.

– Ага, Роб, только следили мы, чтоб мальчика велича карга отбыла в сохранности, как ты и наказал. Так вот, за ней роитель гонится! – затараторил Хамиш.

– Да ты чего? – Роб выронил карандаш. – Я и не слыхивал, что они на этом свете бывают!

– Ох, айе, – ответил Величий Ян. – У мя от его зуда аж зубы разболелись!

– А ты ее не предупредил, дурачина? – спросил Роб.

– Там с ней была стара карга, Роб, – ответил Величий Ян. – Учителка.

– Мисс Тик? – поинтересовался Жаб.

– Айе, та, у которой пика, як скисшая сметана, – пояснил Величий Ян.

– И ты сам наказывал, чтоб мы на очи не казались, Роб.

– Айе, пропасть, но тут совсем иное... – начал было говорить Роб Всякограб, но запнулся.

Ему не так уж долго довелось побыть женатым мужчиной, но семейная жизнь способствует быстрому развитию у мужей изрядного количества дополнительных чувств, намертво встроенных в мозги. И одно из этих чувств подсказывало Робу, что он серьезно влип.

Дженни постукивала ножкой о пол. И ее руки были сложенны на груди. И еще она улыбалась той особой улыбкой, которую быстро осваивают молодые жены, и эта улыбка говорила: «Да, ты влип и я не собираюсь облегчать тебе жизнь...»

– Таки что вы там речете о мальчика великучей карге? – спросила она тихим и смиренным голосом мыши, прошедшей обучение в Колледже, где готовят грызунов-убийц.

– О, а, ах, ну, айе... – начал Роб с упавшим лицом. – Да не турбуйся, миленька. Мы про ту, что на нашей свадьбе была, айе. Что кельдой нашей была денек-другой. Это Стара Матушка, прежде чем в Земли Живых возврататься, заставила ее клятву дать, – добавил он на случай, вдруг упоминание о том, что это было волей ушедшей кельды, утихомирит готовую разразиться бурю. – И до того ж она карга нашенская, то приглядывать за ней дело справное...

Роб Всякограб сник и замолчал, заметив выражение лица Дженни.

– Настоящей кельдой только та станет, что выйдет замуж за Большого клана, – сказала Дженни. – Вот как я вышла за тя, Роб Всякограб Фигл. И рази ж я те не гарна жинка?

– Да просто чудная, – забормотал Роб. – Но...

– А сразу на двух ты женатым быть не можешь, потому что это багатожество, верно? – продолжала Дженни опасно ласковым тоном.

– Ах, да где ж тут богатство-то? – ответил Роб Всякограб, в отчаянии озираясь по сторонам в поисках спасения. – Это ж только на время, и она всего лишь мала дивчинка, и соображала она неплохо...

– Это я хорошо соображаю, Роб Всякограб, и это я кельда клана, не так ли? И двух кельд быть не может! Так что хорош бегати за велик мальчика дивчинкой. Что за стыд! Уверена, не сподобется ей, коли Велич Ян увсе время на нее вытаращиваться будет.

Роб Всякограб повесил голову.

– Айе... Но...

– Что но?

– Ее преследует Роитель.

Последовала долгая пауза, прежде чем Дженни сказала:

– Ты уверен?

– Айе, кельда, – ответил Велич Ян. – Кто хоть раз почует его жужжание, никогда его не позабудет.

Дженни прикусила губу и чуть побледнела. Затем она сказала:

– Не ты ли рек, что из нее могучая карга получится, Роб?

– То так, но никто еще не выжил, кто Роителя повстречал! Не можно его ни убить, ни остановить, ни...

– Рази не сказывал ты, как велика мальчика дивчинка боролась с самой Кралевой и перемогла? – продолжала Дженни. – Насувала ей сковородкой, сам сказывал. Так значит, она свое дело знает, айе? Коли она справная

карга, то справится сама. Каждый должен сам испить свою чашу до дна. Что бы за ней не гналось, ей придется встретиться с этим лицом к лицу. И если она этого не может, то ничего она и не стоит.

– Айе, но Роитель хужее, чем... – начал Роб.

– Она отправилась учиться каргованию у других карг, – отрезала Дженни. – Мне же предстоит учиться кельдованию у самой себя. И те только остается надеяться, Роб Всякограб, что она выучится также швыдко, как и я.

Глава вторая

Дверубахи и два носа

Дверубахами называлось место, где дорога делала крутой поворот. Все, что там было – это постоянный двор для проезжающих карет, кузница и маленькая лавочка с самонадеянной вывеской «сувениры», написанной на куске картона и выставленной в окне. И ничего больше. В округе там и сям стояли дома, разделенные полями и редкими лесами, обитатели которых, наверное, считали Дверубахи большим городом. Таких местечек хватает во всех мирах. Это такие местечки, из которых люди выходят в большой свет, а обратного никогда не случается.

Городок нежился в лучах полуденного солнца и прямо посреди дороги, в пыли, дремал престарелый пятнистый спаниель.

Но Дверубахи были больше, чем родная деревня Тиффани, и ей еще не доводилось видеть сувениров. Поэтому она вошла в магазин и отдала полпенни за вырезанную из дерева фигурку двух рубашек, висящих на веревке для просушки, и за две открытки, озаглавленные «Виды Дверубах», на которых были изображены сувенирная лавочка и, судя по всему, все та же собака, что спала на дороге.

Маленькая старушка за прилавком назвала ее «юной леди» и рассказала, что жизнь в Дверубахах всегда оживляется, когда наступает время Фестиваля Квашенной Капусты, на который собирается народ со всей округи.

Выйдя из лавки, Тиффани обнаружила мисс Тик, стоящую на дороге рядом со спящей собакой, хмуро уставившуюся в сторону, откуда они приехали.

– Что-то не так? – спросила Тиффани.

– А? – сказала мисс Тик, с таким видом, словно она полностью забыла о существовании Тиффани. – Ох... нет. Я только... я подумала, что я... слушай, не пойти ли нам и не перекусить?

Они немного походили по постоялому двору, в поисках живой души, а затем мисс Тик решительно направилась на кухню, где обнаружила служанку, которая побещала им лепешки и чай. Служанка сама удивилась своему обещанию, поскольку давать его и не собиралась, ведь, строго говоря, ее рабочие часы начинались лишь после прибытия кареты. Но мисс Тик умела задавать вопросы таким образом, чтобы ей давали

устраивающие ее ответы.

Мисс Тик также получила от нее сырое яйцо. Еще одна из способностей ведьм – формулировать вопросы так, чтобы их не спрашивали в ответ «Зачем?».

Затем они сели на солнышке, на скамейке перед постоянным двором, и перекусили. После перекуса Тиффани достала свой ежедневник. Еще один дневник остался в сыроварне, но тот предназначался для ведения учета сыров и масла. Этот же служил ее личным дневником. Она купила его у странствующего торговца по дешевке, потому что он был за прошлый год. Но, как верно заметил торговец, количество дней в нем было таким же.

Дневник закрывался на маленький латунный замочек, крепящийся кожаным ремешком. К замочку прилагался крошечный ключик. На замок-то Тиффани и польстилась. В определенном возрасте вы начинаете понимать всю привлекательность замков.

Она написала «Дверубахи», немного подумала и добавила «поворот дороги».

Мисс Тик по-прежнему не сводила глаз с дороги.

– В чем дело, мисс Тик? – снова спросила Тиффани, оторвавшись от дневника.

– Я... не уверена. На нас кто-нибудь смотрит?

Тиффани огляделась по сторонам. Дверубахи дремали на жаре. Нигде никого не было.

– Нет, мисс Тик.

Учительница сняла шляпу и извлекла из нее пару деревяшек и моток черных ниток. Она закатала рукава, быстро оглядываясь по сторонам, на случай если в Дверубахах вдруг случится прирост населения, затем отровала нитку и взяла яйцо.

Несколько секунд яйцо, нитка и пальцы мелькали, и вот яйцо закачалось в аккуратной черной сетке, свисающей с пальцев мисс Тик.

Тиффани была впечатлена.

Но мисс Тик еще не закончила. Она начала доставать всякую всячину из карманов, а карманов у ведьм обычно бывает предостаточно. Мисс Тик достала бусины, пару перышек, стеклянную линзу и две-три полоски цветной бумаги. Все они все пошли в запутку, сотворенную из дерева и хлопка.

– Что это? – спросила Тиффани.

– Это Запутка, – ответила мисс Тик, сосредотачиваясь.

– Это магия?

– Не совсем. Это фокус.

Мисс Тик подняла левую руку. Перья, бусины, яйцо и прочая дребедень, извлеченная из ее карманов, завертелись в паутине из ниток.

– Хм... – сказала она. – А теперь посмотрим, что я смогу увидеть...

Она просунула пальцы правой руки в паутину и *потянула*...

Яйцо, стеклышко, бусинки и перья затанцевали в запутке, и Тиффани была уверена, что в какой-то момент одна из нитей прошла сквозь другую.

– О, – сказала она. – Это как Кошачья колыбелька!

– Ты ведь играла в нее? – рассеянно спросила мисс Тик, пытаясь сосредоточиться.

– Я умею делать все основные фигуры. – ответила Тиффани. – Сокровище, Колыбель, Домик, Стаю, Три старых леди, одна с косоглазием, несущие корзину с рыбой на рынок, когда они встретили осла... Хотя эту в одиночку не сделаешь и она получилась у меня только один раз и то, Бетти Таппер не вовремя почесала нос и мне пришлось братья за ножницы, чтобы отрезать ее конец...

Пальцы мисс Тик двигались, как ткацкий станок.

– Забавно, теперь в это играют дети. – заметила она. – Ага... – Она пристально взгляделась в сплетенную ею сложную паутину.

– Что-нибудь видно? – спросила Тиффани.

– Позволь мне немного сосредоточиться, детка? Спасибо...

Спящая на дороге собака проснулась, зевнула и поднялась на ноги. Она протрусила к скамейке, одарила Тиффани укоризненным взглядом и свернулась калачиком у ее ног. От собаки пахло заплесневелыми ковриками.

– Здесь... *что-то*... есть... – очень тихо сказала мисс Тик.

Паника охватила Тиффани.

Белая пыль на дороге и каменная стена напротив отражали солнечный свет. В маленьких желтых цветочках, растущих на стене, гудели пчелы. Спаниель, спящий у ног Тиффани, время от времени похрапывал и попукивал.

И все же было во всем этом что-то неправильное. Она чувствовала, как ее что-то сдавило, что-то навалилось на окружающий ее пейзаж, залитый ярким солнечным светом, *стиснуло* его. Мисс Тик и ее нитяная паутинка не двигались, застыв в приступе животного ужаса.

Вообще-то нити двигались, но сами по себе. Яйцо кружилось, стеклышко поблескивало, бусинки скользили и перепрыгивали с нити на нить...

Яйцо взорвалось.

Появилась карета.

Она подъехала, волоча за собой мир, окутанная пылью и сопровождаемая цокотом копыт. Солнце стало незаметным в ее присутствии. Распахнулись двери, зазвякала сбруя. От лошадей валил пар. Спаниель сел и с надеждой завилял хвостом.

Давление исчезло – нет, оно *сбежало*.

Мисс Тик вытащила носовой платок и стала оттирать следы яйца со своего платья. Остатки запутки скрылись в карманах с необыкновенной скоростью.

Мисс Тик улыбнулась Тиффани и заговорила, продолжая улыбаться, что придавало ей несколько безумный вид.

– Не вставай, ничего не делай, сиди тихо, как мышка. – сказала она.

Тиффани самой ничего не хотелось делать, а лишь сидеть молча. Она чувствовала себя так, словно пробудилась после ночного кошмара.

Появились пассажиры – те что побогаче вылезли из кареты, те, что победнее, спустились с крыши. Они прошли мимо, переговариваясь, топоча ногами и поднимая клубы пыли, и скрылись в трактире.

– А теперь, – сказала мисс Тик, когда дверь за пассажирами захлопнулась, – мы... мы отправимся... на прогулку. Вон видишь ту рощицу? Туда мы и пойдём. И когда мистер Краббер, возчик, встретит завтра твоего отца, он расскажет, что довез нас сюда прямо перед прибытием кареты, и... и... и все будут довольны и никто не будет лгать. Вот что важно.

– Мисс Тик? – спросила Тиффани, поднимая чемодан.

– Да?

– Что сейчас произошло?

– Я не знаю, – ответила ведьма. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Эээ... да. У вас на шляпе остался желток.

И вы слишком нервничаете, подумала про себя Тиффани. Это и тревожило ее больше всего.

– Платье жаль, – добавила она.

– С ним и не такое бывало, – ответила мисс Тик. – Пошли.

– Мисс Тик, – повторила Тиффани, идя следом за ней.

– Ээ... да?

– Вы очень нервничаете, – сказала Тиффани. – Если вы расскажете мне, в чем дело, нас будет уже двое и мы разделим тревогу пополам.

Мисс Тик вздохнула.

– Возможно, что ни в чем, – ответила она.

– Мисс Тик, яйцо взорвалось!

– Да. Ммм. Понимаешь, запутку можно применять как простейший

определитель и усилитель магии. Она очень неточная, но при смятении и испуге может пригодиться. Я думаю... может я что-то не так сделала. И потом, иногда бывают произвольные разряды магии.

– Вы сплели ее потому, что испугались, – сказала Тиффани.

– Испугалась? Вот уж нет. Я *никогда* не пугаюсь! – отрезала мисс Тик.
– Но раз уж ты заговорила об этом, то я *была* заинтригована. Меня что-то встревожило. Что-то где-то совсем рядом. Хотя, может, ничего и не было. Да и раз уж мы уходим, я совсем успокоилась.

Не похожи вы на спокойную, думала Тиффани. И я ошиблась. Когда встревожены два человека, то это означает, что каждый из них встревожен в два раза сильнее.

Но она была уверена, что в Двурубахах ничего магического нет. Это всего лишь поворот дороги.

Спустя двадцать минут пассажиры вернулись в карету. Кучер заметил, что лошади вспотели и удивился, что слышит жужжание мух, хотя самих мух не видно.

А та собака, что спала на дороге, позже была обнаружена в конюшне, где она жалобно скулила.

До роши было полчаса ходьбы, и мисс Тик и Тиффани по очереди несли чемодан. Это была ничем не примечательная роша буковых деревьев. Правда, если знать, что бук выделяет ядовитую жидкость, которая, попадая в почву, убивает всю поросль, можно предположить, что с этим деревом все не так-то и просто.

Они сели на бревно и стали ждать заката. Мисс Тик рассказывала Тиффани про запутки.

– Так значит в них ничего магического нет? – спросила Тиффани.

– Нет. Они пропускают через себя магию.

– Как очки, через которые вы смотрите, но они сами за вас не смотрят?

– Умница! Что волшебного в телескопе? Да ничего. Это всего лишь труба со стеклами, но с его помощью можно сосчитать драконов на луне. И... ты когда-нибудь стреляла из лука? Скорее всего нет. Но запутка может работать как лук. Лук запасает энергию, производимую мускулами лучника, и посылает тяжелую стрелу намного дальше, чем стрелок смог бы *кинуть* ее рукой. Ты можешь сделать ее из чего угодно, главное, чтобы она... выглядела как настоящая запутка.

– И можно узнать, сотворилась ли магия?

– Да, если для этого ты ее и сделала. Но если ты умеешь ею пользоваться, то с ее помощью можно самой творить магию,

концентрируясь на том, что хочешь сделать. Можно использовать ее для защиты, вроде ловушек проклятий, или насылать заклятие, или... знаешь, она вроде тех дорогостоящих перочинных ножииков, в которых есть маленькая пилка, ножницы и зубочистка. Вот только не думаю, что хоть одна ведьма почистила себе зубы с помощью запутки, хих. Все молодые ведьмы должны уметь делать запутку. Мисс Левел тебя научит.

Тиффани оглядела рощу. Тени стали длиннее, но тени ее не тревожили. Обрывки поучений мисс Тик всплывали у нее в памяти:

Всегда смотри в лицо своим страхам. Всегда носи с собой деньги, но не слишком много, и кусок веревки. Даже если это не твоя вина, все равно ты за это отвечаешь. Ведьмы все улаживают. Никогда не стой между двумя зеркалами. Никогда не похихикивай. Делай что должна. Никогда не лги, но всегда быть честной необязательно. Никогда не загадывай желания. В особенности не загадывай желания на звездах, что глупо с точки зрения астрономии. Открой глаза и затем открой глаза еще раз.

– У Мисс Левел длинные седые волосы, да? – спросила она.

– Да.

– Она довольно высокая леди, чуть-чуть полноватая и увешана ожерельями? – продолжала Тиффани. – И еще у нее очки на цепочке. И на удивление высокие каблукки.

Мисс Тик дурой не была и огляделась по сторонам.

– Где она?

– Стоит под деревом вон там, – ответила Тиффани.

И даже с подсказкой мисс Тик пришлось всматриваться. Тиффани уже заметила, что ведьмы заполняют собой пространство. Каким-то особым образом, что и не опишешь толком, они кажутся более настоящими, чем всё остальное вокруг них. Они просто выделяют себя. Но если ведьмы не хотят, чтобы их увидели, их на удивление трудно заметить. Они не прячутся, не исчезают с помощью магии, хотя именно так оно и кажется, но если вам придется описывать впоследствии комнату, вы поклянетесь, что никакой ведьмы там не было. Они словно позволяют себе затеряться.

– Молодец, – сказала мисс Тик. – Я все думала, когда же ты ее заметишь.

«Ха!» – подумала Тиффани.

Мисс Левел подходила к ним и становилась все более и более реальной. Она была одета в черное и все ее черные украшения позвякивали при ходьбе. Тиффани поразили ее очки, необычная вещь для ведьмы. Мисс Левел напомнила Тиффани довольную курицу. И у нее было две руки, как и полагалось.

– Ах, мисс Тик, – сказала она. – А ты, должно быть, Тиффани Болит.

Тиффани уже знала, что надо поклониться; ведьмы не приседают (если только не хотят смутить Роланда).

– Я быстренько переговорю с мисс Левел, Тиффани, если ты *не против*, – многозначительно сказала мисс Тик. – Это касается только старших ведьм.

«Ха!» – повторила про себя Тиффани, потому что ей нравилось, как это звучит.

– А я тогда пойду и быстренько взгляну вон на то дерево, – ответила она, надеясь, что это прозвучало с убийственным сарказмом.

– Я бы на твоём месте пошла в кустики, солнышко, – сказала ей вслед мисс Левел. – Не люблю прерывать полет из-за таких дел.

Неподалеку росло несколько кустов падуба, которые могли послужить хорошим укрытием, но после того, как с ней обошлись словно она какая-то десятилетка, Тиффани скорее бы позволила своему мочевому пузырю лопнуть.

«Я одолела Королеву Эльфов!» – думала она, направляясь к дереву. Ну ладно, сейчас я уже не вполне понимаю, как мне это удалось, потому что все кажется сном, но я это сделала!

Тиффани разозлилась, что от нее так отделались. Немного уважения никому еще не навредило, а? Как говорила старая ведьма госпожа Ветровоск? «Я отнесусь к тебе с уважением, как ты, в свою очередь, отнесешься с уважением ко мне». Госпожа Ветровоск, та самая ведьма, на которую все остальные ведьмы в глубине души мечтают быть похожей, отнеслась ко мне с уважением, так чего им стоило проявить небольшие усилия в этом направлении?

Она произнесла: «Увидь меня».

...и вышла из своего тела, направившись к мисс Тик и мисс Левел в своем невидимом призрачном теле. Тиффани не решалась глядеть вниз, чтобы не заметить отсутствие ног. Когда она повернулась, чтобы посмотреть на свое материальное тело, она увидела саму себя, спокойно стоящую среди кустов падуба, явно слишком далеко, чтобы слышать хоть что-то.

Когда Тиффани незаметно подкралась поближе, она услышала, слова мисс Тик:

– ...но пугающе развита не по годам.

– Ох, я никогда толком не ладила с умниками, – ответила мисс Левел.

– Но в глубине души она добрая девочка, – продолжала мисс Тик, что вызвало у Тиффани даже большую досаду, чем «пугающе развита не по

годам».

– *Вы, конечно, осведомлены о моей ситуации,* – услышала Тиффани, подкравшись поближе.

– Да, мисс Левел, но ваша работа – ваша лучшая рекомендация. Вот почему госпожа Ветровоск предложила вас.

– Но я боюсь, что становлюсь немного рассеяной, – забеспокоилась мисс Левел. – Я сюда просто еле долетела, потому что, как дура, забыла очки для дали на моем другом носу...

«На другом носу?» – подумала Тиффани.

Обе ведьмы замерли, как сговорившись.

– У меня нет яйца! – вскрикнула мисс Тик.

– Я всегда ношу жука в спичечном коробке для таких случаев! – пискнула мисс Левел.

Их руки шарили по карманам, извлекая из них веревочки, перышки, разноцветные лоскутки...

«Они почувствовали меня! – подумала Тиффани и шепнула: – Не видь себя!»

Она мигнула и покачнулась на каблуках, вернувшись в маленькую фигурку, терпеливо ждущую в кустах падуба. В отдалении мисс Левел лихорадочно плела запутку, а мисс Тик пристально вглядывалась в лес.

– Тиффани, немедленно вернись! – закричала она.

– Иду, мисс Тик, – ответила Тиффани и заторопилась к ним, как положено хорошей девочке.

Они каким-то образом почувствовали меня, думала она. Ну что же, на *то они и ведьмы*, в конце-то концов, даже если мне они кажутся не очень могущественными...

И тут на нее снова обрушилось давление. Казалось, что оно сплющивает лес и наполняет его ужасным ощущением, что прямо позади тебя что-то стоит. Тиффани упала на колени, прижав руки к ушам, и ее голову сдавила невыносимая боль.

– Готово! – закричала мисс Левел.

Она держала в руках запутку. Ее запутка сильно отличалась от запутки мисс Тик и была сделана из веревочки, вороньих перьев и блестящих черных бусин, а посерединке болтался самый обычный спичечный коробок.

Тиффани закричала. Боль пронзила ее, как раскаленная игла, и в ушах оглушительно жужжали мухи.

Спичечный коробок взорвался.

Затем наступила тишина, и птицы снова запели, и ничего не напоминало о случившемся, лишь на землю плавно опускались кусочки

коробка и несколько радужных обрывков надкрыльев.

– Боже-ж ты мой, – сказала мисс Левел. – Какой хороший был жук.

– Тиффани, ты как? – спросила мисс Тик.

Тиффани моргнула. Боль исчезла так же быстро, как и появилась, оставив о себе лишь обжигающие воспоминания. Она с трудом поднялась на ноги.

– Все в порядке, мисс Тик!

– Тогда, будь добра, отойдем на пару слов, – сказала мисс Тик, с суровым видом направляясь к Тиффани.

– Да, мисс Тик?

– Ты... что-нибудь *делала*? – спросила мисс Тик. – Ты ничего не вызывала, а?

– Нет! Я даже не знаю, как это делать! – ответила Тиффани.

– И это не твои маленькие человечки? – с сомнением спросила мисс Тик.

– Они не мои, мисс Тик. И они ничем таким не занимаются. Обычно они просто бросаются на вас с воплем «Кривенс!» и пинают в лодыжку. Их невозможно не узнать.

– Ну что же, чем бы это не было, похоже, что оно ушло, – сказала мисс Левел. – И нам тоже пора, иначе придется лететь ночью. – Она подошла к стоящему рядом дереву и подобрала вязанку хвороста. По крайней мере, оно выглядело, как вязанка хвороста, потому что так было задумано.

– Мое собственное изобретение, – скромно пояснила мисс Левел. – Никогда не знаешь, что ждет тебя тут, на равнинах. И если нажать на эту кнопку, ручка выскочит... Ох, простите, с ней такое случается иногда. Никто не заметил, куда она улетела?

Ручка нашлась в кустах и была прикручена на место.

Тиффани, девочка, которая имела привычку *слушать*, что говорят люди, пристально изучала мисс Левел. У нее определенно был только один нос на лице и неловко было даже представлять, где мог находиться другой и для чего он был нужен.

Затем мисс Левел вытащила веревку из кармана и передала ее кому-то, кого здесь не было.

Тиффани была уверена, что именно это она и сделала.

Она не уронила веревку, не бросила, она просто протянула ее и отпустила, в полной уверенности, что вешает ее на невидимый крючок.

Веревка упала в мох. Мисс Левел поглядела вниз и нервно рассмеялась, заметив, что Тиффани не спускает с нее глаз.

– Ах я растяпа, – сказала она. – Подумала, что я стою там! В

следующий раз забуду, где моя собственная голова!

– Ну... Если вы о той, что у вас на плечах, – осторожно ответила Тиффани, – то она все еще на своем месте.

Старый чемодан был привязан к прутьям метлы, зависшей в нескольких футах над землей.

– Вот какое замечательное удобное сиденье получилось, – сказала мисс Левел, превратившаяся в комок нервов, как это обычно происходило с теми, на кого слишком пристально смотрела Тиффани. – Хватайся за меня сзади. Эээ. Я так всегда и делаю.

– Вы всегда держитесь за *саму себя* сзади? – спросила Тиффани. – Но как...

– Тиффани, я всегда с одобрением относилась к твоей прямолинейной манере задавать вопросы, – громко встряла мисс Тик. – Но сейчас не могла бы ты проявить любезность и позволить мне похвалить тебя за умение промолчать! Садись на метлу позади мисс Левел, я уверена, ей не терпится вылететь, пока светло.

Мисс Левел вскарабкалась на метлу, которая закачалась под ней. Она приглашающе похлопала по метле рукой.

– Ты ведь не боишься высоты, а, солнышко? – проворковала она, когда Тиффани устроилась позади нее.

– Нет, – ответила Тиффани.

– Я заскочу к вам, когда начнутся Ведьминские Пробы, – сказала мисс Тик. Тиффани почувствовала, как метла плавно понимается в воздух. – Будьте осторожны!

Как оказалось, когда мисс Левел спросила у Тиффани, не боится ли та высоты, она сильно ошиблась с вопросом. Тиффани совершенно не боялась высоты. Она не зажмуриваясь проходила мимо самых высокoих деревьев. Ее совершенно не тревожил вид огромных, вздымающихся ввысь гор.

А вот чего она боялась *на самом деле*, хотя и не осознавала этого до сих пор, так это глубины. Она до смерти страшилась долгого падения с небес, такого долгого, что она успела бы задохнуться от крика, прежде чем врезалась в скалы с такой силой, что сама превратилась бы в желе, а все ее косточки раздробились в порошок. На самом деле ее страшила земля, там, далеко внизу. Мисс Левел не мешало бы хорошенько подумать, прежде чем задавать вопросы.

Тиффани вцепилась в пояс мисс Левел и уставилась ей в спину.

– Ты когда-нибудь летала, Тиффани? – спросила ведьма, когда они взлетели.

– Мнм! – выдавила Тиффани.

– Если хочешь, я могу сделать небольшой круг, – сказала мисс Левел, – Отсюда открывается такой чудесный вид.

Ветер стремительно рванулся навстречу Тиффани. Воздух здесь был намного холоднее. Тиффани не сводила глаз с платья прямо перед собой.

– Ну что, хочешь? – спросила мисс Левел, стараясь перекричать ветер. – На это потребуется лишь минутка!

Тиффани просто не успела отказаться, к тому же она была уверена, что стоит ей открыть рот, как ее тут же стошнит. Метла накренилась и мир под ней стал поворачиваться.

Ей ни на что не хотелось смотреть, но она помнила, что ведьмы должны проявлять любопытство на грани приличия. Чтобы быть ведьмой, она просто обязана была посмотреть.

Тиффани рискнула глянуть вниз и увидела под собой мир. Красно-золотое зарево заката освещало землю, и дома в Двурубахах отбрасывали длинные тени, так же, как и все леса и деревеньки за ними, вплоть до пологих холмов Мела...

...который пылал алым, и белое изображение коня отсвечивало золотым, как гигантское украшение. Тиффани уставилась на него. В меркнувшем свете вечера, в тени заходящего солнца, он казался живым.

Ей нестерпимо захотелось спрыгнуть, полететь назад, попасть туда хоть как – зажмурившись и стукнув каблуками друг о дружку, сделать хоть что-нибудь...

Нет! Она же прогнала эти мысли? Она должна учиться, а на холмах ее учить некому!

Но Мел был ее миром. Она ступала по нему каждый день. Она могла чувствовать под своими ногами его древнюю жизнь. Эта земля вошла в ее кости, точно так, как говорила Бабушка Болит. Эта земля была и в ее имени – на старом языке Нак Мак Фиглов ее имя означало «Землю под Волнами». Мысленно она побывала в доисторическом море, где рождался Мел под идущим миллионы лет дождем из крошечных ракушек. Тиффани ступала по земле, созданной из жизни, слушала ее и мыслила за нее. И ей было просто не по силам видеть ее такой маленькой и одинокой, заброшенной среди бескрайних просторов. Она должна вернуться...

На мгновение метла задрожала в воздухе.

Нет! Я знаю, что должна лететь!

Метла дернулась и ее затошнило, когда метла развернулась в сторону гор.

– Попали в завихрения, – кинула мисс Левел через плечо. – Кстати, мисс Тик предупреждала тебя насчет теплых шерстяных подштанников,

солнышко?

Тиффани, все еще ошарашенная, пробормотала что-то, что могло сойти за «Нет». Да, мисс Тик упоминала подштанники и о том, что здравомыслящая ведьма надевает по крайней мере три пары, чтобы не обмерзнуть, но она обо всем забыла.

– О, Господи, – сказала мисс Левел. – Тогда нам лучше «поскакать через ограды».

Метла полетела вниз как камень.

Сколько Тиффани ни пыталась, она так и не смогла забыть этот полет. Они летели над самой землей, которая была сплошным размытым пятном под ногами. Каждый раз, когда они подлетали к изгороди, мисс Левел перепрыгивала через нее с криком «Вот так!» или «Оп-ля!», которые, вероятно, предназначались для ободрения Тиффани. Только это не помогало. Ее дважды вырвало.

Мисс Левел летела склонившись так низко, что почти лежала на метле, позволяя воздуху максимально обтекать ее остроконечную шляпу. Шляпа у нее была довольно низенькая, всего дюймов шесть высотой, похожая на клоунский колпак без кисточек. Как Тиффани потом узнала, такой фасон был задуман для того, чтобы заходить в дома с невысокими потолками, не снимая шляпы.

Спустя какое-то время – Тиффани показалось, что прошла целая вечность – они покинули поля и полетели над предгорьями. Вскоре они оставили за собой деревья и под ними оказались быстрые белопенные воды широкой реки, усыпанной камнями. Брызги летели на ботинки.

Затем она услышала, как мисс Левел закричала, стараясь перекрыть рев реки и ветра:

– Откинься немного назад! Здесь довольно каверзный участок!

Тиффани рискнула кинуть взгляд через плечо ведьмы и ахнула.

Воды на Мелу было не так уж и много, лишь маленькие ручьи, которые стекали в долину в конце зимы и полностью пересыхали летом. Конечно, большие реки тоже огибали Мел, но они были медленными и послушными.

Река впереди не была ни медленной, ни послушной. Она текла прямо *вверх*.

Вода устремлялась в темное небо, достигая звезд. Метла последовала за ней.

Тиффани с воплем откинулась назад и не замолкала, пока метла, став вертикально, карабкалась вверх по водопаду. Ей, конечно же, было известно это *слово* – водопад, но оно не было таким большим, таким

мокрым и, что важнее всего, таким *громким*.

Водяная пыль промочила ее. Грохот бил по ушам. Тиффани вцепилась в пояс мисс Левел, пока они медленно поднимались сквозь брызги и грохот. Она чувствовала, что может соскользнуть в любую минуту...

...и затем ее бросило вперед, а шум водопада стал затихать, когда метла снова устремилась вдоль, а не вверх, скользя над поверхностью все еще пенящейся и бурлящей реки. Но по крайней мере, река проделывала все это на земле.

В вышине над ними был мост и крутые берега обрамляли холодные скалы, но они становились все ниже, и воздух потеплел, и наконец метла заскользила над спокойной водной гладью, даже и не подозревающей, что ждет ее впереди.

Спустя какое то время мисс Левел снова начала длинный подъем над полями, которые были зеленее и меньше, чем на Мелу. Снова появились деревья и глубокие ущелья, густо заросшие лесами. Но вот погасли последние солнечные лучи и вскоре под ними была лишь темнота.

Тиффани должно быть задремала, прильнув к мисс Левел, потому что она резко проснулась, когда метла остановилась. Они висели в воздухе, а внизу, на земле, кто-то выложил круг из огоньков. Свечные огарки горели в старых банках.

Аккуратно, медленно поворачиваясь на месте, метла опускалась, пока не замерла прямо над травой.

В эту минуту ноги Тиффани решили расплестись и она упала.

– Давай-ка, вставай! – жизнерадостно сказала мисс Левел, помогая ей встать. – Ты молодчина!

– Извините, что кричала и что меня рвало... – пробормотала Тиффани, спотыкаясь об одну из банок и опрокидывая ее. Она пыталась разглядеть хоть что-нибудь в темноте, но голова кружилась. – Кто зажег свечи, мисс Левел?

– Я зажгла. Пойдем-ка в дом, холодает... – начала говорить мисс Левел.

– Ага, с помощью магии, – пробормотала Тиффани, все еще ошеломленная полетом.

– Ну, это можно сделать и с помощью магии, да, – ответила мисс Левел. – Только я предпочитаю спички. Они требуют меньших усилий и довольно волшебные сами по себе, если хорошенько подумать. – Она отвязала чемодан от метлы и сказала: – Ну вот мы и дома! Я надеюсь, тебе тут понравится!

Слова опять были произнесены с этой самой жизнерадостностью.

Даже когда ее тошнило и голова кружилась и ей как можно скорее хотелось узнать, где находится уборная, уши Тиффани продолжали внимательно слушать, а мозг, какой бы усталой она не была, не переставал размышлять. И Тиффани думала: «Эта жизнерадостность уже трескается по краям. Что-то здесь не так...»

Глава третья

Ум хорошо, а две головы лучше

Где-то впереди был дом, но Тиффани мало что удавалось разглядеть в темноте. Вокруг дома росли яблони. Когда она неуверенно шла за мисс Левел, ее лица коснулось что-то, висящее на ветке. Оно с тихим звоном качнулось в сторону. Где-то неподалеку шумела вода.

Мисс Левел открыла дверь. Они вошли в маленькую, ярко освещенную и на удивление опрятную кухню. В железной печке весело горел огонь.

– Ммм... Раз я ваша ученица, – сказала Тиффани, все еще не пришедшая в себя после полета, – я заварю чай, только покажите мне, где что лежит...

– Нет! – воскликнула мисс Левел, взмахнув руками. Казалось, что крик ошарашил ее саму, потому что она дрожала и быстро опустила руки. – Нет... Я... Я и думать об этом не хочу, – сказала она более нормальным голосом и попыталась улыбнуться. – Хватит с тебя на сегодня. Сейчас я покажу тебе спальню и где что находится. Потом принесу тушеного мяса и завтра можно будет приниматься за учебу. Спешить ни к чему.

Тиффани поглядела на булькающий горшочек на печке и буханку хлеба на столе. Судя по запаху, хлеб был только что испечен.

Вот в чем была беда с Тиффани – в ее Третьем Помысле^[2]. Это Третий Помысел думал – мисс Левел живет одна. Кто же тогда зажег огонь? Кипящий на печке горшочек нужно помешивать время от времени. Кто его помешивает? И еще, кто-то зажег свечи. Кто?

– Здесь кто-нибудь еще живет, мисс Левел? – спросила она.

Мисс Левел с безнадежным видом оглядела горшочек с хлебом и посмотрела на Тиффани.

– Нет, только я, – ответила она и каким-то образом Тиффани знала, что это правда. Во всяком случае, она не лгала.

– Оставим до утра? – проговорила мисс Левел почти умоляюще. Она выглядела такой несчастной, что Тиффани стало ее по настоящему жалко.

Тиффани улыбнулась.

– Конечно же, мисс Левел.

Затем они быстро обошли дом, освещая дорогу свечой. Рядом с домом была уборная; в ней было два сидения, что показалось Тиффани немного странным, хотя может здесь когда-то жило много народа. Еще в доме была

отдельная комната для ванны, что по меркам родной фермы было пустой тратой места. В ванной комнате стоял насос и большой котел для нагрева воды. Это было явной роскошью.

Спальня оказалась... милой комнаткой. И это было очень подходящим для нее словом. Повсюду были оборочки. Все, на что можно было накинуть покрывало или салфеточку, было покрыто. Комнату пытались сделать... веселенькой, как будто радующейся тому, что она служит спальней. На ферме в комнате Тиффани на полу лежал лоскутный коврик, на подставке стояли кувшин с водой и тазик для умывания, еще там были деревянный ящик для одежды, древний кукольный домик и старые ситцевые занавески. И больше ничего. Спальни на фермы предназначались для того, чтобы лечь и закрыть глаза.

В этой комнате был комод. Все содержимое чемодана Тиффани поместилось в одном ящике.

Когда Тиффани села на кровать, та и не скрипнула. На ее старой кровати был такой старый матрас, что в нем было продавлено удобное углубление и пружины издавали звуки различной высоты. Когда ей не спалось, она могла, шевеля разными частями тела, сыграть «*Колокола Святого Унгаланта*» на пружинах – дзинь дрень трень, трень брень дииинь, динь дзинь дооон, динь динь.

И запах в комнате тоже был другой. Пахло запасной комнатой и чужим мылом.

На дне чемодана лежала маленькая коробочка, которую Тиффани сделал мистер Кубик, фермерский плотник. Изящные поделки были ему не по плечу и коробочка была довольно тяжелой. В ней хранились... памятки.

Например, кусочек мела с окаменевшими остатками, что было большой редкостью. А также ее личная печать для масла (изображение ведьмы на метле), на случай, если ей придется здесь делать масло, и камешек с дыркой, который считался счастливым.

(Тиффани подобрала его, когда ей было семь лет, и тогда же ей рассказали это поверье. Она так и не смогла понять, как дырка в камне делала его счастливым. Но поскольку он сначала хранился у нее в кармане, а потом в деревянной коробочке, в целости и сохранности, то можно было считать, что ему повезло больше, чем его собратьям, которым досталось и от ног, и от проезжающих телег.)

В коробочке также лежала желто-синяя обертка с пачки табака Бравый Мореход, перо ястреба и древнее кремневое острие стрелы, тщательно обернутое в клочок овечьей шерсти. На Мелу таких было полно. Нак Мак Фиглы использовали их для наконечников своих копий.

Она расставила их на крышке комода, положила там же свой дневник, но комната не стала от этого более домашней. Они только подчеркнули ее одиночество.

Тиффани взяла в руки старую табачную обертку и клочок шерсти и понюхала их. Хотя запах был не совсем такой, как в старом пастушьем вагончике, но он был достаточно похожим, чтобы слезы навернулись ей на глаза.

Ей еще никогда не довелось проводить ночь за пределами Мела. Тиффани знала слово «ностальгия», и сейчас она размышляла, не было ли это чувство тем холодным, тонким ощущением, что росло в ней...

Кто-то постучал в дверь.

– Это я, – сказал приглушенный голос.

Тиффани спрыгнула с кровати и открыла дверь. Мисс Левел вошла с подносом, на котором были миска с тушеной говядиной и кусок хлеба. Она поставила поднос на маленький столик около кровати.

– Когда поешь, оставь его за дверью, позже я снесу его вниз, – сказала мисс Левел.

– Большое спасибо, – ответила Тиффани.

Мисс Левел задержалась в дверях.

– Так здорово, что будет кто-то, с кем можно поговорить, кроме самой себя. Надеюсь, тебе не захочется уезжать, Тиффани.

Тиффани с готовностью улыбнулась. Она подождала, пока не закрылась дверь и на лестнице не послышались шаги мисс Левел, и затем на цыпочках подошла к окну и проверила, были ли там решетки.

Что-то пугающее было в выражении лица мисс Левел. Оно было одновременно голодным и полным надежды, и умоляющим, и испуганным.

Тиффани также проверила, может ли она запереть дверь изнутри.

Тушеное мясо и в самом деле имело вкус тушеной говядины, а не вкус – возьмем *совершенно и полностью* случайно в качестве примера – тушеного мяса ее несчастной предшественницы.

Чтобы быть ведьмой, надо иметь очень хорошее воображение. Но прямо сейчас Тиффани пожелала, чтобы ее воображение оказалось не *настолько* хорошим. Однако, госпожа Ветровоск и мисс Тик не отправили бы ее сюда, если бы это было опасно, так ведь? Ведь так?

Могли бы и отправить. Запросто могли бы. Ведьмы не верят в легкую жизнь. Они считают, что вы должны использовать мозги. Если вы не пользуетесь мозгами, то вам в ведьмах делать нечего.

Жизнь сложна, говорили они. Учись быстро схватывать.

Но... они бы дали ей шанс, так ведь?

Конечно дали бы.

Возможно.

Она почти доела тушеное мясо, приготовленное вовсе-не-из-людей-честно-пречестно, как кто-то попытался забрать миску у нее из рук. Миску очень осторожно потянули, и когда Тиффани машинально дернула ее к себе, все тут же прекратилось.

Тааак, подумала она. Еще одна странность. Ну что же, на то он и ведьмин дом.

Теперь что-то потащило ложку, но тут же перестало, как только Тиффани потянула ложку к себе.

Тиффани положила пустую миску и ложку на поднос.

– Ну вот, – сказала она, надеясь, что ее голос звучал не слишком напуганным. – Я закончила.

Поднос взмыл в воздух и плавно направился к двери, где опустился на пол с тихим стуком.

Защелка на двери отъехала в сторону.

Дверь открылась.

Поднос поднялся и выплыл в дверной проем.

Дверь закрылась.

Защелка задвинулась.

Тиффани слышала, как позвякивала ложка на подносе, плывущем над темной лестничной площадкой.

Тиффани всегда полагала, что прежде чем что-либо предпринимать, важно сначала подумать. И поэтому она подумала: глупо бегать по дому и кричать, что кто-то забрал твой поднос. В конце концов, кем или чем бы это ни было, у него хватило совести запереть за собой дверь, а значит оно уважало ее уединение, даже если и пренебрегло им.

Тиффани почистила зубы, надела ночную рубашку и скользнула в кровать. Уже лежа в кровати, она задула свечу.

Через секунду она встала, снова зажгла свечу и с некоторым усилием пододвинула комод к двери. Она не вполне была уверена, правильно ли поступает, но на душе стало немного полегче.

И она снова улеглась в темноте.

Тиффани привыкла спать под блеяние овец в низинах и редкий звон их колокольцев.

Здесь в горах ни овец, ни их колольчиков не было. Некому было блеять и звенеть, и каждый раз, когда эти звуки не раздавались, она просыпалась, думая – что это было?

Но в конечном счете она все-таки заснула, потому что помнила, как

просыпалась посреди ночи, услышав, как комод очень медленно перетаскивается на прежнее место.

Тиффани проснулась все еще живая и не порезанная на кусочки, когда небо на востоке немного просветлело. За окном пели незнакомые птицы.

В доме стояла полная тишина и она подумала: я ученица, верно? Это моя работа – вычистить очаг и зажечь огонь. Я знаю правила.

Она села и оглядела комнату.

Ее одежда была аккуратно сложена на комод. Мелок с окаменелостью, счастливый камешек и другие памятки исчезли и только после лихорадочных поисков она обнаружила их в коробке в чемодане.

– В общем *так*, – сказала она, обращаясь к комнате в целом. – Я *карга*, вы знаете. Если здесь есть кто из Нак Мак Фиглов, появись сию же минуту!

Ничего не произошло. Да она все равно ничего и не ожидала. Нак Мак Фиглы к уборке большого интереса не проявляли.

Ради эксперимента она взяла подсвечник с прикроватного столика, поставила его на комод и стала ждать. Опять ничего не произошло.

Тиффани отвернулась к окну и тут же раздался тихий звук.

Когда она повернула голову обратно, подсвечник стоял на столе.

Что же... сегодняшний день будет днем ответов на все вопросы. Тиффани наслаждалась своей злостью. Злость отвлекала ее от мыслей о доме и о том, как сильно ей хотелось бы вернуться.

Она начала одеваться и нащупала в кармане платья что-то мягкое и хрусткое.

Ох, как же она могла забыть? Но у нее был такой беспокойный день, слишком много хлопот, да и как бы то ни было, может быть ей и хотелось забыть.

Тиффани достала подарок Роланда и осторожно развернула оберточную бумагу.

Это было ожерелье.

Это был Конь.

Тиффани уставилась на него.

Это не изображение коня, но то, что конь есть... Оно было вырезано в дерне в доисторические времена народом, который смог передать несколькими линиями все, что составляет сущность коня: его силу, изящество, красоту и скорость, стремящиеся вырваться из под власти холма.

И затем, кто-то – сообразительный и высоко ценящий свои изделия – сделал Коня из серебра. Конь был плоский, как и тот на склоне холма, и он

не был цельным. Ювелир аккуратно соединил между собой части тела тоненькой серебряной цепочкой. Когда Тиффани в изумлении подняла подвеску, неподвижно висящий конь, казалось, помчался в утреннем свете.

Она надела ожерелье. И... в комнате не было зеркала, даже маленького ручного. Нууу раз так...

– Увидь себя, – произнесла Тиффани.

Далеко внизу, на равнинах, нечто, упустившее след, пробудилось от сна. Долю секунды ничего не происходило, и затем туман на полях заколыхался, когда нечто невидимое двинулось сквозь него, жужжжа, как роящиеся мухи...

Тиффани закрыла глаза, сделала два маленьких шага в сторону, повернулась вокруг себя и осторожно открыла глаза.

Вот она стоит прямо перед собой, неподвижная, как на картинке. Подвеска прекрасно смотрится с ее новым платьем – серебряное на зеленом.

Тут она подумала, во сколько ожерелье могло обойтись Роланду. И еще – зачем он это сделал.

– Не видь себя.

Тиффани медленно сняла ожерелье, снова завернула его в оберточную бумагу и положила в коробку вместе с другими памятками о доме. Она нашла одну из открыток с видом Двурубах и карандаш, и старательно написала Роланду короткое благодарственное письмо. Тут она почувствовала угрызения совести и заботливо сообщила своим родителям на другой открытке, что все еще жива.

Затем, пребывая в задумчивости, она спустилась вниз.

Ночью было слишком темно, и поэтому Тиффани не заметила плакаты, висевшие на стене вдоль всей лестницы. Это были цирковые плакаты с клоунами и животными, с объявлениями, написанными в старомодном стиле, все строчки вразнабой.

Объявления гласили:

Захватывающее зрелище! Спешите! Спешите! Спешите!
Цирк трех арен профессора Монти Бладдера

И

Шкатулка с диковинками!!
Изумительный Джек-Выкрутас,
Положит голову льва

В свой собственный рот!!!
Лошадь с головой вместо хвоста!
Спешите видеть Эвакуацию!!!
Клоуны! Клоуны! Клоуны!
Летающие братья Пастрами, попирающие силы гравитации –
величайшие силы во вселенной – без сетки
Мул, отбивающий чечетку!
Чудесные Топси и Типси
Поразительное представление – чтение мыслей на
расстоянии

И все в таком духе, даже самые крошечные объявления. Эти плакаты были слишком необычными и красочными для затерянного в лесу домика.

Она нашла кухню. Там было холодно и тихо, только часы тикали на стене. Обе стрелки отвалились и лежали под циферблатом за стеклом. Поэтому, хотя часы и продолжали отмерять время, показывать его кому бы то ни было они не собирались.

Кухня была слишком аккуратной по сравнению с другими кухнями. В ящичке буфета, стоящего рядом с раковиной, ложки, вилки и ножи были разложены по специальным отделениям, и это немного тревожило. Конечно, на всех кухнях, где довелось побывать Тиффани, каждый ящик был предназначен для хранения определенного вида предметов. Но за долгие годы в них скапливались вещи, не подходящие по размерам – большие половники и кривые штопоры, поэтому ящики всегда застревали, если только вы не набили руку их открывать.

Ради эксперимента Тиффани достала ложку из ее отделения, кинула ее к вилкам и закрыла ящик. Затем она повернулась к буфету спиной.

Ящик открылся и послышалось звяканье – как раз такое, какое издаст ложка, стукнувшаяся о другие ложки, которые соскучились по ней и страстно желают услышать ее рассказы о жизни среди пугающе остроконечного народца.

На этот раз она положила нож к вилкам, задвинула ящик – и прислонилась к нему спиной.

Какое-то время ничего не происходило, а затем она услышала как столовые приборы задребезжали. Шум усиливался. Ящик затрясся. Затем и раковина начала дрожать...

– Ну хорошо, – сказала Тиффани, отпрыгивая в сторону. – Делайте что хотите!

Ящик резко выскочил, нож рыбкой перепрыгнул из одного отделения в

другое, и ящик с шумом захлопнулся.

Наступила тишина.

– Кто ты? – спросила Тиффани.

Ответа не последовало. Но ей не нравилось ощущение, разлитое в воздухе. Кто-то был обижен на нее. Так или иначе, это была глупая выходка с ее стороны.

Тиффани быстро вышла в сад. Шум воды, что она слышала ночью, оказался шумом водопада неподалеку от дома. Маленькое водяное колесо качало воду в большой каменный резервуар, из которого в дом шла труба.

В саду повсюду стояли украшения. Это были печальные дешевые статуэтки – кролики с безумной улыбкой, большеглазые глиняные олени, гномы в остроконечных красных колпаках и с таким выражением лица, будто они принимали подозрительные лекарства.

С яблонь и с шестов, понатыканных по всему саду, свисали какие-то *штуковины*. Чего там только не было – ловушки для снов и ловушки для проклятий, в точь-точь такие, какие висели перед домами по всему Мелу. Некоторые из них выглядели как большие запутки, они медленно вращались и звенели на ветру. Некоторые... Одна из них была похожа на большую птицу, сплетенную из веток, но большинство из них напоминали какое-то выброшенное старье. Правда, довольно необычное старье. Тиффани показалось, что некоторые из них поворачивались ей вслед, когда она проходила мимо.

Когда Тиффани вернулась в дом, мисс Левел вместе с мисс Левел сидела за кухонным столом.

Собственно, их было две.

– Извини, – сказала мисс Левел, сидящая справа. – Я подумала, что лучше будет, если мы покончим с всеми вопросами прямо сейчас.

Обе женщины выглядели совершенно одинаково.

– Ага, понятно, – ответила Тиффани. – Вы двойняшки.

– Нет, – ответила левая мисс Левел. – Я не двойняшка. Боюсь, что это не так-то просто...

– ...понять, – продолжила другая мисс Левел. – Постой-ка. Ты слышала...

– ...про двойняшек говорят, что у них бывают общие мысли и чувства? – спросила первая мисс Левел.

Тиффани кивнула.

– Вот, – сказала вторая мисс Левел. – Но мой случай немного сложнее, потому что...

– ...я один человек с двумя телами, – продолжила первая мисс Левел.

Они разговаривали, перебрасываясь словами словно мячиком, как будто играли в теннис.

– Я хочу подвести тебя к этому...

– ...постепенно, потому что иногда люди расстраиваются от...

– ...самой идеи и они находят нас пугающими или...

– ...просто...

– ...ненормальными.

Мисс Левел замолчали.

– Прошу прощения за последнее предложение, – сказала левая мисс Левел. – У меня бывает такое, когда я сильно нервничаю.

– Эээ, вы хотите сказать, что вы обе... – начала было Тиффани, но правая мисс Левел быстро перебила ее:

– Нет никаких обе. Есть только я, понимаешь? Я знаю, это нелегко. Но у меня есть правая правая рука и правая левая, и левая левая рука и левая правая. И это все я. Я могу пойти за покупками и остаться дома в одно и то же время, Тиффани. Если это поможет, думай обо мне как об одном...

– ...человеке с четырьмя руками и...

– ...четырьмя ногами и...

– ...четырьмя глазами...

Все четыре глаза тревожно следили за Тиффани.

– И с двумя носами, – предложила Тиффани.

– Точно. Суть ты ухватила. Мое правое тело не такое ловкое, как левое, но зато правая пара глаз видит лучше. Я такой же человек, как и ты, только меня немного побольше.

– Но одна из вас – то есть одна из ваших половинок – даже в Двурубахи слетала за мной, – сказала Тиффани.

– Да, я могу разделиться, – ответила мисс Левел. – В этом нет никаких трудностей. Но как только расстояние между нами превысит двадцать миль, я стану довольно неловкой. А сейчас, я думаю, нам обоим не помешает выпить по чашечке чая.

Не успела Тиффани и глазом моргнуть, как обе мисс Левел встали и пересекли кухню.

Тиффани смотрела, как один человек в четыре руки заваривает чай.

Чтобы заварить чашку чая, надо выполнить довольно много действий, и мисс Левел проделывала их все одновременно. Оба тела стояли бок о бок, передавая друг другу различные предметы. Руки, чайник, чашки и ложки порхали в воздухе, словно танцуют в балете.

– Когда я была ребенком, все думали, что я двойняшка, – бросила она через плечо. – И затем... Они решили, что я – зло, – продолжила она через

другое плечо.

– А вы – зло? – спросила Тиффани.

Обе мисс Левел резко обернулись, шокированные.

– Разве такие вопросы задают? – спросила она.

– Ммм... Но это же очевидный вопрос? – ответила Тиффани. – Я что хочу сказать, если бы все сразу отвечали на такие вопросы: «Да! Бва-ха-ха-ха-ха!», то это помогало бы избежать будущих неприятностей, верно?

Четыре глаза прищурились.

– Госпожа Ветровоск была права, – сказала мисс Левел. – Она говорила про тебя, что ты ведьма до мозга костей.

В глубине души Тиффани просияла от гордости.

– Итак, что касается очевидных вещей, – продолжала мисс Левел. – Зачастую, все оказывается далеко не... Госпожа Ветровоск в *самом деле* сняла перед тобой шляпу?

– Да.

– Однажды ты поймешь, какую честь она тебе оказала, – ответила мисс Левел. – Ну да ладно... Нет, я не зло. Но думаю, что чуть им не стала. Моя мать умерла вскоре после моего рождения, а отец ушел в море и не вернулся...

– От моря всего можно ожидать, – сказала Тиффани. Так говорила Бабушка Болит.

– Да, верно, может так оно и было, а может он просто решил не возвращаться домой, – сухо ответила мисс Левел. – И меня отдали в богадельню. Дрянная еда, жуткие учителя, то да сё и я попала в самую плохую компанию, какую только можно было найти – свою собственную. Это просто *изумительно*, какие трюки можно проделывать, обладая двумя телами. Конечно, все думали, что я двойняшка. В конце концов, я убежала с бродячим цирком. Я! Можешь себе это представить?

– Топси и Типси, Поразительное представление – чтение мыслей на расстоянии? – перебила ее Тиффани.

Мисс Левел застыла как вкопанная, с раскрытым ртом.

– Так было написано на плакатах на лестнице, – добавила Тиффани.

Мисс Левел расслабилась.

– Ах, да. Конечно. Ты очень... быстро соображаешь, Тиффани. Да. И ты все замечаешь, не так ли...

– И я бы не стала платить за то, чтобы взглянуть на Эвакуацию, – продолжила Тиффани. – Это означает «вывод публики» и ничего больше^[3].

– Умница! – сказала мисс Левел. – Монти повесил это объявление на палатке с «Хотите-Верьте-Хотите-Нет», чтобы публика там не

задерживалась и проходила дальше. «Эвакуация здесь!» Конечно, все думали, что это женщина-гигант или что-то в таком же духе, поэтому Монти посадил на выходе здоровяка со словарем в руках, доказывать им, что они за что платили, то и получили! А ты когда-нибудь была в цирке?

Тиффани вспомнила, что была как-то раз, но особого удовольствия ей это не доставило. Что слишком сильно старается казаться забавным, редко преуспевает в этом. Там был беззубый, поеденный молью лев; канатоходец, чей канат был натянут всего лишь в нескольких футах над землей, и метатель ножей, кидавший ножи в пожилую женщину в розовом трико, стоящую на большом вращающемся деревянном диске. Так он в нее ни разу и не попал. Самое интересное случилось уже после окончания представления, когда повозка переехала клоуна.

– Мой цирк был намного больше, – пояснила мисс Левел, после того, как Тиффани поделилась своими воспоминаниями. – Хотя, должна признать, что наш метатель ножей тоже не отличался меткостью. У нас были слоны, верблюды и лев, такой свирепый, что однажды чуть не оторвал человеку руку.

Тиффани согласилась, что это звучало более заманчиво.

– И что вы делали? – спросила она.

– Ну, я просто перевязала его, отгоняя льва в сторону...

– Нет, мисс Левел, я про вашу работу в цирке. Вы только мысли читали?

Мисс Левел широко улыбнулась Тиффани.

– Не только. Я делала практически все. Надену другие парики – и я уже Потрясающие Сестры Боханкас. Я носила расшитые блестками костюмы, жонглировала тарелками и помогала в номере канатоходца. Нет, конечно, по канату я не ходила, от меня требовалось улыбаться и заигрывать с публикой. Все думали, что я близняшки, а циркачи обычно не задают слишком много вопросов. Ну и потом, одно к другому, то, да это... Я пришла сюда и стала ведьмой.

Обе мисс Левел внимательно смотрели на Тиффани.

– Последнее предложение было особенно длинным, – заметила Тиффани.

– Ну что поделаешь, – ответила мисс Левел. – Я же не могу рассказать тебе все. Ты все еще хочешь остаться? Три последние ученицы не захотели. Кое-кто считает меня несколько... чудной.

– Ммм... Я останусь, – медленно проговорила Тиффани. – Но то, что перемещает вещи, почуднее будет.

Мисс Левел удивленно поглядела и затем сказала:

– А, так это ты про Освальда?

– Невидимый мужчина по имени Освальд может в любую минуту зайти в мою спальню? – ужаснулась Тиффани.

– Ох, нет. Это только имя. Освальд не мужчина, он *Ондагейст*. Ты когда-нибудь слышала о Полтергейстах?

– Ээээ... Невидимые духи, расшвыривающие предметы?

– Отлично, – сказала мисс Левел. – Так вот, Ондагейст делает все наоборот. У них одержимость порядком. Вообще-то, иметь его дома довольно удобно, но когда я готовлю, он превращает кухню в кошмар. Он все время все убирает. По-моему, уборка доставляет ему наслаждение. Извини, что я не предупредила тебя, но он обычно прячется, когда кто-нибудь приходит в дом. Он стесняется.

– И он мужчина? Я имею в виду, он мужского рода?

– Разве можно об этом судить? У него нет тела и он не говорит. Я называю его Освальдом только потому, что всегда представляла его в виде маленького озабоченного человечка с метелкой и совком в руках.

Левая мисс Левел хихикала, пока правая мисс Левел рассказывала об Освальде. Это производило странное впечатление и даже, если поразмышлять, немного пугающее.

– Ну, мы с ним хорошо ладим, – нервно сказала правая мисс Левел. – Что еще тебя интересует, Тиффани?

– Что вы хотите от меня? Чем вы сами занимаетесь?

Как оказалось, мисс Левел в основном требовалась помощь в делах по дому. Нескончаемых домашних делах. Тщетно было бы ожидать уроков полета на метле, разучивания заклинаний или инструкций по управлению остроконечной шляпой. В основном, вся работа была просто... работой.

Мисс Левел держала небольшое стадо коз, которое формально возглавлял козел Вонючка Сэм, сидящий на цепи в собственном загоне. На самом же деле, главной в стаде была Черная Мэг – старая коза, которая терпеливо разрешала Тиффани доить ее и затем осторожно и обдуманно ставила копыто в ведро с молоком. Такой был у коз способ знакомиться. Если вы привыкли к овцам, козы причиняли вам немало волнений, потому что козы – это овцы с мозгами. Но Тиффани уже приходилось встречать коз. Несколько человек в деревне держали коз ради их молока, которое было очень питательным. И она уже знала, что к козам надо применять псекологию^[4]. Если вы выйдете из себя, закричите на них и ударите (поранив себе руку, потому что бить козу – все равно что бить по мешку с деревянными вешалками), то значит они Победили и хихикают теперь над вами на своем козлином языке, который и так сплошное хихиканье.

Тиффани в два дня научилась бороться с этим – чуть Мэг поднимала заднюю ногу, чтобы пнуть доильник, надо было тут же хватать ее за ногу и продолжать *задирать дальше*. Мэг теряла равновесие, нервничала, и другие козы начинали хихикать над *ней*, и Тиффани Побеждала.

Кроме коз были еще пчелы. Мисс Левел держала около дюжины ульев не только ради меда, но и ради воска. Они стояли на маленькой полянке, наполняя ее жужжанием. Прежде чем открыть улей, мисс Левел надела сетку и перчатки, и Тиффани заставила надеть.

– Конечно, – заметила мисс Левел, – если ты внимательна, спокойна и живешь в полном согласии с собой, то пчелы тебя не ужалят. К несчастью, далеко не все пчелы знакомы с этой теорией. Доброе утро Улей Три, это Тиффани, она поживет с нами какое-то время...

Тиффани была почти готова к тому, что улей откликнется высоким жужжанием – «*Доброе утро, Тиффани!*». Но он не ответил.

– Почему вы им это сказали? – спросила она.

– Ох, с пчелами необходимо разговаривать, – ответила мисс Левел. – Или удача покинет вас. Как правило, я болтаю с ними по вечерам. Мы обмениваемся новостями и сплетнями. Каждый пчеловод знает о «Беседах с пчелами».

– А пчелы с кем общаются? – спросила Тиффани.

Обе мисс Левел улыбнулись ей.

– С другими пчелами, думаю.

– Тогда... Если вы умеете *слушать* пчел, то будете знать обо всем, что происходит вокруг, да? – продолжала гнуть свою линию Тиффани.

– Знаешь, забавно, что ты подумала об этом. Ходили слухи... Но для этого надо уметь думать, как рой пчел. Один ум на *тысячи* крошечных тел. Это слишком трудно, даже для меня. – Она обменялась задумчивыми взглядами сама с собой. – Тем не менее, нельзя сказать, что это *невозможно*.

Еще мисс Левел собирала лекарственные растения. Рядом с домом был большой сад, в котором росли травы, но вряд ли вы рискнули бы нафаршировать ими индейку. В это время года еще оставалось много работы – сбор, сушка, возня с кореньями. Тиффани это даже нравилось. И мисс Левел хорошо в них разбиралась.

Существует так называемое «Учение о Признаках». Оно заключается в следующем: когда Создатель Вселенной создавал лекарственные растения, он (или, по некоторым версиям, она) сопровождал их специальными приметами для подсказки. Растения, используемые для лечения зубной боли, имели форму зубов, а для лечения ушной – форму уха. Из растений

для лечения насморка сочилась зеленая слизь, ну и так далее. Многие люди верили в это.

Чтобы применять эту доктрину на практике, надо иметь немалую толику воображения (но в случае Лабазника Носового *лучше не иметь*), и поэтому в мире Тиффани Создатель проявил более творческий подход. На некоторых растениях были крошечные надписи, надо было только знать, где их искать. Найти их было трудно, а прочитать еще труднее, потому что растения понятия не имели о грамматике. Большинство людей слыхом не слыхали о надписях и применяли традиционный способ определения ядовитости или полезности растения: они давали его престарелой тетушке, которая им всем надоела. Мисс Левел же разработала новую методику. Она надеялась, что с этой методикой жизнь станет получше (а что касается тетушек – то и подлиннее).

– Вот это Ложная Горечавка, – говорила она Тиффани в длинной холодной мастерской позади дома. В руках она торжествующе держала какой-то сорняк. – Считается, что это еще одно средство от зубов, но ты только взгляни на срез стебля в собранном лунном свете, через мое голубое увеличительное стекло...

Тиффани взглянула и прочитала: **«Памагаит ат прастуды Вызывает санливаст Не работает с тяжелыми предметами».**

– Да, орфография ужасна, но для маргаритки сойдет, – сказала мисс Левел.

– Вы хотите сказать, что растения *сами* указывают, как их надо применять?

– Нуууу, не каждое, конечно... И надо знать, куда смотреть, – ответила мисс Левел. – Например, вот этот обычный грецкий орех. Чтобы прочитать надпись, надо поджечь скрученную красную ватку и посмотреть сквозь зеленое увеличительное стекло.

Тиффани прищурилась. Буквы были мелкими и трудночитаемыми.

– Может содержать орех? – разобрала она. – Но это же ореховая скорлупа. *Конечно*, внутри находится орех. Эээ... Ведь так?

– Не обязательно, – ответила мисс Тик. – Внутри может оказаться, например, изысканная миниатюра из золота и самоцветов, изображающая причудливый храмовый ансамбль в далеких землях. Почему бы и нет, – прибавила мисс Тик, заметив выражение лица Тиффани. – Это не противоречит законам. Само по себе не противоречит. Мир полон чудес.

Тиффани было что записать в дневник этим вечером. Дневник лежал на комодке, придавленный большим камнем. Похоже, что Освальд понял намек, но теперь он начал полировать камень.

А теперь отойдем назад, поднимемся над домом и окинем взглядом ночную землю...

В нескольких милях от коттеджа, что-то невидимое тащилось по земле, издавая звуки, как роящиеся мухи...

Полетим дальше. Мимо со свистом проносятся дороги, города и деревья. Летим, пока мы не окажемся в большом городе. В центре его стоит высокая старая башня. Под ней раскинулся старинный магический университет. Летим в университетскую библиотеку, к книжным полкам и... наше путешествие только начинается.

Мимо проносятся полки с книгами. Книги прикованы к полкам цепями, а кое-какие из них даже лязгают переплетами, когда мы пролетаем мимо.

И вот мы попадаем в отдел с наиболее опасными книгами, теми, которые держат в клетках или в чанах с ледяной водой, или просто зажимают между свинцовыми пластинами.

Здесь, под стеклянным куполом хранится полупрозрачная, излучающая магический свет книга. Прежде чем заняться исследованиями, всем молодым волшебникам, увлеченным наукой, *рекомендуется* ее прочитать.

Ее название гласит: **«Роители: Трактат об Изумительно Хитроумном Устройстве»** Доктора Магической Философии, Бакалавра Сверхъестественных Языков, Почетного Профессора Магии, Сентимента Суетона. Большая часть рукописи посвящена описанию большого и мощного магического аппарата для безопасной поимки Роителя. Но на самой последней странице, доктор Суетон пишет или написал:

«В соответствии с прославленной старинной рукописью Res Centum et Una Quas Magus Facere Potest^[5], Роитель является разновидностью демона (действительно, профессор Ужастолп классифицировал их таким образом в своем труде „Подглядывая за Демонами“. Кюви также относит их к разделу „удивительные духи“ в LIBER IMMANIS MONSTRORUM^[6]. Однако, древние тексты, найденные в Пещере Сосудов той самой злосчастной Первой Экспедицией в район Локо, рассказывают совершенно другие истории, которые подтверждают мои собственные, не такие уж и ничтожные, научные изыскания.

Роители появились в первые же секунды Творения. Они не живут, но обладают некоторым жизненным состоянием. У них нет тела, нет мозга или своего собственного сознания, и сам по

себе роитель является довольно пассивным существом, неторопливо плывущим сквозь бесконечную ночь между мирами. Согласно Ужастолпу, большинство из них закончили свой путь на дне глубоких морей, в жерлах вулканов или в сердце звезд. В сравнении со мной, Ужастолп был довольно заурядным мыслителем, но тут он оказался прав.

И все же, роитель способен испытывать страх и жажду. Мы не можем догадываться, что же так страшит роителя, но судя по всему, они ищут прибежища в телах, обладающих тем или иным могуществом – величайшей силой, интеллектом или необыкновенными магическими способностями. Этим они напоминают обычных слонов-отшельников Говандолэнда, *Elephantus Solitarius*, которые проводят жизнь в поисках глиняной хижины потяжелее, чтобы спрятаться в ней, как рак-отшельник в своей раковине.

Я не подвергаю сомнению мысль, что роители послужили развитию жизни. Почему рыбы выползли из моря? Как человечество смогло освоить такую опасную вещь, как огонь? Я уверен, что за всем этим стояли роители, зажигая наиболее выдающихся представителей различных видов огнем необходимых амбиций, который вел их ввысь и вперед! Что же ищут роители? Что же толкает их вперед? Что они хотят? Это то, что я выясню непременно!

О, волшебники мелкого пошиба предупреждают, что роитель разрушает мозг своего хозяина, вызывая его скисание, и приводит к скорой смерти от мозговой лихорадки. Что за вздор! Люди всегда боятся того, что не понимают!

Но я все *понимаю!!!*

Сегодня утром, в два часа, я поймал роителя с помощью моего устройства! И сейчас он заперт в моем сознании. Все его воспоминания стали моими, воспоминания каждого живого существа, в котором он когда-либо жил. И вместе с тем, благодаря своему исключительному интеллекту, я могу управлять роителем. Он не может овладеть мной. Я не чувствую изменений от его присутствия. Мой ум по-прежнему могуч, как и был всегда!»

В этом месте на рукописи появляются пятна, по-видимому у доктора Суетона закапала слюна.

«О, как они препятствовали мне все эти годы, эти черви и ничтожества, которым лишь рок позволил считаться моими руководителями! Они смеялись надо мной! НО ТЕПЕРЬ ТО ОНИ НЕ ПОСМЕЮТСЯ!!! И даже те, кто называет себя моими друзьями, О, ДА! Даже они лишь мешают мне. – А как же предупреждения? – спрашивают они. – Почему сосуд, в которых лежали схемы, был закрыт крышкой, с вырезанными на ней словами „Не Открывать Ни При Каких Обстоятельствах!“ на пятнадцати языках? – говорят они. Трусы! И это, с *повзolenия* сказать, мои друзья! Они говорят – существа, в которых поселился роитель, становятся параноиками и сходят с ума! Они пищат, что роителя нельзя контролировать!!! ДА КТО ХОТЬ НА МИНУТУ ЭТОМУ ПОВЕРИТ? О, какая слава меня ЖДЕТ!!! Я очистил свою жизнь от всего презренного!!! И что до этих, кто проявляет ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ, ДА, ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ, колотя в мою дверь из-за того, как я обошелся с так называемыми Аркканцлером и Советом Колледжа... КАК ОНИ СМЕЮТ ОСУЖДАТЬ МЕНЯ!!!! Как все насекомые, они даже ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮТ ОБ ИСТИННОМ ВЕЛИЧИИ!!!! НУ Я ИМ ВСЕМ ПОКАЖУ!!!! Но... Я выскомр... блит!!!! молоточекккккдфджуиф блорт...»

И на этом записи обрывались. На табличке возле книги некий волшебник тех времен написал: «Все, что удалось найти от профессора Суетона, было помещено в банку и похоронено в Саду Роз. Мы советуем всем студентам, занимающимся научными изысканиями, проводить некоторое время у его могилы, в размышлениях о причинах, способствующих его смерти».

Луна была на пути к полнолунию. Растущая луна, вот как она сейчас называлась. Одна из самых скучных фаз луны, которые так редко изображают на картинах. Вся слава досталась полной луне и полумесяцу.

Роб Всякограб сидел один-одинешенек на кургане напротив поддельной кроличьей норы и не сводил глаз с далеких гор, чьи снежные вершины блестели в лунном сиянии.

Чья-то рука легонько коснулась его плеча.

– Так на ты не схоже, позволить кому к себе подкрасться, Роб Всякограб, – сказала Дженни, присаживаясь рядом с ним.

Роб Всякограб вздохнул.

– Вулли Валенок мне поведал, что ты так и не откушал, – заботливо

продолжала Джени.

Роб Всякограб вздохнул.

– И Велич Ян рек, что сегодня на охоте ты лиску мимо пропустил, даже не пнув хорошенько на дорожку?

Роб снова вздохнул.

Что-то тихо *чпокнуло* и послышался булькающий звук. У Дженни в руках появилась крошечная деревянная кружка и кожанная фляга.

Из кружки подымался дымок.

– А вот залишки Особлиго Овечкино Наружного, что твоя мальца велика карга нам на свадьбу даровала. Я его заховала на крайний случай.

– Она не *моя* мальца велика карга, Джени, – ответил Роб, не глядя на кружку. – Она *наша* мальца велика карга. И вот что я кажу те, Дженни, по всякому быть бы ей каргой из карг. Есть в ней могутность, что ей самой и не снилось. Только роитель тоже энто учуял.

– Айе, ну, выпивка есть выпивка, как ее ни назови, – мягко сказала Дженни. Она помахала кружкой под носом у Роба.

Он вздохнул и отвернулся.

Дженни вскочила.

– Вулли! Велич Ян! Подите-ка сюды шибко! – завопила она. – Роб выпивки зачурался! Никак помер!

– Ах, не время нынче для пьянства, – ответил Роб Всякограб. – Тяжко мне на сердце, жинка.

– Ну-ка шибко! – прокричала Дженни в нору. – Он помер, да речи вести продолжает!

– Она карга холмов этих, – говорил Роб, не обращая внимания на Дженни. – Так же как и ее Бабуля до того. Каждый день она холмам толкует, что такое они есть. Эти холмы у нее в костях. Она хранит их в сердце своем. Мне и помыслить о будущем без нее невоготу.

Из кургана поспешно выбежали фиглы. Они в нерешительности усталились на Дженни.

– Чегой-то не так? – спросил Вулли Валенок.

– Айе! – отрезала кельда. – Роб Особлива Овечкина Наружного зачурался!

Маленькое личико Вулли моментально скривилось в горестной гримасе.

– Айя, Большой клана нашего помер! – зарыдал он. – О, вейли, вейли, вейли...

– Вулли, а ну захлопни пасть, ты, велик мутнец! – заорал Роб, вскакывая на ноги. – Я таки ще не помер! Я тута переживаю момент

душевна трепету пред личиной существования, уразмел? Кривенс, да что за жисть така, коли нельзя хлопцу почуять ледяные ветры Судьбы под своим килтом без того, чтоб не сбежалась толпа, вопящая, что он помер!

– Ага, чую я, что ты опять с жабом балакал, – вставил Велич Ян. – Никто кроме него не скаладет таки длины слова, что их и за день не вымолвить.

Велич Ян повернулся к Дженни.

– Никак у него тяжкий случай раздумья, миссус. Стоит лишь хлопцу связаться с чтениями да писаниями, раздумья тут как тут. Пойду приведу парней, сунем его башкой в воду, пока не очухается. Боле ничего не поможет. От раздумий и помереть не долго...

– Да я десятерым таким как ты наддаю! – закричал Роб Всякограб прямо в лицо Величу Яну и замахнулся кулаком. – Это я – Большой клана и...

– А я – кельда, – сказала кельда. Такой голос – твердый, холодный, резкий, режущий воздух, как лезвие лед, был одним из секретных приемов кельдования. – И мое слово – всем возвертаться назад в курган и чтоб ни одна рожка мне на очи не показывалась, пока я на то дозволение не дам. *Но не ты, Роб Всякограб Фигл!* Ты останешься, пока я тя не отпущу!

– Ох, вейли, вейли... – начал было Вулли Валенок, но Велич Ян закрыл ему рот рукой и быстро потащил прочь.

Рваные облака начали собираться вокруг луны. Наконец Дженни и Роб Всякограб остались одни. Роб опустил голову.

– Я не пойду, Дженни, коли ты скажешь, – сказал он.

– Ах, Роб, Роб, – ответила Дженни, начиная плакать. – И как ты не уразумеешь. Не желаю я зла велика мальчика дивчинке, правда не желаю. Только нет у меня сил и помыслить, как ты сражаешься с чудищем, что убить нельзя! Разве ж ты сам не чуешь, что это о тебе все тревоги мои?

Роб обнял ее за плечи:

– Айе, чую.

– Я, твоя жена, Роб, прошу тя не ходить!

– Айе, айе, я останусь, – ответил Роб.

Дженни подняла на него глаза. Слезы блестели в лунном свете.

– Правда?

– Никогда еще не порушил я свое слово, – сказал Роб. – Не считая копперов и всяких, навроде них, а они, вишь ли, не считаются.

– Ты останешься? И ты верен будешь моему слову? – спросила Дженни, шмыгая носом.

Роб вздохнул:

– Айе, буду.

Дженни немного помолчала и затем сказала резким, холодным голосом кельды:

– Роб Всякограб Фигл, вот те мой наказ: иди и спаси мальчика велику каргу!

– Чегось? – в изумлении спросил Роб. – Да ты только молвила, чтоб я оставался...

– Это я как жинка твоя молвила, Роб. А сейчас я молвлю как кельда. – Дженни встала с поднятой головой и решительным выражением лица. – Коли порушишь слово кельды своей, Роб Всякограб, от ты откажется весь клан. Тебе сие ведомо. Так что слухай мя хорошенько. Бери кого те треба, пока не стало слишком поздно, иди в горы и проследи, чтобы с мальчика великой дивчинкой ничего не стрялося. И возвертайся назад цел и невредим. То мой приказ те. Нет, это больше, чем приказ! Это ковы, что возлагаю я на тя! Их порушить нельзя!

– Но я... – начал Роб, совершенно сбитый с толку.

– Я – кельда, Роб. – сказала Дженни. – Не вмочь мне кланом управляться, коли Большой в угол загнан. И холмам детей наших треба карга. Все ведомо, кто-то должен молвить земле, что она такое есть.

Было что-то особенное в том, как Дженни заговорила о детях. Роб Всякограб соображал не слишком быстро, но рано или поздно до него обязательно доходило.

– Айе, Роб, – сказала Дженни, заметив выражение его лица. – Скоро у меня родятся семеро сыновей.

– О, – ответил Роб Всякограб. Он не спрашивал, откуда ей известно количество детей. Кельды просто знают. – Вот здорово!

– И одну дочь, Роб.

Роб моргнул.

– Дочь? Так скоро?

– Айе, – ответила Дженни.

– Вот клану повезло! – сказал Роб.

– Айе. И потому у тя есть причина вертаться ко мне невидимым, Роб Всякограб. И я тя умоляю, применяй бошку свою не только для того, чтобы колотить ею вражин.

– Благодарю тя, Кельда, – ответил Роб Всякограб. – Все сроблю, как ты велела. Возмю хлопцев и найду мальчика велику каргу, ради холмов наших. Туго приходится бедной мальчика великой дивчинке совсем одной на чужбине.

– Айе, – сказала Дженни, отвернувшись. – Мне то ведомо.

Глава четвертая

ПЛН

Светало. Собравшиеся в кургане фиглы в благоговейном ужасе наблюдали за Робом Всякограбом, который старательно выводил слово:

ПЛН

...на обрывке бумажного пакета. Написав, он продемонстрировал его всем собравшимся.

– План, уразумели? – обратился он к собранию фиглов. – Теперь, когда у нас есть План, нам треба решить, что *делать* почнем. Чего тебе, Вулли?

– Что это за оковы Дженни на тя наложила?

– Не оковы, а ковы, – со вздохом ответил Роб Всякограб. – Я слово «Да» *молвил* и, значит, дело это сурьезное. Это значит, что обязан я возвратить велику мальцу каргу и никаких отговорок. Иначе душенькая моя вознесется прямиком в небесные хляби. Энтэ такой магичный наказ. Дюже тяжкая ноша эти ковы.

– Ну да, их обычно из железа куют, – вставил Вулли Валенок.

– Вулли, – терпеливо продолжал Роб. – А не сказывал ли я те, что бывает время, когда те треба держать язык за зубами?

– Айе, Роб, сказывал.

– Вооот, зараз такое времечко и настало. – Он повысил голос: – А теперя, хлопцы, всем вам роители ведомы. Нельзя их убить! Но наш долг – рятувать велику мальцу каргу и потому пред нами стоит само-вбийственна задача. Мабуть мы все закончим в землях живых, вкальвая как верзилы. Поэтому... Мне треба добровольцы!

Все фиглы старше четырех лет, не задумываясь, подняли руку.

– Ох, ну да *ладно* вам, – сказал Роб Всякограб. – Вам всем пойти нельзя. Вот что... Я возьму... Вулли Валенка, Велича Яна и... тя, Велик Ужасен Билли Подбородище. А сосунков я не беру, так что кто ниже трех дюймов, тот не идет! За исключением тя, Билли Подбородище. А что до всех остальных, то решим вопрос по обычаю. Я возьму те пять дестяков, кто на ногах до конца устоит!

Он отозвал трех избранников в угол, пока оставшиеся фиглы жизнерадостно выстраивались друг против друга. Фиглы предпочитают глядеть в глаза даже самому превосходящему противнику, поскольку в таком случае они не будут смотреть в то место, куда собираются нанести

удар.

Фиглы начали драться.

– Она в сотнях миль отседа, – заговорил Роб. – Нам так далеке не пробежать. У вас, отвратцев, есть кака идея?

– Хашиш туда на своей птахе может долететь, – сказал Велич Ян, отступая в сторону, когда мимо него прокатился клубок пихающихся, пинающихся фиглов.

– Айе. Он пойдет с нами, но он не может взять боле одного пассажира, – прокричал Роб, перекрывая шум.

– Мабудь нам туды поплыть? – предложил Вулли Валенок, увертываясь от оглушенного фигла, пролетевшего над его головой.

Все поглядели на Вулли.

– Поплыть? Как нам туды доплыть отседа, ты, Валенок? – поинтересовался Роб Всякограб.

– Энто все равно стоит обсудить, – обиженно ответил Вулли. – Я лишь пытаюсь принять участие, понял? Усердие показываю.

– Велика мальца карга уехала в повозке, – сказал Велич Ян.

– Айе, и что? – спросил Роб.

– Мабудь и мы можем?

– Ну уж нет! – воскликнул Роб. – Показываться каргам – это одно, а всем остальным – свосем другое! Да ты памятуешь, что пару годов назад стряслось, когда Вулли Валенка заметила та леди, что писанки в долине малевала? Чтобы опять эти шишки из Фольклорнога Обчества тут швендяли?

– У меня есть идея, мистер Роб. Это я, Ужасен Велик Билли Подбородище Мак Фигл. Мы можем замаскироваться.

Ужасен Велик Билли Подбородище всегда называл себя полным именем. Словно он боялся, что если не представит себя полностью, то его забудут и он исчезнет. Да и как не чувствовать себя *по настоящему* маленьким, когда твой рост всего в полфигла: стоит уменьшиться еще чуток и от тебя останется одна дырка в земле.

Он был их новым гоннаглем. Гоннагль – это бард и боевой поэт клана, но они обычно не остаются всю свою жизнь на одном месте. Гоннагли сами по себе что-то вроде клана.

Они переходят с места на место, распространяя песни и сказания среди фиглов. Ужасен Велик Билли Подбородище пришел вместе с Дженни из клана Долгого Озера. И хотя он был совсем юным, Дженни сказала, что для гоннаглей нет ограничений по возрасту. Был бы талант, вот что главное. Ужасен Велик Билли знал все песни и так печально играл на

мышлинке, что на улице начинался дождь.

– Айте, хлопец? – добродушно сказал Роб Всякограб. – Валяй, рассказывай.

– Можно найти какую одежду с верзилы? – спросил Ужасен Велик Билли Подбородище. – Потому как есть старый сказ о битве между кланами Трех Пиков и Ветренной Речки. Так вот, хлопцы с Ветренной Речки спаслись, соорудив опудало, и фиглы Трех Пиков решили, что это верзила и прочь уехали.

Ужасен Велик Билли поглядел на озадаченные лица вокруг себя и вспомнил, что они все с Мела и наверное ни разу в жизни не видели опудала.

– Опудало? – повторил он. – Верзила из прутков и одежды, чтоб птах пужать? В песне говорится, что это кельда Ветренной Речки своим кельдовством заставила его ходить, но как я разумею, подвигла его смекалка да сила.

И он спел об этом. А они его прослушали.

Затем он объяснил им, как сделать ходячее пугало. Фиглы переглянулись. Это был безумный и отчаянный план, полный опасностей и риска. Чтобы претворить его в жизнь, требовались невероятные сила и храбрость.

По достоинству оценив эту сторону дела, они немедленно согласились.

Вскоре Тиффани обнаружила, что в обязанности ведьмы входили не только домашние дела и исследования. Было еще то, что мисс Левел называла «заполнять пустоту и опорожнять переполненность».

Мисс Левел обычно выходила из дома одним телом. Все думали, что она двойняшка, и мисс Левел старалась поддерживать это заблуждение. Она пришла к выводу, что как ни крути, но спокойнее, когда тела находились порознь. И Тиффани ее понимала. Стоило лишь посмотреть на мисс Левел, когда она ела. Они молча передавали друг другу тарелки, ели друг у друга с вилки и очень странным выглядело, когда у одного тела была отрыжка, а второе просило за это прощения.

«Заполнять пустоту и опорожнять переполненность» означало ходить по окрестным деревням и фермам и оказывать медицинскую помощь. Работы всегда хватало – поменять повязку или успокоить будущую роженицу. Ведьмы в деревнях были за повивальных бабок, что в каком-то роде соответствовало «опорожнению переполненности», но стоило мисс Левел в своей остроконечной шляпе зайти в коттедж, как сразу начинал подтягиваться народ с самыми разными болячками и все они проходили

мимо совершенно случайно. И потом, за чаепитием, начиналось перемирование косточек. Мисс Левел погружалась в живой, суетящийся мир сплетен, однако Тиффани заметила, что она больше слушала, чем рассказывала сама.

Казалось, что этот мирок всецело принадлежал женщинам, но время от времени, нарушая привычный ход вещей, приходили и мужчины. Они завязывали разговоры о погоде и, словно эти разговоры были подобием секретного шифра, в ответ им передавали мазь или порцию лекарства.

Тиффани никак не могла понять, как мисс Левел получала плату за свои услуги. Одно было несомненным, ее корзинка больше наполнялась, чем опустошалась. Часто, когда они проходили мимо какого-нибудь дома, из него выскакивала хозяйка, чтобы вручить им свежее испеченный хлеб или банку солений, даже если мисс Левел шла в другое место. Но потом они могли провести больше часа в доме, накладывая швы на ногу фермеру, который был слишком небрежен с топором, и получали за это лишь чашку чая и черствую печенюшку. Это казалось несправедливым.

– Ох, все будет возмещено, – объясняла ей мисс Левел по дороге через лес. – Ты лишь делай, что можешь. А люди дадут тебе что смогут и когда смогут. Вот, например, старый Слэпвик со своей ногой. Он скуп, как крыса, но я готова поспорить, что не успеет неделя закончиться, как на моем крыльце будет лежать большой кусок мяса. Уж его жена об этом позаботится. Очень скоро народ начнет резать свиней на зиму, и я получу столько студня, ветчины, бекона и колбасы, что семья и за год не съест.

– Правда? И что вы будете делать с этой пищей?

– Отложу про запас, – ответила мисс Левел.

– Но вы...

– Я откладываю ее про запас в других людей. Диву даешься, чего только нельзя запасти в других людях, – мисс Левел расмеялась, заметив выражение лица Тиффани. – Я имею в виду, что отдаю лишнее тем, кто не держит свиней, у кого был неурожай или тем, о ком некому позаботиться.

– Но это означает, что тогда они будут обязаны помочь *вам*!

– Верно! Вот так долг и переходит по очереди от одного к другому. И все идет наилучшим образом.

– А по моему, некоторые люди просто слишком скупы, чтобы заплатить...

– Мы не говорим о *плате*, – строго сказала мисс Левел. – Ведьма никогда не берет плату и никогда ничего не просит, и можно лишь надеяться, что ей никогда не придется просить. Но, к сожалению, ты права.

– И что тогда случается?

– Что ты имеешь в виду?

– Вы перестаете им помогать, да?

– Ох, нет, – сказала потрясенная до глубины души мисс Левел. – Нельзя отказывать людям в помощи лишь потому, что они глупы, забывчивы или неприятны. Народ здесь бедный. Если я им не помогу, то кто поможет?

Тиффани немного помолчала.

– Бабушка Болит... это моя бабушка, говорила, что кто-то должен говорить за тех, у кого нет голоса.

– Она была ведьмой?

– Я в этом не уверена, – ответила Тиффани. – Думаю, что да, но она сама не знала, кто она есть. Она обычно жила сама по себе в старом пастушьем вагончике, там, в холмах.

– Она не хихикала, нет? – спросила мисс Левел и, увидев выражение лица Тиффани, быстро добавила: – Извини. Но такое бывает с ведьмами, не знающими кто они есть. Это все равно, что корабль без руля. Но она явно не была такой, я вижу.

– Она жила в холмах и говорила с ними, и она знала об овцах больше, чем кто-либо другой! – с жаром сказала Тиффани.

– Конечно знала, разумеется...

– Она *никогда* не хихикала!

– Ну ладно, ладно, – успокаивающе проговорила мисс Левел. – Она хорошо разбиралась в лекарствах?

Тиффани задумалась.

– Ммм... Только в овечьих, – ответила она, успокаиваясь. – Но в этих она разбиралась отлично. Особенно если в них был скипидар. В основном если там был скипидар. Но она всегда... Она... просто... была, даже когда ее не было *на самом деле*...

– Да, – произнесла мисс Левел.

– Вы понимаете, о чем я? – спросила Тиффани.

– О, да, – ответила мисс Левел. – Твоя бабушка жила в холмах предгорий...

– Нет, в холмах низин, – поправила ее Тиффани.

– Извини, в холмах низин вместе с овцами, а люди время от времени поглядывали на холмы и говорили друг другу: «А что бы сделала Бабушка Болит?», или: «Что бы сказала Бабушка Болит, если бы она узнала?», или: «А если Бабушка Болит рассердится?» – продолжала мисс Левел. – Верно?

Тиффани прищурилась. Верно. Она вспомнила, как бабушка ударила торговца, нагружившего осла так, что тот и двинуться не мог, и

пытающегося побоями стронуть его с места.

Бабушка редко прибегала к действиям. Она предпочитала слова, которых у нее было не так уж и много. Торговец настолько испугался ее внезапной ярости, что даже пикнуть не посмел.

Тиффани тоже испугалась. Бабушка, которая редко говорила что-либо, не подумав предварительно минут десять, быстрым, неуловимым движением дважды ударила негодяя по лицу. Известие об этом обошло всю округу, весь Мел. И на какое-то время люди немного помягче обращались со своими домашними животными. Даже спустя несколько месяцев после этой истории с торговцем, возчики, гуртовщики и фермеры по всей округе задумывались, прежде чем поднять плетль или палку. *А что, если Бабушка Болит смотрит?*

Но...

– Откуда вам это *известно*? – спросила она.

– О, я догадалась. По мне, она была ведьмой, кем бы она сама себя не считала. И я должна признать, хорошей ведьмой.

Тиффани преисполнилась наследственной гордостью за бабушку.

– Она помогала людям? – спросила мисс Левел.

Гордости немножко поубавилось. На язык просился немедленный ответ – «да», но тем не менее... Бабушка почти не спускалась со своих холмов, разве что на Страждество или к началу окота. Ее редко можно было увидеть в деревне, за исключением тех дней, когда опаздывал торговец, привозящий пачки табака Бравый Мореход. Тогда она в спешке и суматохе приходила в деревню, шурша своими черными, засаленными юбками, чтобы занять пригоршню табака у кого-нибудь из стариков.

Но не было человека на Мелу, начиная с самого Барона, кто бы не был чем-нибудь обязан Бабушке. И она делала так, чтобы люди отдавали свой долг перед ней другим. Она всегда знала, кто терпит нужду.

– Она заставляла их помогать друг другу, – сказала Тиффани. – Она заставляла их помогать самим себе.

Последовало молчание, и Тиффани услышала, как на дороге пели птицы. Птиц здесь было много, но она скучала по крикам ястребов.

Мисс Левел вздохнула.

– Не многим из нас *такое* под силу. Если бы я так могла, нам не пришлось бы сегодня снова идти к мистеру Ткачику.

Тиффани подумала про себя: «О, Боже».

Им приходилось ходить к мистеру Ткачику чуть ли не каждый день. Эти визиты приводили Тиффани в содрогание.

Кожа мистера Ткачика была как пергамент – тонкая и желтоватая.

Дом, где он жил, пропах старым картофелем, а вокруг рос запущенный сад. Мистер Ткачик всегда сидел в одном и том же старом кресле в крохотной комнатке, выпрямив спину и положив руки на две прогулочные трости, в костюме, лоснившемся от старости, и смотрел на дверь...

– Я должна знать, что он каждый день ест горячее, хоть ему и надо всего ничего, – сказала мисс Левел. – Вдова Тасси, что живет в том конце переулочка, стирает для него. Знаешь, ему девяносто один.

У мистера Ткачика были блестящие глаза и он болтал без умолку, пока они прибирались в комнате. Когда Тиффани пришла к нему в первый раз, он назвал ее Мэри. И время от времени он снова обращался к ней так. Еще он с удивительной силой хватал Тиффани за запястье, когда она проходила мимо. Эти руки, внезапно сжимающие, как тисками, были настоящим шоком. Она могла видеть голубые прожилки вен под кожей старика.

– Я никому не стану обузой, – настойчиво твердил он. – Отложил денежки на смерть. Моему Тоби беспокоиться не о чем. Я за себя заплатить смогу! Я хочу приличные похороны, ясно! Чтобы были черные лошади с плюмажами, чтобы была похоронная процессия и пристойные поминки в конце. Я все записал, от и до. Ну ка, проверь мой ящик, хорошо? А то вечно эта ведьма здесь ошивается!

Тиффани с безнадежным видом посмотрела на мисс Левел. Та кивнула и показала на деревянный ящик, засунутый под кресло мистера Ткачика.

Ящик оказался набит монетами, в основном медными, но среди них затесалось и несколько серебряных. Они казались целым состоянием и на какое-то мгновение ей захотелось, чтобы у нее было столько же денег.

– В нем полно денег, мистер Ткачик, – ответила она.

Мистер Ткачик расслабился.

– Ага, вот так. Никому я обузой не буду.

Когда они пришли, мистер Ткачик, храпя, спал с открытым ртом, выставив напоказ свои желто-коричневые зубы. Однако, он немедленно проснулся и, уставившись на них, сказал:

– Мой Тоби приезжает в субботу.

– Вот и отлично, мистер Ткачик, – ответила мисс Левел, взбивая ему подушки. – Мы здесь все приберем и вычистим.

– Повезло ему с работой, знаете, – продолжал мистер Ткачик с гордостью. – Хорошо устроился, работенка непьющая и тяжести поднимать не надо. Говорит, что хочет поглядеть на меня, как я тут поживаю. А я заверил его, я его заверил, что смогу заплатить за себя сам, когда умру – за все, за соль, за землю и два пенса лодочнику впридачу!

Сегодня мисс Левел побрила его. Сам он бриться не мог, потому что руки у него сильно дрожали. (А вчера она подстригла ему ногти на ногах, потому что сам он не дотягивался. Зрелище не для слабонервных, особенно когда один обрезок разбил оконное стекло.)

– Все у меня в ящике под креслом, – сказал он Тиффани, нервно вытирающей остатки пены с его лица. – Проверь для меня, ладно, Мэри?

О, да. Это была ежедневная церемония.

Под креслом стоял ящик и в нем было полно денег. Он каждый раз просил проверить его. И там всегда было одно и то же количество денег.

– Два пенса для лодочника? – спросила Тифани по пути домой.

– Мистер Ткачик знаток старинных похоронных традиций, – ответила мисс Левел. – Некоторые люди верят, что после смерти душа человека должна заплатить лодочнику за переправу через Реку Мертвых. В наши дни, похоже, об этом никто не беспокоится. Может быть, там теперь стоит мост.

– Он всегда только и говорит, что... о своих похоронах.

– Ну, что же, для него это важно. Со стариками такое бывает. Им даже подумать немисливо, что их считают слишком бедными, чтобы они могли оплатить похороны. Мистер Ткачик умрет от стыда, если у него не будет денег на свои собственные похороны.

– Так грустно, что он живет вот так, совсем один. Надо что-то сделать для него, – сказала Тиффани.

– Мы и делаем, – ответила мисс Левел. – И миссис Тасси по дружбе приглядывает за ним.

– Да, но это не должны быть мы, ведь так?

– Кто же это *должен* быть? – спросила мисс Левел.

– Ну хотя бы его сын, о котором он все время твердит?

– Молодой Тоби? Он уже пятнадцать лет как мертв. И его дочь Мэри умерла совсем молодой. Мистер Ткачик почти ничего не видит, но прошлое для него ясно.

Тиффани не нашлась, что и сказать, кроме:

– Так быть не должно.

– Не бывает *так*, как должно или как не должно. Бывает лишь то, что случается и то, что мы сами делаем.

– Разве нельзя помочь ему с помощью волшебства?

– Да, я слежу, чтобы не было боли, – ответила мисс Левел.

– С помощью трав, а не магии.

– И тем не менее, это тоже волшебство. Знания такая же магия, если другие этого не знают.

– Да, но *вы* же понимаете, что я имею в виду, – сказала Тиффани, чувствуя, что проигрывает этот спор.

– О, ты хочешь сказать, вернуть ему молодость? – спросила мисс Левел. – Засыпать дом золотом? Ведьмы такого не делают.

– Все, что мы делаем, это следим, чтоб у одинокого старика было горячее на обед и стрижем ему ногти? – сказала Тиффани с легким сарказмом.

– Ну в общем, так оно и есть, – ответила мисс Левел. – Мы делаем то, что можем. Госпожа Ветровоск сказала, что тебе надо привыкнуть к тому, что быть ведьмой означает заниматься в основном повседневными делами.

– А вы должны делать все, что она скажет? – спросила Тиффани.

– Я прислушиваюсь к ее советам, – холодно ответила мисс Левел.

– Значит, госпожа Ветровоск самая главная ведьма, да?

– Конечно же нет, – возмутилась мисс Левел. – Все ведьмы равны. У нас нет такого понятия – главная ведьма. Это *совершенно* противоречит самому духу ведовства.

– Понятно, – ответила Тиффани.

– Кроме того, – добавила мисс Левел, – госпожа Ветровоск никогда бы не допустила ничего подобного.

На Мелу вдруг, ни с того, ни с сего из домов стали пропадать вещи. И не яйцо или цыпленок, как это случалось время от времени, а одежда с бельевых веревок. Совершенно загадочно из-под кровати Носатика Хинда, самого старого человека в деревне, испарились ботинки. «И это были чертовски хорошие ботинки, они могли сами дойти до дома из кабака, стоило мне лишь направление им указать», – жаловался он всякому, кто был готов его выслушать. «И они утопали вместе с моей старой шляпой, стоило ей только стать именно такой, как я и хотел – мягкой и обвислой!». Затем с крючка в доме Прочнота Свиндела, разводящего хорьков, исчезли штаны и пальто, в кармане которого все еще обитала пара хорьков. И кто, *кто* влез в окно спальни Умора Доина и сбрил его бороду, такую длинную, что он мог засовывать ее себе за пояс? Ни волоска не оставили. Ему пришлось обмотать лицо шарфом, чтобы жалкий розовый подбородок не пугал дам...

Все сошлись во мнении, что это, скорее всего, дело рук ведьм, и навесили на окна дополнительные ловушки проклятий.

Как бы то ни было...

Дальняя сторона Мела, та, где над равниной поднимались пологие зеленые склоны холмов, густо заросла ежевикой и боярышником. Обычно

из кустов доносилось пение птиц, но сегодня из одного определенного куста – да, именно из этого – доносились ругательства.

– Ах, кривенс! Ты зырь, куды ступаешь, мутнец!

– Да че тут поделать-то? Думаешь, коленом быти легко?!

– А ты думаешь, те одному тяжко? Да тя бы сюды в черевики! Энтот старикашка Свиндел сто лет ноги не мыл! Ну и вонища же тут!

– Вонища, да? Да ты в кишеню залезть спробуй! Эти хорьки никогда до тавулету не вылезали, понял?

– Кривенс! Почему бы вам, тупицам, не заткнуться?

– О, айе? Вы тильки послушайте его! Думаешь небось, раз ты тама сверху в башке обретаешься, то те все ведомо? Да нам снизу ты всего лишь мертвый груз и ничего боле, парень!

– Айе, верно! Тута я с локтями заодно! Да куда бы ты делся, коли бы мы тя не несли, а? Кем ты ся личишь?

– Робом Всякограб Фиглом, что вам всем ведомо. И до чего ж вы мне все обрыдли!

– Лады, Роб, только уж больно тут душно!

– И я сыт по горло скаргами брюха!

– Джентельмены, – раздался голос жаба; никому другому и в голову бы не пришло назвать Нак Мак Фиглов джентельменами. – Время – деньги. Повозка скоро будет! Нельзя ее упустить!

– Нам треба время для тренировки, Жаб! А то мы ходим, как мешок без костей, у которого понос приключился! – сказал более тонкий голос, чем остальные.

– По крайней мере, вы ходите. Это уже хорошо. Я желаю вам удачи, джентельмены.

Тут из наблюдательного поста, расположенного поодаль в кустах, раздался вопль:

– Возок спускается с холма!

– Лады, хлопцы! – закричал Роб Всякограб. – Жаб, ты приглядай за Дженни, лады? Ей треба башковитый хлопец, чтобы она могла рассчитывать на него, пока мя нет! Эй, отвратцы, готовсь! Со щитом али на щите! Всем ведомо, чего делать! Парни с веревками, тягайте нас ввверх! – Кусты затряслись. – Так! Задница готова?

– Айе, Роб!

– Колени? Колени? Я молвил, колени?

– Айе, Роб, но...

– Ноги?

– Айе, Роб!

Кусты снова затряслись.

– Вот так! Памятуйте: право, лево, право, лево! Задница, колени, ступня на земле! Ноги, не забывайте от земли отскакивать! Готовы? Ну-ка разом... пошли!

Мистер Краббер, возчик, был изрядно удивлен. Он пялился куда-то в пространство, мечтая лишь о скором возвращении домой, как вдруг из кустов на дорогу что-то вылезло. Оно походило на человека, вернее, оно в большей степени походило на человека, чем на что-либо другое. По видимому, у него было не все в порядке с коленями и оно двигалось, как будто их связали.

Однако, извозчик не стал тратить время на размышления, потому что в руке существа было зажато что-то золотое.

Кому-кому, а возчику упомянутый факт сразу помог установить личность незнакомца. Это не был старый бродяга, как это могло показаться на первый взгляд, мимо которого спокойно проезжаешь мимо. Совершенно очевидно, перед ним находился джентельмен, попавший в беду, и его, возчика, долг состоял в том, чтобы помочь ему. Возчик остановил повозку.

Лица как такового у незнакомца не было. Между обвисшими полями шляпы и поднятым воротником пальто мало что можно было разглядеть, кроме бороды. Из недр бороды раздался голос:

– *...Заткнисьзаткнисьзаткнись... заткнитесь все, пока я речи молвлю...* Кхм. Доброго те денечка, дружище извозчик, ты мой добрый старина! Коли подвезешь нас... мя, докуда ты направляешься, мы... я дам те вот эту дивну блестящу золоту монетку!

Незнакомец наклонился и сунул руку прямо в лицо мистеру Кабберу.

Монета была довольно крупная и, без всяких сомнений, золотая. Ее взяли из скоровищницы древнего короля, похороненного в главной камере фиглового кургана. Любопытно, стоило фиглам украсть золото, они тут же теряли к нему интерес – его же никак не выпьешь, да и съесть весьма затруднительно. У себя в кургане они ставили золотые монеты и блюда напротив свечей, чтобы отражать свет, наполняя помещение приятными отблесками.

Возчик уставился на монету. Она стоила столько денег, сколько он никогда в жизни не видел.

– Не будет ли... сэ... так любезен... запрыгнуть в повозку, – ответил он, бережно забирая монету.

– И то правда, – ответил после паузы таинственный бородач. – Одну хвилиночку, то требует мальчика организации... Так, вы, руки, хватать за край возка и ты, лева нога, те треба стать бочком... Ах ты, кривенс! Те сгибаться

треба! Сгибайся! Ну чего те не понятно! – заросшее волосами лицо повернулось к возчику. – Прощения просим. Я тут с коленками балакаю, а они мя не слушают!

– Да что вы говорите? – пробормотал возчик. – Мне тоже коленки досаждают в сырую погоду. Их надо смазывать гусиным жиром.

– Да тьфу ты! Я ща эти коленки не только смажу, коли мне придется к ним на разборки спуститься, – сердито проворчал бородач.

До возчика доносились шум и похрюкивание, с которыми незнакомец переваливался через край повозки.

– Добре, поехали что ли, – сказал бородач. – Время не ждет. И вы, коленки, я вас увольняю! Кривенс, да я передвигаюсь как на ходулях. Убирайтесь в брюхо, а для коленей пришлите пару справных хлопцев!

Возчик задумчиво прикусил монету, подгоняя коня. Золото было такое чистое, что на монете остались отпечатки его зубов. Это значило, что его пассажир был очень и очень богатым и это придавало ему особую важность.

Через несколько ярдов позади него снова раздался голос:

– Не мог бы ты ехать мальчика пошвыдче, дружище, а дружище?

– Понимаете, сэр, – ответил возчик. – Видите все эти ящики и коробки? Я везу яйца и яблоки, их надо везти аккуратно, чтобы не побить, сэр, и еще у меня там банки...

Что-то позади повозки посыпалось на дорогу с грохотом, стуком и хлюпающим звуком, который издала большая коробка яиц, *шмякнувшись* о землю.

– Ну как, теперя ты можешь ехать пошвыдче? – спросил бородач.

– Эй, это был мой... – начал мистер Краббер.

– А вот те еще мальчика великучих золотых монеток! – тяжелая, вонючая рука опустилась на плечо возчика. С пальцев перчатки и в самом деле свисала еще одна монетка. Она стояла в десять раз больше, чем весь груз в повозке.

– Ох, ну раз так... – ответил извозчик, бережно принимая монету. – Может ведь произойти несчастный случай, а, сэр?

– Айе, может, особливо коли мне задается, что еду я недостаточно швыдко, – согласился голос позади него. – Мы... я хочу сказать – я, дюже тороплюсь попасть вон в те горы, вишь ли.

– Да, но у меня не почтовая карета, сэр, – укоризненно сказал возчик, подгоняя коня в рысь.

– Почтовая карета, а? Что это за шуковина?

– Вы должны пересесть на нее, чтобы попасть в горы, сэр. Вы можете

перехватить ее в Двурубахах, сэр. А я никогда не заезжаю дальше Двурубах. Но сегодня вы на почтовую карету уже не успеете, сэр.

– Почему нет?

– Я должен сделать остановки в других деревнях, сэр, а на это требуется время, и карета рано отправляется по средам, да и повозка не может ехать быстрее, сэр, и...

– Коли мы... Я не перехвачу карету сегодня, я те такую трепку задам, – зарычал пассажир. – Но коли я поспею, ты получишь еще пять гарных золотых монеток.

Мистер Краббер набрал полную грудь воздуха и завопил:

– Но! Пошел! Пошел, Генри!

В конечном счете Тиффани пришла к выводу, что то, чем занимались ведьмы, было просто работой. Скучной работой. Мисс Левел даже на метле летала не часто.

Все это не могло не наводить тоску. Слишком уж это было... приторно хорошим. Разумеется, уж лучше так, чем злостно отвратительным, но немного... азарта, не помешало бы. Тиффани не хотелось, чтобы про нее думали, что она ожидала выдачи волшебной палочки в Первый День ученичества. Но мисс Левел говорила о магии так, что весь *смысл* ведовства, казалось, заключался в том, чтобы эту магию не применять.

Да чего уж там, думала Тиффани, не применять магию у меня и так прекрасно получается. А вот что мне не удастся, так это сотворить хоть простейшее волшебство.

Мисс Левел терпеливо показывала ей, как можно делать запутку из практически чего угодно, если оно кажется тебе подходящим, с условием, что в нее вплетается что-нибудь живое, например, жук или свежее яйцо.

Но Тиффани никак не могла освоиться с плетением. Это было просто... обидно. Разве не была она обладательницей воображаемой остроконечной шляпы? Разве не было у нее Первого Взгляда и Второго Помысла? Мисс Тик и мисс Левел могли спелсти запутку за несколько секунд, но у Тиффани получался спутанный клубок с вытекающими из него остатками яйца. Снова и снова.

– Я знаю, что все делаю правильно, но она лишь перепутывается! – пожаловалась Тиффани. – Что мне теперь с этим делать?

– Может, нам приготовить омлет? – бодро предложила мисс Левел.

– Ох, мисс Левел, прошу вас! – воскликнула Тиффани.

Мисс Левел похлопала ее по плечу.

– Все получится. Может, ты чересчур сильно стараешься. Придет день,

и у тебя все получится. Знаешь, сила вдруг приходит. Тебе надо лишь оказаться у нее на пути...

– Не могли бы вы сделать запутку для меня, чтобы я потренировалась?

– Боюсь, что нет, – ответила мисс Левел. – Запутка – вещь очень прихотливая. Ее даже нельзя переносить с места на место, разве что как украшение. Ты должна сделать ее сама, там и тогда, где и когда ты хочешь ее применить.

– Почему? – спросила Тиффани.

– Чтобы уловить момент, – сказала вторая половина мисс Левел, подходя к ним. – Способ завязывания узлов...

– ...свежесть яйца и, возможно, влажность воздуха... – продолжила первая мисс Левел.

– ...упругость прутиков, а также какие вещи оказались у тебя в кармане в эту минуту...

– ...даже то, в какую сторону дует ветер. Все вместе создает что-то вроде сиюминутного образа действительности. Надо лишь правильно потянуть запутку, – закончила первая мисс Левел. – И я даже не могу объяснить тебе, как ее надо тянуть, потому что я сама этого не знаю.

– Но вы *тянули* ее, – сказала совершенно запутавшаяся Тиффани. – Я сама видела...

– Да, тянула, но я не знаю, *как* я это делаю, – ответила мисс Левел, беря в руки пару прутиков и длинный отрезок нитки. Мисс Левел сидела за столом напротив себя самой и плела запутку всеми четырьмя руками.

– Помню время, когда я работала в цирке, – сказала она.

– За мной тогда ухаживали Марко и Фалько, Летающие Братья Пастрами, – продолжала другая часть мисс Левел. – Они могли делать...

– ...тройное сальто на высоте пятьдесят футов без страховочной сетки. Какими лихими парянами они были! Похожи друг на друга, как две...

– ...горошины, и Марко мог поймать Фалько с завязанными глазами. Помню, я тогда еще подумала, если бы они были такими же, как и я...

Мисс Левел замолчала и обе ее части покраснели и закашлялись.

– *Ну да ладно*, – продолжила она. – Однажды я спросила у них, как им удается балансировать на тонкой проволоке и Фалько ответил: «Никогда не спрашивай канатоходца, как он держит равновесие. Стоит ему остановиться, чтобы подумать об этом, как он упадет». Вообще-то, на самом деле...

– ...он произнес это так: «Никагда не спрашивай, да?...», потому что ребята выдвали себя за уроженцев Бриндисии, представляешь. Они думали, что это производит впечатление, потому что звучит по иностранному, и

еще они боялись, что никто пойдет на акробатов по имени Летающие Сидней и Франк Картрайт. Тем не менее, это хороший совет, от кого бы он не исходил.

Руки споро плели запутку. Мисс Левел больше не была суетливой одинокой леди, она была полноценной мисс Левел, работающей всеми двадцатью пальцами.

– Конечно, – сказала она. – Полезно держать в карманах разные штучки, подходящие для запуток. Я всегда ношу с собой блески...

– ...ради приятных воспоминаний, которые они пробуждают, – сказала мисс Левел с другой стороны стола, снова краснея.

Она держала в руках запутку. В нее были вплетены блески и куриная косточка. Свежее яйцо покачивалось в маленьком плетеном мешочке и еще много всяких разных штучек свисало с нее, поворачиваясь на длинных нитках.

Каждая часть мисс Левел взялась обеими руками за нити и *потянула*...

Нить сформировалась в узор. Не перепрыгнули ли блески с одной нитки на другую? Похоже, что да. Прошла ли куриная косточка *сквозь* яйцо? Кажется, так оно и было.

Мисс Левел не сводила глаз с запутки.

– Что-то приближается... – сказала она.

Почтовая карета выехала из Двурубах наполовину пустой и уже довольно высоко поднялась в предгорья, когда один из пассажиров похлопал кучера по плечу.

– Прошу прощения, но вы знаете, нас пытаются догнать. – сказал он.

– Боги с вами, сэр, – почтительно ответил кучер, потому что он надеялся на хорошие чаевые в конце пути. – Кому нас здесь догонять.

Затем он услышал крики, становящиеся все громче и громче.

– Эээ, по-моему, он именно это и пытается сделать, – сказал пассажир, когда повозка нагнала почтовую карету.

– Тпррру! Стой, ради всего святого, *стой!* – вопил возчик, обгоняя карету.

Но ничто не могло остановить Генри. Долгие годы он не спеша развозил грузы по окрестным деревням, но в своей большой лошадиной голове он всегда мечтал о великом предназначении скакуна, стремительного, как ветер. Годами он плелся по дороге, обгоняемый всеми, кому не лень – каретами, телегами и трехногими собаками, и вот пришел его звездный час.

К тому же повозка была намного легче, чем обычно, и дорога шла под

гору. Все, что ему приходилось делать, это скакать достаточно быстро, чтобы держаться перед повозкой. И в итоге он обогнал почтовую карету. Он, Генри!

Генри остановился лишь потому, что встала почтовая карета. Кроме того, кровь струилась по его жилам с удесятеренной силой и в упряжке кареты были две кобылы, с которыми ему захотелось познакомиться поближе – узнать, когда у них свободный день, какое сено они предпочитают и всякое такое.

Побледневший возчик медленно слез с козел, лег на землю и вцепился в пыль.

Его единственный пассажир, выглядящий по мнению кучера как какое-то пугало, нетвердо слез с повозки и заковылял к карете.

– Извините, мест нет, – солгал кучер.

Места в карете были, но совершенно очевидно, не для такого чучела.

– Ах, а я-то хотел заплатить золотом, – сказала создание. – Таким, как вот это, – добавило оно, размахивая драной перчаткой.

Внезапно в карете нашлось достаточно места для эксцентричного миллионера. В несколько секунд его усадили и, к досаде Генри, почтовая карета тронулась в путь.

Через деревья к дому мисс Левел летела метла. Юная ведьма – или кто-то, одетый как ведьма, никогда не стоит делать поспешных выводов – сидела на ней бочком.

Полет ей не очень хорошо удавался. Метла то и дело дергалась, и было заметно, что девочка не справлялась с поворотами, потому что время от времени она останавливалась, прыгивала и рукой поворачивала метлу в нужном направлении. Когда метла подлетела к садовой калитке, девочка снова быстро прыгнула и привязала транспортное средство за веревочку.

– Молодец, Петулия! – похвалила ее мисс Левел, захлопав во все четыре ладоши. – У тебя получается все лучше и лучше!

– Ммм... Спасибо, мисс Левел, – ответила девочка, кланяясь. Она так и осталась стоять согнувшись и пробормотала: – Ммм... о, Боги...

Половина мисс Левел подошла поближе.

– Ох, я вижу в чем дело, – сказала она, приглядываясь. – Твой амулет с маленькими совами перепутался с ожерельем с серебряными летучими мышами и они оба зацепились за пуговицу. Постой немного спокойно, хорошо?

– Ммм... Я прилетела узнать, не захочет ли ваша новая девочка прийти сегодня ночью на шабаш, – сказала согнувшаяся Петулия слегка

сдавленным голосом.

Тиффани не могла не заметить, что Петулия была вся в украшениях. Позже она обнаружила, что в обществе Петулии вам все время придется отсоединять какой-нибудь из ее браслетов от одного из ожерелий, или, как это однажды случилось, сережку от ножного браслета (никто так и не смог понять, как это смогло произойти). Против оккультных украшений Петулия устоять не могла.

Эти украшения предназначались для магической защиты от всяких неприятностей. К сожалению, Петулия не нашла амулета, который защитил бы ее от нелепого вида. Она была низенькой, пухленькой, краснощеккой, с постоянно озабоченным выражением лица.

– Шабаш? А, эти ваши собрания, – сказала мисс Левел. – Это было бы замечательно, правда, Тиффани?

– Да, – ответила Тиффани, не совсем в этом уверенная.

– Девочки время от времени собираются в лесу по вечерам, – пояснила мисс Левел. – Отчего-то к нашему ремеслу возвращается популярность. Конечно, этому можно только радоваться.

Однако, прозвучало это так, как будто сама мисс Левел не была в этом полностью уверена. Затем она добавила:

– Петулия помогает Матушке Черночепчик, что живет в Безоткосах. Она специализируется на животных. Поросячьи болезни ей особенно хорошо удаются. Я имею в виду, лечить поросячьи болезни, а не наводить. Здорово было бы, если бы ты подружилась здесь с кем-нибудь. Почему бы тебе не сходить? Ну вот, все распутано.

Петулия выпрямилась и смущенно улыбнулась Тиффани.

– Ммм, Петулия Хрящик, – сказала она, протягивая руку.

– Тиффани Болит, – ответила Тиффани и с осторожностью трянула руку Петулии, опасаясь быть оглушенной дружно забренчавшими браслетами и ожерельями.

– Ммм, ты можешь полететь вместе со мной на метле, если хочешь, – предложила Петулия.

– Лучше не стоит, – ответила Тиффани.

Петулия с облегчением взглянула на нее и затем сказала:

– Ммм, а ты не хочешь одеться?

Тиффани поглядела на свое зеленое платье.

– Я одета.

– Ммм, у тебя нет каких-нибудь украшений – бус, амулетов, или чего-то такого?

– Увы, нет, – ответила Тиффани.

– Ммм, тогда ты должна взять собой хотя бы запутку?

– Ммм, я не смогла с ними разобраться, – сказала Тиффани.

Она не хотела говорить «ммм», но от было невозможно не заразиться этим от Петулии.

– Ммм... может у тебя есть черное платье?

– Я не люблю черное. Я предпочитаю синее или зеленое, – ответила Тиффани. – Ммм...

– Ммм. О, ну да, ты же только начала, – великодушно предположила Петулия. – Я уже три года Мастерю.

Тиффани обескуражено поглядела на ближайшую половину мисс Левел.

– Изучает ремесло, – подсказала мисс Левел. – Ведовство.

– О. – Тиффани сознавала, что ведет себя недружелюбно и розоволицая Петулия казалась очень славной девочкой, но она чувствовала себя неловко перед ней и не могла понять почему. Это было глупо, она знала. Она могла бы подружиться с Петулией. Мисс Левел тоже была вполне славная и Тиффани умудрилась поладить с Освальдом, но хорошо было бы общаться и с кем-то одного с собой возраста.

– С радостью пойду, – ответила Тиффани. – Я знаю, мне надо многому учиться.

Пассажиры, сидящие в карете, заплатили немалые деньги, чтобы сидеть внутри на мягких сиденьях, укрывшись от ветра и пыли. Поэтому довольно странным было то, что многие из них пересели на крышу на следующей остановке.

Те же немногие, кто не захотел выйти или не был в состоянии вскарабкаться наверх, сидели, сбившись в кучку, напротив нового пассажира и, стараясь не дышать, глядели на него, как кролики на лисицу.

Не то чтобы им мешал запах хорьков. Да, это мешало, но по сравнению с другой, *большой* проблемой, запах почти ничего не значил. Пассажир разговаривал сам с собой. Вернее, части его тела разговаривали друг с другом. *Не замолкая.*

– Ну и трясовина тут внизу, я те кажу! Теперя мой черед в башке сидеть, уж то верно!

– Ха, да вы, братцы, устроились там в тепленьком местечке, в брюхе. Это нам – ногам всю работу робить приходится!

На что правая рука сказала:

– Ноги? Да вам даже значения слова «работа» не ведомо! Вот засунуть бы вас в рукавичку! Ах, да пропади оно все пропадом! Пойду и разомну се

ноги!

В наполненной ужасом тишине, пассажиры увидели, как одетая в перчатку рука мужчины отвалилась и пошла вдоль сидения.

– Айе, пропасть, тута в штанах тоже не курорт. И я зараз тута все проветрю!

– Вулли Валенок, не смей...

Пассажиры придвинулись еще ближе друг к другу, как зачарованные не сводя глаз со штанов. В штанах что-то задвигалось, послышались какие-то тихие проклятия из места, откуда никак нельзя было ожидать какого-либо голоса вообще. Затем пара пуговиц отскочили и очень маленький рыжеволосый синекожый человечек высунул свою голову и заморгал от света.

Увидев людей, он застыл.

Человечек уставился на пассажиров.

Пассажиры уставились на человечка.

Затем его лицо расплылось в безумной улыбке.

– Как дела, робята? – отчаянно спросил он. – Вот здоровски! Про меня не беспокойтесь! Я всего лишь опа-тически иллюзя, ясно?

Он скрылся в штанах и пассажиры слышали, как он прошептал:

– Да я их запросто обдурил, нае проблемо!

Через несколько минут карета остановилась, чтобы сменить лошадей. Дальше она поехала уже без тех пассажиров, что сидели внутри. Они вышли и попросили вынести их багаж. Нет, спасибо, мы не хотим ехать дальше. Нет, мы поедем завтра, спасибо. Ничего страшного, мы вполне можем подождать в этом очаровательном маленьком городке под названием, ээээ, Опасный Закоулок. Спасибо. Вего хорошего.

Карета продолжила свой путь, став в некоторой степени легче и быстрее. Она ни разу не остановилась ночью. Она должна была остановиться, но пассажиры с крыши все еще ели свой ужин, когда слышали, как карета отъехала без них. И причиной столь поспешного отъезда могла оказаться большая кучка монет, бренчавших в камране у кучера.

Глава пятая

Круг

Тиффани шла сквозь лес. Рядом с ней, неуверенно передвигаясь по ломаной прямой, летела на метле Петулия. Она и в самом деле оказалась славной девочкой. У нее было три брата и она хотела стать повивальной бабкой и принимать детей и поросят. И еще она боялась булавок. И Тиффани обнаружила, что Петулия терпеть не могла спорить о *чем бы то ни было*.

Поэтому беседа происходила следующим образом:

Тиффани сказала:

– Я живу на Мелу.

Петулия ответила:

– О, это у вас там разводят всех этих овец? Не очень-то я люблю овец, они такие... мешковатые.

На что Тиффани сказала:

– Вообще-то, мы очень гордимся своими овцами.

И затем можно было молчать, пока Петулия неуклюже давала задний ход, словно разворачивала тележку в узком проходе:

– Ну, я не хотела сказать, что прямо так их ненавижу. По моему, бывают очень даже хорошие овечки. Мы ведь тоже держим овец. Они лучше, чем козы и шерсти у них больше. На самом деле, они мне даже нравятся, правда. Овцы такие замечательные.

Петулия тратила много времени, пытаясь угадать, что люди думают по тому или иному поводу, чтобы ее мнение совпало с их мнением. Никому бы не удалось поссориться с ней. Тиффани приходилось сдерживаться, чтобы не заявить – «Небо – зеленое», только чтобы проверить, как скоро она с этим согласится. Но Петулия нравилась ей. Петулия не могла не нравиться. Само ее присутствие успокаивало. Да и вообще, трудно *невзлюбить* того, кто не мог заставить метлу повернуть.

Они шли довольно долго. Тиффани всегда мечтала попасть в такой большой лес, чтобы и просвета между деревьями было не видать. Но сейчас, прожив в лесной глуши пару недель, она начала нервничать. Хотя лес был не такой уж и дремучий, по крайней мере вокруг деревень, и ходить по нему было легко. Она познакомилась с кленами и березами, и впервые в жизни увидела горные склоны, поросшие елями и пихтами. Но

Тиффани не была рада обществу деревьев. Она скучала по горизонту. Она скучала по небу. Здесь же все пространство было чем-то ограничено.

Петулия нервно трещала без умолку. Матушка Черночепчик, ее наставница, забалтывала свиней, закрикивала коров и лечила всех прочих животных. Сама Петулия очень любила животных, особенно свиней, потому что у них были трогательные носики. Тиффани тоже любила зверей, но никто не мог любить зверей (кроме них самих) сильнее, чем Петулия.

– Ну и... С какой целью вы собираетесь? – спросила Тиффани, чтобы сменить тему разговора.

– Ммм? Чтобы поддерживать связь друг с другом, – ответила Петулия.
– Аннаграмма говорит, что связи имеют большое значение.

– Аннаграмма у вас главная, да? – спросила Тифани.

– Ммм, нет. Аннаграмма говорит, что у ведьм нет главных.

– Хм... – ответила Тиффани.

Они добрались до полянки в лесной глуши как раз перед заходом солнца. На полянке еще оставались останки старого дома, густо поросшие ежевикой. Развалины были почти незаметны, лишь буйные заросли сирени и кустов крыжовника, превратившихся в непроходимую колючую преграду, выдавали их присутствие. Когда-то здесь кто-то жил и разбил сад.

На полянке был разожжен костер. Тот, кто его разжег, сделал это из рук вон плохо. И довольно плохой идеей было лечь на живот и попробовать раздуть огонь, не желающий гореть, потому что бумаги для растопки не хватило. Если так сделать, остроконечная шляпа, которую вы забыли снять, может упасть в дымящееся нагромождение веток и загореться.

Юная ведьма с отчаянием колотила по своей горячей шляпе под заинтересованными взглядами зрителей.

Другая ведьма, сидящая на длинном бревне, произнесла:

– Димити Хаббаб, это без преувеличения наибольшая глупость, которую кто-либо когда-либо проделал во всем мире. – Сказано это было резким и не очень приятным голосом, каким обычно делают саркастические замечания.

– Извини, Аннаграмма! – ответила мисс Хаббаб, снимая с себя шляпу и затаптывая ее острым концом.

– Нет, ты только посмотри на себя, а? Мы просто разочарованы.

– Извини, Аннаграмма!

– Ммм... – вставила Петулия.

Все повернулись поглядеть на вновь прибывших.

– Ты *опоздала*, Петулия Хрящик! – резко сказала Аннаграмма. – Кто

это?

– Ммм, *ты* просила меня заглянуть к мисс Левел и пригласить новенькую, Аннаграмма, – оправдываясь ответила Петулия, словно ее поймали на чем-то нехорошем.

Аннаграмма встала. Она была чуть ли не на голову выше Тиффани и казалось, что ее лицо начиналось с носа, который она держала годро задранным. Ее осматривающий взгляд говорил вам, что вы и так уже отняли слишком много ее, Аннаграммы, драгоценного времени.

– Это она?

– Ммм, да, Аннаграмма.

– Ну что же, дай я на тебя посмотрю, новенькая.

Тиффани шагнула вперед. Удивительно, она не собиралась выходить вперед, но у Аннаграммы был такой голос, которому нельзя было не подчиниться.

– Как тебя зовут?

– Тиффани Болит? – ответила Тиффани и обнаружила, что она произносит свое имя таким тоном, будто спрашивает разрешения иметь его.

– Тиффани? Что за забавное имя, – сказала высокая девушка. – Меня зовут Аннаграмма Ястребц.

– Ммм, Аннаграмма работает на... – начала Петулия.

– Работаю с... – резко оборвала ее Аннаграмма, продолжая оглядывать Тиффани с ног до головы.

– Ммм, извини, работает с миссис Иервиг, – продолжила Петулия. – Но она...

– Я собираюсь закончить обучение в следующем году, – заявила Аннаграмма. – В учебе я *преуспеваю*. Так значит, ты и есть та девочка, что поступила к мисс Левел? Знаешь, есть в ней что-то жутковатое. Последние три девочки очень быстро ушли от нее. Они говорили, что слишком странно пытаться отследить, кто из нее кто.

– Которая из которых была которой, – весело вставила какая-то девочка.

– Каждый может состричь так, Люси Варбек, – сказала Аннаграмма, не оглядываясь по сторонам. – Это не смешно и не умно.

И она снова перенесла все свое внимание на Тиффани, критически и тщательно оценивая ее, как оценивала Бабушка Болит овцу, решая сделать покупку или нет. Про себя Тиффани гадала, не попытается ли Аннаграмма заглянуть ей в рот, чтобы проверить, все ли зубы целы.

– Говорят, что на Мелу хороших ведьм не бывает, – сказала

Аннаграмма.

Все девочки перевели взгляды с Аннаграммы на Тиффани, которая думала: «Ха! Так значит у ведьм нет главных?» Но сейчас она была не расположена наживать себе врагов.

– Возможно, что бывает, – тихо ответила она.

Похоже было, что Аннаграмма ожидала услышать совсем другое.

– Ты даже не одета должным образом, – заметила Аннаграмма.

– Извини, – ответила Тиффани.

– Ммм, Аннаграмма говорит, если ты хочешь, чтобы люди относились к тебе как к ведьме, ты должна выглядеть, как ведьма, – сказала Петулия.

– Хм... – произнесла Аннаграмма с таким видом, словно Тиффани провалила простейшее испытание. Затем она кивнула: – Ну что же, все мы когда-то начинали.

Она отступила назад.

– Леди, это Тиффани. Тиффани, ты уже знаешь Петулию, она постоянно натывается на деревья. Вот та девочка с дымящейся шляпой – Димити Хаббаб, правда, она похожа на камин? Это Гертруда Изнур, а это наша остроумная шутница Люст Варбек. Вот Хариэтта Срыв, которая ничего не может поделывать со своим косоглазием, а это Лулу Дорогуша, которая ничего не может поделывать со своим именем. Сегодня ты можешь просто посидеть с нами... Тиффани, кажется так? Какая жалость, что ты попала к мисс Левел. Жалкая она какая-то и полная дилетантка. Ни о чем никакого понятия не имеет, только суетится и надеется на авось.

Ну ладно, уже довольно поздно. Гертруда, Собери Четыре Мировых Угла и Отвори Круг, будь добра.

– Мнээ... – нервно проблеяла Гертруда.

Просто удивительно, как много народу становилось нервными в присутствии Аннаграммы.

– Неужели я должна делать все сама? – сказала Аннаграмма. – Напряги свою память, будь любезна! Мы это в буквальном смысле миллион раз проделывали!

– Никогда не слышала, что у мира есть четыре угла, – заметила Тиффани.

– Неужели? Я удивлена, – ответила Аннаграмма. – Это направления силы, Тиффани, и мой тебе совет – *придумай* что-нибудь со своим именем.

– Но мир круглый, как тарелка, – возразила Тиффани.

– Ммм, тебе надо вообразить углы, – прошептала Петулия.

Тиффани наморщила лоб.

– Зачем?

Аннаграмма округлила глаза.

– Потому что таковы правила.

– Ох.

– Ты когда-нибудь колдовала? – требовательно спросила Аннаграмма.

Тиффани была в некотором замешательстве. Она не привыкла к таким, как Аннаграмма.

– Да, – ответила она и все девочки уставились на нее, а Тиффани не могла думать ни о чем другом, кроме овец. Когда собака нападает на овцу, другие овцы отбегают на безопасное расстояние, а затем останавливаются и смотрят на нее. Они не объединяются против собаки. Они просто радуются, что напали не на них.

– Что же тогда у тебя получается лучше всего? – резко спросила Аннаграмма.

Тиффани все еще погруженная в мысли об овцах, ответила, не думая:

– Нежные Нелли. Это овечий сыр. Его довольно трудно сделать...

Она поглядела на озадаченные лица вокруг нее и почувствовала, как смущение начинает охватывать ее, словно она погружалась в горячее желе.

– Ммм, Аннаграмма имела в виду, какая магия получается у тебя лучше всего, – доброжелательно подсказала Петулия.

– Хотя, Нежная Нелли – это тоже неплохо, – вставила Аннаграмма с жестокой маленькой усмешкой.

Одна или две девочки фыркнули. Это означало, что им было смешно, но они пытались сдержать смех.

Тиффани поглядела на свои ботинки.

– Я не знаю, – пробормотала она. – Но я прогнала Королеву Фей из своей страны.

– В самом деле? – сказала Аннаграмма. – Королеву Фей, а? И как же ты это сделала?

– Я... толком не знаю. Я только рассердилась на нее. – Тиффани с трудом могла вспомнить, что же произошло той ночью. Она помнила, что разгневалась, жутко разгневалась и затем мир... изменился. Она могла видеть мир отчетливее, чем ястреб, слышать его звуки лучше, чем собака. Она ощущала древность мира под своими ногами и чувствовала, что холмы все еще живы. И еще она помнила свои мысли о том, что нельзя долго находиться в таком состоянии и остаться после этого человеком.

– У тебя подходящие ботинки, чтобы топтать в гневе, – продолжала Аннаграмма. – Королева Фей, – добавила она. – Разумеется, так оно и было. Мечтать не вредно.

– Я не лгу, – пробормотала Тиффани, но никто ее не слушал.

Угрюмая и расстроенная она наблюдала, как девочки Открывали Углы и Творили Круг, путая все на свете. Так продолжалось какое-то время. Все бы шло поживее, если бы девочки точно знали, что им надо делать. Но возможно, они *путались* из-за Аннаграммы, потому что она все время всех поправляла. Аннаграмма стояла с открытой книгой в руках.

– ...А теперь ты, Гертруда, иди против вращения, *нет*, в другую сторону, я тебе об этом уже тысячу раз говорила, в буквальном смысле. И Лулу... где Лулу? Так, ты не должна стоять здесь! Возьми Исповедальный Кубок – нет, не этот. Нет, вон тот без ручек... да.

Харриетта, подними Жезл Воздуха немного повыше. Я говорю, он должен быть в воздухе, ты поняла? И ради всего святого, Петулия, я тебя умоляю, ну постарайся принять более величавый вид. Я принимаю во внимание, что тебе это совершенно несвойственно, но прояви хотя бы старание. Между прочим, я все собираюсь сказать тебе, что ни одно из существующих заклинаний не начинается с «Ммм», насколько я могу судить об этом. Харриетта, разве вот это – Котел Моря? Разве это *похоже* на Котел Моря? Я лично так не считаю, а ты? *Что это за звук?*

Девочки посмотрели под ноги. Затем кто-то пробормотал:

– Димити Хаббаб наступила на Венец Бесконечности, Аннаграмма.

– Уж не на тот ли, что с натуральным мелким жемчугом? – сказала сквозь зубы Аннаграмма.

– Ммм, да, – ответила Петулия. – Но я уверена, она сделала это нечаянно. Ммм... Может, мне стоит заварить чай?

Книга со стуком захлопнулась.

– В чем дело? О чем вы думаете? – обратилась Аннаграмма к миру в целом. – О. Чем. Вы. Думаете? Вы хотите провести все свою оставшуюся жизнь ведьмами в деревнях, выводя нарывы и бородавки за чашку чая и сухарь? Ну? Хотите?

Сбившиеся в кучу юные ведьмы затоптались и забормотали:

– Нет, Аннаграмма.

– Вы все *прочитали* книгу мисс Иервиг, так? – требовательно спросила она. – Прочитали?

Петулия нервно подняла руку.

– Ммм... – начала она.

– Петулия, я тебе в буквальном смысле миллион раз говорила не начинать. Каждое. Простое. Предложение. С «Ммм» – так?

– Ммм... – сказала Петулия, дрожа от нервозности.

– Да говори же, ради всего святого! Не запинаясь каждый раз!

– Ммм...

– Петулия!

– Ммм...

– Нет, ну в самом деле, почему бы тебе хоть немного не *постараться*. Честное слово, я не понимаю, что со вами со всеми происходит!

А я понимаю, подумала Тиффани. Ты ведешь себя как пастушья собака, которая все время досаждаёт овцам. Ты не даешь им время подчиниться и ты не позволяешь им понять, когда они сделали что-то правильно. Ты просто продолжаешь лаять на них.

Петулия молчала, словно проглотив язык.

Аннаграмма положила книгу на бревно.

– Ну что же, момент *полностью* упущен. Чаю что ли выпить, Петулия. Поторопись.

Петулия с облегчением схватила чайник. Все немного расслабились.

Тиффани поглядела на обложку книги. На ней было написано:

Высшая МаГГия

автор Летиция Иервиг, ведьма

– Маггия с двумя Г? – вслух сказала она. – Маггия?

– Так специально написано, – холодно ответила Аннаграмма. – Миссис Иервиг говорит, что если мы хотим развиваться, мы *должны* различать высшую Маггию и ее повседневную разновидность.

– *Повседневная* разновидность магии? – спросила Тиффани.

– Совершенно точно. *Мы* отказываемся от бормотаний по углам. Настоящие священные круги, настоящие заклинания, записанные на бумаге. Настоящая иерархия, а не так, чтобы все бегали туда-сюда, делая, что душа велит. Настоящие волшебные палочки, а не обломки грязных палок. Профессионализм и почтение. Абсолютно никаких бородавок. Вот единственный путь вперед.

– Я думаю... – начала Тиффани.

– Мне дела нет до того, что ты там себе думаешь, потому что ты еще ничего не знаешь, – резко оборвала ее Аннаграмма. Она повернулась к остальным девочкам. – Ну хоть на Пробах нам есть что показать в этом году? – спросила она.

Девочки забормотали и закивали головами в знак подтверждения.

– Что у тебя, Петулия? – спросила Аннаграмма.

– Я собираюсь представить трюк с поросенком, Аннаграммма, – неуверенно ответила Петулия.

– Хорошо. Он тебе почти удастся, – сказала Аннаграма и указала на

следующую девочку в кругу. Она переходила от одной ведьмы к другой, кивая головой на их ответы, пока не дошла до Тиффани.

– Нежная Нелли? – предложила она, вызвав оживленное хихиканье.

– Что такое Ведьминские Пробы? – спросила Тиффани. – Мисс Тик упоминала о них, но я не знаю, что они такое.

Аннаграмма шумно вздохнула.

– Ты рассказывай, Петулия. Это ведь *ты* привела ее сюда, в конце-то концов.

Запинаясь, беспрестанно мекая и косясь на Аннаграмму, Петулия поведала про Ведьминские Пробы. Ммм, Пробы, это когда ведьмы со всех гор собираются вместе и ммм... встречаются со старыми друзьями и ммм... обмениваются последними новостями и сплетнями. Простые люди тоже приходят и проводится ярмарка, и ведьмы показывают всякие трюки.

Это довольно ммм... крупное событие. А в полдень все желающие ведьмы ммм... могут продемонстрировать новое заклинание или ммм то, в чем они искусны, и эти выступления пользуются большой популярностью.

Тиффани все это напомнило соревнования пастушьих собак, только без собак и овец. Такие соревнования проводились раз в год в Ширклиффе, городке неподалеку от их фермы.

– И за это дают приз? – спросила она.

– Ммм, ох, нет, – ответила Петулия. – Это все делается ради поддержания веселого духа и хороших брат... ммм... сестринских отношений.

– Ха! – встряла Аннаграмма. – И кто этому поверит? Все уже решено заранее. Все будут восхвалять госпожу Ветровоск. Она всегда выигрывает, что бы она ни сделала. Хотя она только морочит людям головы. Она только дурачит их, заставляя всех верить, какая она могущественная ведьма. Да она бы и пяти минут не простояла против волшебника. Вот кто творит *настоящую* магию. К тому же она одевается как пугало! Невежественная старуха, тянущая искусство ведовства в прошлое, как указывает в первой главе своей книги миссис Иервиг!

Одна-две девочки потупились. А Петулия даже кинула взгляд через плечо.

– Ммм, говорят, что она творит чудеса, Аннаграмма, – сказала Петулия. – И, ммм, говорят, что она может подсматривать за людьми даже на расстоянии в несколько миль от них...

– Да, так *говорят*, – ответила Аннаграмма. – И это все потому, что ее боятся! Она всех застрадала! Это все, чем она занимается – стращет людей и дуриет им головы! Это *устаревшее* ведовство, вот что это такое. И я

считаю, оно недалеко ушло от хихиканья. Госпожа Ветровоск наполовину выжила из ума, вот что еще говорят про нее.

– Мне она полоумной не кажется.

– *Кто это сказал?* – резко спросила Аннаграмма.

Все поглядели на Тиффани, которая пожалела, что у нее вырвались эти слова. Но сейчас ей ничего не оставалось, кроме как продолжать говорить.

– Она только старая и строгая, – сказала Тиффани. – Но она довольно... вежливая. И она не хихикает.

– Ты встречалась с ней?

– Да.

– И она разговаривала с тобой, да? – ядовито сказала Аннаграмма. – Было ли это до того, как ты выпинула Королеву Фей или после?

– Сразу после, – ответила Тиффани, не привыкшая к такого рода иронии. – Она прилетела на метле. – И добавила: – Я не лгу.

– Конечно же, не лжешь, – сказала Аннаграмма, мрачно улыбаясь. – И, я полагаю, она поздравила тебя.

– В общем-то нет, – ответила Тиффани. – Она казалась довольной, но в общем, кто ее знает.

И затем Тиффани сказала нечто по-настоящему глупое. Много времени прошло и много всяких разных событий произошло, прежде чем она перестала напевать «Ля, ля, ля» при каждом воспоминании об этом вечере, чтобы заглушить стыд.

Она сказала:

– И она дала мне эту шляпу.

И они все в один голос спросили:

– *Какую шляпу?*

Петулия отвела ее в коттедж. Она изо всех сил заверяла Тиффани, что *верит* ей, но Тиффани знала, что Петулия лишь пыталась быть любезной. Тиффани бросилась вверх по лестнице, когда мисс Левел попыталась ей что-то сказать, но она заперла дверь на засов, скинула ботинки и упала на кровать, прижав к голове подушку, чтобы заглушить смех, эхом звучащий у нее в голове.

Снизу доносились приглушенные звуки разговора между Петулией и мисс Левел, и затем стук двери, когда Петулия ушла.

Спустя какое-то время ботинки проскрежетали по полу, подтаскиваясь к кровати и аккуртано вставая рядышком. Освальд никогда не дремал.

Еще через какое-то время смех наконец-то замолк, хотя она была

уверена, что он никогда полностью не исчезнет.

Тиффани могла осязать шляпу. По крайней мере, она *раньше* могла осязать ее. Вымышленную шляпу на своей настоящей голове. Но никто другой так и не смог ее увидеть, а Петулия даже помахала рукой над головой Тиффани и обнаружила полное отсутствие шляпы.

Самое худшее было – а выбирать, что хуже всего было трудно, настолько унижительным все было – когда Аннаграмма сказала:

– Не смейтесь над ней. Это слишком жестоко. Она лишь глупая, вот и все. Я говорила вам, что эта старуха дурачит людей!

Первый Помысел Тиффани беспорядочно метался по кругу. Второй Помысел носило бурей. И лишь Третий Помысел, хотя и был он еле слышен, подумал: *Несмотря на то, что твой мир окончательно и полностью разрушен и ничто его не спасет, и что ты сама совершенно безутешна – хорошо было бы, если бы тебе принесли тарелку с супом...*

Третий Помысел Тиффани поднял ее с кровати и подвел к двери, где заставил ее руки отворить засов. Затем он позволил ей снова кинуться в кровать.

Через несколько минут на лестничной площадке послышались шаги. Как хорошо знать, что ты не ошиблась.

Мисс Левел постучала и, выждав приличное время, вошла. Тиффани услышала, как она поставила поднос на столик и почувствовала, как кровать затряслась, когда на нее сели.

– Я всегда считала Петулию очень одаренной девочкой, – немного помолчав сказала мисс Левел. – Вот повезет с ведьмой какой-нибудь деревне в один прекрасный день.

Тиффани не издала ни звука.

– Она рассказала мне все, – продолжала мисс Левел. – Мисс Тик никогда не упоминала шляпу, но на твоём месте я бы никому о ней не говорила. Госпожа Веторвоск могла бы так поступить, это очень на нее похоже. Знаешь, иногда бывает полезно поговорить о таких вещах.

Тиффани продолжала молчать.

– Конечно, это неправильно, – добавила мисс Левел. – Но будучи ведьмой, я очень любознательна и просто умираю от желания узнать побольше.

Это также не оказало никакого действия. Мисс Левел вздохнула и встала.

– Я оставлю суп, но если ты дашь ему остыть, Освальд попытается его забрать.

И она ушла вниз.

Минут пять в комнате все было неподвижным. Затем миска с супом тронулась с места, позвякивая ложкой.

Тиффани высунула руку и вцепилась в поднос. Это постарался Третий Помысел: Первый и Второй Помыслы могли переживать сколько угодно, но *что-то* должно было помнить о том, что у тебя с обеда во рту маковой росинки не было.

После того как Освальд поспешно унес пустую миску, Тиффани легла на кровать и уставилась в темноту перед собой.

Последние дни она была слишком увлечена новизной незнакомой для нее страны, но шторм насмешек смыл интерес к новым ощущениям и тоска по родине ринулась заполнять освободившееся место.

Она скучала по овцам, по звукам и тишине Мела. Ей не хватало вида холмов из окна ее спальни, их черных контуров на фоне звездного неба. Ей не хватало... частицы самой себя...

Но они смеялись над ней. Они говорили – «Какая шляпа»? И они смеялись даже больше, когда она подняла руки, чтобы дотронуться до невидимых полей и не нашла их...

Она трогала ее каждый день в течении восемнадцати месяцев, а сейчас шляпа пропала. И она не могла сделать запутку. И у нее было только зеленое платье, тогда как другие девочки носили черные. А у Аннаграммы к тому же еще было полно украшений, черных и серебряных. И у *всех* остальных девочек были с собой запутки и очень красивые. Кому какое дело, что они годятся лишь для красы?

Возможно, она вовсе не ведьма. Ну да, она победила Королеву Фей с помощью маленьких синих человечков и воспоминаний о Бабушке Болит, но она не применяла магии. Она сейчас и сама понять не могла, что же она такое тогда *сделала*.

Она помнила, как почувствовала что-то, сходящее вниз, сквозь подошвы ее ботинок, сквозь холмы и года, и как оно вернулось, громко рыча от ярости, сотрясающей небеса:

...Как ты смеешь вторгаться в мой мир, в мою землю, в мою жизнь...

Но какой ей прок от вымышленной шляпы? Возможно, что старая женщина обманула ее, заставила *поверить*, что шляпа существует. Возможно, она была немного не в себе, как говорила Аннаграмма, или просто ошиблась. Возможно, Тиффани следует вернуться домой и всю оставшуюся жизнь делать Нежные Нелли.

Тиффани повернулась, залезла под кровать и достала чемодан. Она вытащила из него грубо сработанную коробку, открыла ее и сжала в ладонях приносящий удачу камень.

Тиффани надеялась, что от камня будет исходить какое-то чувство приязни, но ничего подобного не произошло. Все, что она почувствовала, это лишь шероховатость камня, гладкость его надтреснутой лицевой стороны и острый край трещины. И клочок овечьей шерсти ей тоже не помог, от него лишь пальцы стали пахнуть овцами и она почувствовала себя еще более одинокой и несчастной. А серебряная лошадка была холодной.

Рыдания были такими тихими, что издали и не расслышишь. Но они летели на темно-красных крыльях отчаяния. Она так хотела, она *просто умирала от желания* услышать, как свистит ветер в траве и почувствовать столетия под своими ступнями. Она жаждала чувства, которое никогда раньше не покидало ее там, где Болиты жили тысячи лет. Ей так нужны были голубые бабочки, овечьё бляение и огромное бездонное небо над головой.

Дома, когда ей было грустно, она поднималась к остаткам пастушьего вагончика, чтобы посидеть там немного. Это всегда помогало.

Но сейчас они были так далеко. Слишком далеко. Ее заполняло тяжелое безжизненное чувство и ей некому было его отдать. Все шло не так, как должно было идти.

Где же *магия*? О, она понимала, что сначала надо научиться основам, повседневному *ремеслу*, но когда же начнется магия? Она училась, она старалась и стала... хорошей работницей, надежной и умелой с зельями. Заслуживающей доверия, как и мисс Левел.

Но Тиффани ожидала – чего? Ну... что она будет заниматься серьезными ведьминскими делами. Ну там, знаете – метлы, магия... Охранять мир от происков злобных сил благородным, но в то же время скромным образом. И после всего этого, *также* помогать беднякам, потому что она *хорошая девочка*. И люди, которых она себе представляла, были не такими грязными и больными, и дети у них были не такими сопливыми. И в ее представлениях не было *места* для летающих обрезков ногтей мистера Ткачика. Некоторые из этих обрезков даже возвращались, как бумеранг.

Ее *тошило* в полете. Каждый *раз*. Она даже запутку не научилась делать. И ей придется всю свою жизнь ухаживать за людьми, которые, честно говоря, могли бы иногда и сами для себя что-нибудь сделать. И никакой магии, никаких полетов, никаких тайн... только обрезки ногтей и детский понос.

Тиффани была частью Мела. Каждый день говорила она холмам, что они есть такое. Каждый день холмы говорили ей, кто она есть. Но сейчас

она не могла их услышать.

Пошел сильный дождь и до Тиффани донесся отдаленный раскат грома.

Что бы сделала бабушка Болит? Даже стиснутая крыльями отчаяния, она знала ответ.

Бабушка Болит никогда не сдавалась. Она могла искать потерявшегося ягненка всю ночь.

Тиффани еще немного полежала, глядя в пространство, затем зажгла свечу и спустила ноги на пол. Этого нельзя было оставлять на утро.

Она иногда применяла маленькую хитрость, чтобы разглядеть шляпу. Если быстро махнуть рукой позади шляпы, то на мгновение можно заметить легкую размытость, как будто свету понадобилось чуть больше времени, чтобы пройти через невидимую шляпу.

Шляпа должна быть здесь...

Чтобы проверить, света от свечи будет достаточно. Если шляпа на месте, то все будет хорошо, и неважно, что думают все остальные...

В небе над горами плясали молнии. Тиффани встала в центре коврика и закрыла глаза.

В саду ветер хлестал ветви яблонь. Ловушки снов и ловушки проклятий сталкивались друг с другом и бренчали...

– Увидь себя.

Мир затих, стал полностью беззвучным. Раньше такого не было. Но Тиффани на цыпочках обошла вокруг себя и открыла глаза...

Вот она, стоит прямо перед собой и шляпу прекрасно видно, как и всегда...

Ее образ, стоящий перед ней, девочка в зеленом платье, открыла глаза, улыбнулась и сказала:

– Мы видим тебя. Теперь мы – это ты.

Тиффани попыталась крикнуть:

– Не видь!

Но у нее не было рта, чтобы закричать...

Где-то совсем рядом ударила молния. Окно распахнулось. Свеча ярко вспыхнула и погасла.

Остались темнота и шум дождя.

Глава шестая

Роитель

Над Мелом гремело.

Дженни осторожно развернула сверток, что дала ей мать в тот день, когда Дженни покинула курган у Долгого Озера. Это был традиционный подарок, который дарили молодой кельде, покидающий родной дом, чтобы никогда больше не возвращаться. Кельдам дорога домой была заказана. Они сами были домом.

В подарок они получали воспоминания.

В сумке лежали: треугольный кусок крашеной овечьей кожи, три деревянных кольшка, кусок веревки, сплетенной из стеблей крапивы, крошечная кожанная фляга и молток.

Дженни знала, что надо делать, потому что часто наблюдала за матерью. Забить молотком кольшки вокруг тлеющего костровища, привязать веревкой углы кожанного треугольника к кольшкам так, чтобы он провисал посередине, позволяя налить в него воды из крошечного ведрышка. Воду Дженни собственоручно набрала в глубоком колодце.

Она опустилась на колени и смотрела как вода начала медленно сочиться сквозь кожу, а затем раздула огонь.

Дженни чувствовала, что глаза всех фигов, столпившихся на темных галереях по стенам кургана, были прикованы к ней. Никто из них не подойдет, пока в котле греется вода. Они скорее ногу себе отрежут. Это было *чистое* кельдование.

Кожанный треугольник служил котлом в те времена, когда люди еще не научились обрабатывать медь и железо. Это казалось магией и так и должно было быть. Только тот, кто знал в чем хитрость, понимал, что вода должна выкипеть досуха, прежде чем кожа сможет воспламениться.

Когда вода закипела, она потушила огонь и вылила в котел содержимое маленькой кожанной фляги, в которой была вода из котла ее матери. Так оно повелось с самых незапамятных времен, мать отливала немного воды из своего котла для дочери.

Дженни дала котлу немного остыть, зачерпнула чашку воды и выпила. С темных галерей донесся вздох.

Затем она легла на спину и в ожидании закрыла глаза. Ничего не происходило, если не считать того, что грянул гром и молния окрасила мир

в черно-белый цвет.

И затем прошлое настигло ее, так мягко и вкрадчиво, что она не сразу осознала происходящее. Внезапно ее окружили кельды прошлых лет, начиная с ее матери, ее бабушек, их матерей... кельды из глубины веков, кого уже никто не помнил... Единая память, на время ставшая общим достоянием, местами истертая и трудноразличимая, древняя, как сами горы.

Всем фиглам было известно об этом, но лишь кельда знала, что река памяти была на самом деле не рекой, а морем.

Кельды, которые еще не родились, вспомнят об этом однажды. В ночь, которая еще не настала, они лягут возле своих котлов и станут на несколько минут частью бесконечного, вечного моря. И слушая еще неродившихся кельд, вспоминающих свое прошлое, они узнают будущее...

Но чтобы услышать их слабые голоса, нужен опыт, а у Дженни его не было совсем. Но *что-то* она все же слышала.

Когда молния снова превратила мир в черно-белую картину, Дженни резко села.

– Роитель нашел ее, – прошептала она. – Ох, бедна дивчинка...

Когда Тиффани проснулась, дождь промочил коврик насквозь. Тусклый дневной свет просачивался в комнату.

Она встала и закрыла окно. Несколько листьев залетело в комнату.

Та-ак.

Ей это не приснилось. Она была уверена. Что-то... странное случилось. Кончики пальцев покалывало. Она чувствовала себя... изменившейся. Но, тут она прислушалась к себе, не в плохую сторону. Нет. Прошлой ночью она чувствовала себя ужасно, а сейчас, в *данный момент* она чувствовала себя... полной жизни.

По правде сказать, она чувствовала себя счастливой. Теперь она сама позаботится о себе. Она будет сама управлять *своею* жизнью. Честолюбие проснулось и разыграло.

Зеленое платье все помялось и стирать его пора было... Она достала из комода свое старое голубое, но почему-то оно показалось ей неподходящим. Ей придется обходиться зеленым, пока она не сможет найти другое.

Тиффани взялась за ботинки и замерла, глядя на них.

Они тоже были ни то ни сё. Она достала из чемодана новые сияющие ботинки и надела их.

Тиффани нашла обе половины мисс Левел в мокром саду, где они в

одних ночных сорочках грустно собирали остатки ловушек снов и упавшие яблоки. Буря разбила даже кое-какие садовые украшения, но, к несчастью, не коснулась безумно ухмыляющихся гномов.

Мисс Левел откинула волосы с одной пары глаз и сказала:

– Очень, очень странно. Все ловушки проклятий взорвались. Даже камни скуки разрядились! Ты ничего не заметила?

– Нет, мисс Левел, – тихо ответила Тиффани.

– И все старые запутки в мастерской распались на части! Нет, я знаю, что они не более чем украшения, и силы в них почти не осталось, но определенно, произошло что-то по настоящему *странное*.

Обе мисс Левел кинули на Тиффани взгляд, который они считали очень коварным и проницательным, но который, в действительности, придавал ей несколько нездоровый вид.

– Мне кажется, что буря была чуточку магической. Я надеюсь, вы, девочки, ничем таким... странным не занимались вчера ночью? – спросила она.

– Нет, мисс Левел. По-моему, они занимались глупостями.

– Потому что, видишь, ли, кажется Освальд исчез, – продолжала мисс Левел. – Он очень чувствителен к атмосфере...

Тиффани потребовалась секунда, чтобы понять о чем говорит мисс Левел и она воскликнула:

– Но он всегда был здесь!

– Да, сколько я могу припомнить! – сказала мисс Левел.

– Вы пробовали положить ложку к ножам?

– Да, конечно же! Даже не звякнула!

– Уронить огрызок яблока? Он всегда...

– Я так первым делом и сделала!

– А если попробовать фокус с солью и сахаром?

Мисс Левел помедлила.

– Ну... не знаю... – Она встrepенулась. – Ему так нравится этот фокус, что он просто обязан *появиться*, как думаешь?

Тиффани нашла мешок с солью и мешок с сахаром, высыпала их в миску и перемешала.

Они обнаружили, что это был идеальный способ отвлечь Освальда от кухни, пока они готовили. Иногда переборка сахара и соли могла занять все счастливое утро. Но сейчас смесь просто лежала в миске и Освальд ничем не выдавал своего присутствия.

– Ох... Я осмотрю дом, – предложила мисс Левел, словно это был хороший способ найти кого-то невидимого. – А ты пойдй займись козами,

хорошо, дорогуша? Нам придется вспомнить, как убираться самим!

Тиффани выпустила коз из загона. Обычно Черная Мэк сразу же выходила и вставала на доильном помосте, выжидая глядя на нее, будто говоря: «А я придумала *новый фокус*».

Но сегодня все было не так. Когда Тиффани заглянула в загон, козы сгрудились в дальнем конце. Она подошла к ним и козы запаниковали, их ноздри трепетали и они разбегались в стороны, но ей удалось поймать Черную Мэг за ошейник. Коза выворачивалась и сопротивлялась, пока Тиффани поддаскивала ее к помосту. Мэг залезла на помост лишь потому, что не рискнула оторвать себе голову. Там она и стояла, бляя и фыркая.

Тиффани уставилась на козу. Она чувствовала, что у нее просто руки чешутся. Ей хотелось... что-нибудь сделать, взобраться на высокую гору, броситься в небо, обежать вокруг мира. И она думала: «Как *глупо*, что я начинаю каждый свой день, состязаясь в остроумии с *животным!*»

Придется показать, кто тут главный...

Она взяла в руки метлу, которой подметали доильную комнату. Щелочки-глазки Мэг в страхе расширились и «*Трах!*» – ударила метла.

Метла попала по деревянному помосту. Тиффани не ожидала, что так промахнется. Она намеревалась от души врезать Мэг, чего та давно заслужила, но каким-то образом палка вывернулась у нее из рук. Тиффани снова подняла метлу, но выражение ее глаз и удар по дереву уже достигли цели. Мэг струсила.

– Поиграли и хватит! – выдохнула Тиффани, опуская метлу.

Коза стояла как вкопанная. Тиффани подоила ее, отнесла ведро в молочную, взвесила удой, записала цифры на грифельной доске, висящей на двери, и вылила молоко в большой чан.

Обычно остальные козы тоже были непослушными, как Мэг, но стадо обучалось быстро.

Всего получилось три галлона молока^{1}, плачевный результат для десятка коз. Тиффани без воодушевления занесла цифры на доску и уставилась на них, вертя в пальцах мел. Какой во всем этом смысл? Еще вчера ее распирала планы о новых сортах сыров, но сегодня все, связанное с сырами, казалось ей невероятно *нудным*.

Что она здесь делает, занимаясь нудными домашними делами и помогая людям, слишком глупым, чтобы самим позаботиться о себе? Да она могла бы делать... *все, что угодно!* Тиффани кинула взгляд на выскобленный стол.

Кто-то сделал надпись мелом на столешнице. И она все еще держала в руках мел...

Помогите!

– Дорогуша, тут к тебе Петулия пришла, – сказала мисс Левел, появляясь за ее спиной.

Тиффани быстро переставила ведро на надпись и виновато повернулась.

– Что? – спросила она. – Почему?

– Думаю, чтобы проведать тебя, – ответила мисс Левел, внимательно глядя на Тиффани.

На пороге, сильно нервничая и сжимая в руках остроконечную шляпу, стояла коренастая девочка.

– Ммм, я только хотела проведать тебя, ммм... – забормотала она, глядя Тиффани прямо в ботинки. – Ммм, я думаю, что никто не хотел тебя обидеть...

– Ты не слишком-то умная и слишком толстая, – сказала Тиффани. Она взглядела в розовощекое лицо Петулии и ей хватило одной секунды, чтобы *узнать* о ней все. – У тебя все еще есть плюшевый мишка и *помогите* ты веришь в фей.

Тиффани с силой захлопнула за собой дверь в молочную и уставилась на чаны с молоком, словно видела их в первый раз в жизни.

У нее получается хороший Сыр. Вот что они говорят, когда вспоминают о ней, Тиффани Болит: коричневые волосы и умеет делать хороший Сыр. Но в данную минуту молочная казалась ей непривычной и чуждой.

Она стиснула зубы. У нее получается хороший Сыр. Это именно то, что она хотела делать всю свою жизнь? Из всех возможностей, открывающихся перед человеком, она выбрала возможность прославиться своей сноровкой со скисшим молоком? Неужели ей хочется провести всю свою жизнь, отskalбивая плиты, отмывая ведра, тарелки и... и... и вон ту странную штуковину из проволоки, вон там...

...сырорезку

...вон ту сырорезку? Хочет ли она всю свою жизнь...

Минутку...

– Кто здесь? – спросила Тиффани. – Кто сейчас сказал «сырорезка»?

Она пристально оглядела комнату, как будто за связками сухой травы мог кто-нибудь прятаться. Это не мог быть Освальд. Он ушел и, в любом случае, он никогда не разговаривал.

Тиффани схватила ведро, плюнула на руку и стерла надпись...

...попыталась стереть, но ее рука вцепилась в край стола и крепко держалась за него, как бы она не тянула ее. Тиффани махнула левой рукой,

умудрившись попасть по ведру с молоком, которое залило надпись... и ее правая рука внезапно освободилась.

Дверь резко распахнулась и в молочную вошли обе мисс Левел. Когда она вставала вот так, бок о бок с самой собой, это означало, что она собиралась сказать что-то важное.

– Я должна сказать тебе, Тиффани, что...

...ты отвратительно обошлась с Петулией...

...и она ушла вся в слезах.

Мисс Левел взгляделась в лицо Тиффани.

– Как ты себя чувствуешь?

Тиффани пожала плечами:

– Эээ... хорошо. Только немного странно. Я слышала голоса, но сейчас они пропали.

Мисс Левел оглядела ее, склонив обе головы набок, одну на левую, а другую на правую стороны.

– Ну, если ты уверена... Я пойду переоденусь. Нам надо поторопиться. Так много дел на сегодня.

– Много дел, – слабо повторила за ней Тиффани.

– Полно. Тут и нога Слэпвика, и заболевший ребенок миссис Гримли, и я уже неделю не навещала Сюрлея Зада. И, что там еще? Мистер Зуек опять похватил гнусь, а еще мне нужно перекинуться словом с госпожой Крут... Затем обед для мистера Ткачика, я приготовлю его дома и захвачу с собой, и, конечно, миссис Фанлайт уже на сносях, и... – мисс Левел вздохнула, – мисс Хаблоу тоже, *опять*... Весь день занят. Не знаю, как мы все успеем.

Тиффани думала про себя: «Ты, глупая женщина, стоишь тут и переживаешь, что не успеешь сделать все, что от тебя требуют! Ты думаешь, что сможешь дать им *столько*, сколько они хотят? Этим жадным, ленивым и глупым людишкам, которые всегда что-то *хотят*! Ребенок миссис Гримли? У нее одиннадцать детей! Если одного не станет, кто этого заметит?

Мистер Ткачик уже одной ногой в могиле! Только никак не сделает шаг! Ты думаешь, что они выражают свою благодарность, а на самом деле, они лишь стараются, чтобы ты опять пришла к ним! Это не благодарность, это страховка!»

Какая-то ее часть ужаснулась этим мыслям, но они уже пылали у нее в голове, горя желанием вырваться на волю словами.

– Надо вытереть молоко, – пробормотала Тиффани.

– О, я могу вытереть, пока нас не будет, – жизнерадостно ответила

мисс Левел. – Ну давай, улыбнись! У нас только дел!

Дел *всегда* полно, брюзжала про себя Тиффани, плетясь следом за мисс Левел к первой деревне. Куча всяких дел. И ничто не изменится. *Требованиям* нет конца.

Они переходили от одного неопрятного, вонючего домика к другому, помогая тем, у кого не хватало ума даже на то, чтобы пользоваться мылом, пили чай из щербатых чашек и сплетничали со старухами, у которых зубов было меньше, чем пальцев на руках. Ее начало мутить.

День был солнечным, но чем дальше они уходили от дома, тем темнее становилось вокруг. Она чувствовала себя так, словно в голове у нее собиралась гроза.

Затем начались видения. Тиффани помогала наложить шину какому-то глупому ребенку, сломавшему руку, как вдруг заметила свое отражение в оконном стекле.

Она была тигром с огромными клыками.

Тиффани завопила и вскочила на ноги.

– Осторожнее, – сказала мисс Левел и затем увидела ее лицо. – В чем дело?

– Я... Я... Что-то меня укусило! – солгала Тиффани. В этих краях укус был беспроегрешным вариантом. Мухи кусали крыс и крысы кусали детей.

Голова шла кругом, но Тиффани удалось выбраться на улицу. Через несколько минут вышла мисс Левел и увидела, что Тиффани стоит, прислонившись к стене, и дрожит.

– Ты *ужасно* выглядишь, – сказала мисс Левел.

– Папоротники! – ответила Тиффани. – Повсюду! Огромные папоротники! И огромные зверюги, как коровы, только из ящериц! – Она улыбнулась мисс Левел широкой, безрадостной улыбкой. Мисс Левел попятилась.

– Их можно съесть! – Тиффани моргнула. – Что случилось? – прошептала она.

– Я не знаю, но я лечу сюда, чтобы забрать тебя, – ответила мисс Левел. – Я уже на метле!

– Они смеялись надо мной, когда я сказал, что поймаю одного. И кто из нас сейчас смеется, а?

Тревога на лице мисс Левел перешла в панику.

– Это не твой голос. Он похож на мужской! Как ты себя *чувствуешь*?

– Чувствую... многолюдной, – пробормотала Тиффани.

– Многолюдной? – переспросила мисс Левел.

– Странные... воспоминания... помогите...

Тиффани взглянула на свою руку. Она была покрыта чешуей. Вот на ней появилась шерсть. А сейчас она стала гладкой и коричневой, и держала...

– Скорпионовый сэндвич?

– Ты меня слышишь? – откуда-то издали раздался голос мисс Левел.
– Ты бредишь. Вы с девочками не баловались зельями или чем-то в таком роде?

С неба упала метла и вторая половина мисс Левел кубарем скатилась с нее. Не говоря ни слова, обе мисс Левел подхватили Тиффани и усадили ее на метлу между собой.

Обратная дорога заняла совсем немного времени. Голова у Тиффани была набита горячей ватой и она почти не осознавала, что происходит. Однако ее тело об этом не догадывалось и Тиффани вырвало в полете.

Мисс Левел помогла ей слезть и усадила на скамейке перед входом.

– Посиди немножко, ладно? – сказала мисс Левел, которая, имея дело с непредвиденными обстоятельствами, обычно болтала без умолку и постоянно вставляла словечки вроде «ладно». – А я принесу тебе водички, ладно? А затем мы посмотрим, что случилось, ладно?

Наступила тишина, которую снова нарушил поток слов, вытекающий из дома вместе с мисс Левел.

– И я проверю кое-что, ладно? Вот, выпей, пожалуйста, ладно?

Тиффани пила воду, краем глаза наблюдая, как мисс Левел обвивала нить вокруг яйца. Она пыталась сделать запутку незаметно от Тиффани.

Странные образы проплывали перед внутренним взором Тиффани. Обрывки голосов, фрагменты воспоминаний... и слабый голосок. Ее собственный тихий, непокорный и теряющий силу голосок:

«Ты – это не я. Ты только считаешь себя мною! Кто-нибудь, помогите!»

– Ну а теперь, – сказала мисс Левел, – давайте посмотрим, что мы увидим...

Запутка даже не разлетелась на кусочки, она взорвалась с дымом и пламенем.

– Ох, Тиффани, – сказала мисс Левел, лихорадочно разгоняя дым. – С тобой все в порядке?

Тиффани медленно встала. Мисс Левел показалась, что она стала немного выше, чем ей помнилось.

– Думаю, что да, – ответила Тиффани. – Я думаю, что со мной все было не так, но *сейчас* я в полном порядке. Я лишь теряла время, мисс Левел.

– Что...? – начала мисс Левел.

Тиффани ткнула в нее пальцем.

– Я знаю, почему вы покинули цирк, мисс Левел. Из-за клоуна Флоппо, трюка с лестницей и... *взбитыми сливками*...

Мисс Левел побледнела.

– Как ты узнала об этом?

– Мне было достаточно взглянуть на вас! – ответила Тиффани, проталкиваясь мимо нее в молочную. – Смотрите, мисс Левел!

Она выставила палец. Деревянная ложка повисла в дюйме от поверхности стола. Затем она начала вращаться, все быстрее и быстрее, пока с треском не расколосась на щепки. Щепки разлетелись по всей комнате.

– И я еще *вот так* могу! – закричала Тиффани. Она схватила миску с творогом, вытряхнула его на стол и провела над ним рукой. Творог превратился в сыр.

– Вот как нужно делать сыр! – сказала она. – Только подумать, сколько лет я провела, возясь со скисшим молоком, как дура! А *настоящая* ведьма делает его вот так! Почему мы бродим в потемках, мисс Левел? Почему мы скачем вокруг вонючих стариковских ног с травами и повязками? Почему мы берем плату яйцами и твердыми, как камень, лепешками? Аннаграмма глупа, как насадка, но даже она видит, что это неправильно. Почему мы не *применяем* магию? Чего мы так *боимся*?

Мисс Левел попыталась улыбнуться:

– Тиффани, дорогая, мы все через это проходили, – ответила она дрогнувшим голосом. – Однако не так... яростно, как ты, должна признать. Понимаешь... это опасно.

– Так говорят детям, чтобы напугать их, – ответила Тиффани. – Мы рассказываем сказки, чтобы напугать себя, чтобы держать себя в страхе! Мы говорим – не ходи в дремучий лес *помогите*, там живут кикиморы. Но на самом деле это дремучий лес должен бояться *нас*! Я пойду прогуляюсь!

– Хорошая мысль, – слабо ответила мисс Левел. – Погуляй, пока не возьмешь себя в руки.

– Я не *обязана* делать все по вашему, – отрезала Тиффани, захлопывая за собой дверь.

Неподалеку к стене была прислонена метла мисс Левел. Тиффани остановилась и поглядела на нее. Голова у нее пылала. Однажды мисс Левел уговорила Тиффани совершить пробный полет. Тиффани сидела, вцепившись руками и ногами в ручку метлы, а обе мисс Левел бежали рядом, держа веревки и подбадривая ее возгласами. Они прекратили опыт,

когда Тиффани вырвало в четвертый раз.

Итак, сейчас или никогда.

Она схватила метлу, перекинула через нее ногу... и обнаружила, что не может оторвать другую ногу от земли, словно ее прибили гвоздями. Метла выворачивалась из-под нее, и как только ей удалось с трудом поднять ботинок, как она перевернулась и Тиффани повисла на метле вверх тормашками. Не самый лучший вид для величественного отбытия.

Тиффани тихо сказала:

– Я не собираюсь учиться летать на тебе, это ты будешь учиться возить меня. Или на следующий урок я принесу топор!

Метла перевернулась в правильное положение и плавно взмыла в воздух.

– Молодец, – сказала Тиффани.

Страх пропал. Земля, быстро уходящая вниз, совершенно ее не пугала. Если у земли не хватит здравого смысла держаться от нее подальше, то Тиффани ей так *надаёт*...

Когда метла скрылась, в саду, в густой траве послышался шепот.

– Ах, спозднилися мы, Роб. То Роитель был, вота хтось.

– Айе, но ты ее ногу зрил? Он еще ее не перемог – карга наша где-то тама! Она с ним борется! И он не переможет, пока останний шматочек не заберет! Вулли, хорош яблоки тырить!

– Дюже мне печально о том размовлять, Роб, но Роителя перемочь нельзя. Энто все равно, что с собой боротися. Чем больше сражаешься, тем больше он тя забирает. И когда он заберет тя всего...

– Чтоб тебе в пасть ежик написал, Велич Ян! Никогда того не станется...

– Кривенс! Велика карга идет!

Одна из половин мисс Левел вышла в разрушенный сад.

Она пристально глядела вслед исчезающей в небе метле и качала головой.

Вулли Валенок как раз торчал на открытом месте, держа на весу яблоко. Он кинулся бежать и ему удалось бы смыться, если бы он не врезался в глиняного садового гномика. Оглушенный Вулли отлетел от гномика и, шатаясь, пошел вперед, пытаясь сфокусироваться на толстой, круглолицей фигурке, возвышающейся перед ним. Он был слишком взбешен, чтобы обратить внимание на стук садовой калитки и тихие приближающиеся шаги.

Когда приходится выбирать между бегством и дракой, фишлы не раздумывают дважды. Они вообще не раздумывают.

– Чего вызрился, чувак? – прорычал он. – О, айе, думаешь, раз удочку заграбастал, так и верзилой стал?

Вулли ухватился за розовые остроконечные ушки и долбанул головой в то, что оказалось довольно твердым глиняным носом. Нос, тем не менее, разбился, ибо это единственный результат подобных действий, но у фигла в голове немного помутилось и он стал выписывать круги по лужайке.

Вулли слишком поздно заметил мисс Левел, бросившуюся к нему от калитки. Он кинулся было бежать и угодил прямо в руки *другой* мисс Левел.

Она смокнула пальцы над ним.

– Я ведьма, знаешь ли, – сказала она. – И если ты сию же минуту не прекратишь сопротивляться, я подвергну тебя самой ужасной пытке. Знаешь, какой?

Вулли Валенок в ужасе покачал головой. За долгие годы жонглирования пальцы мисс Левел приобрели стальную хватку. Спрятавшиеся в длинной траве фиглы прислушивались к разговору с напряженным вниманием.

Мисс Левел поднесла его немного поближе ко рту:

– Я отпущу тебя, *не дав* попробовать виски МакЖуть двадцатилетней выдержки, что хранится у меня в буфете.

Роб Всякограб выпрыгнул из травы.

– Ах ты, кривенс, госпожа, рази можно так организм изводить? – завопил он. – От и жорстока же ты карга... – Он запнулся. Мисс Левел улыбалась.

Роб Всякограб огляделся вокруг, швырнул меч на землю и сказал:

– Ах ты, *кривенс!*

Нак Мак Фиглы всегда с уважением относились к ведьмам, хоть и называли их каргами. Эта ведьма принесла им большую буханку хлеба и полную бутылку виски. Разве можно ее после такого не уважать?

– Конечно, я о вас *слыхала* и мисс Тик вас тоже упоминала. – Мисс Левел наблюдала за обедающими фиглами, что было зрелищем не из приятных. – Но я всегда считала вас мифом.

– Айе, пропасть, мы завсегда готовы им быть, коли хочешь, – ответил Роб Всякограб и рыгнул. – Уже то погано, что энти архи-оло-гисты хотят разрыть наши курганы, а тута еще энти фольклорны дамочки, со своими писанками.

– Так значит вы присматриваете за Тиффани на ферме, мистер Всякограб?

– Айе, доглядаем и награды не вымогаем, – твердо ответил Роб Всякограб.

– Айе, ну и там трохи яйки берем, да фрухты, да одежду старую, да... – начал Вулли Валенок.

Роб поглядел на него.

– Эээ... То время пришло, чтоб я держал свою пастю на замке? – спросил Вулли.

– Айе, пришло, – ответил Роб. Он снова повернулся к обеим мисс Левел. – Мабуть мы подбираем стары ненужны вечишки, что лежат...

– ...в запертых буфетах... – радостно добавил Вулли Валенок.

– ...Но то не пропажа, мы приглядаем за баранками взамен, – продолжил Роб, буравя взглядом своего брата.

– Баранками? Из теста? – спросила мисс Левел, впадая в состояние общего замешательства, в которое впадают почти все люди, беседующие с фиглами.

– Роб Всякограб про баранов речет, – сказал Ужасен Велик Билли. Гоннагли немного получше разбираются в словах.

– Ну я так и молвил – баранков. Ну да ладно... Айе, мы приглядаем за ее фермой. Она карга холмов наших, как ее бабуля, – с гордостью добавил он. – Это от нее холмы узнают, что они есть такое.

– А Роитель, это...?

Роб замялся:

– Не ведаю я истинно каргинского толкования о нем, – сказал он. – Ужасен Велик Билли, ты у нас долги слова ведаешь.

Билли сглотнул.

– Про то сказано в старых поэмах, госпожа. Роитель, он как... ум без тела, только он еще и не думает. Кое-кто молвит, что он ничто, окромя страха и что он никогда не умирает. И чего он зробляет... – Его крошечное личико сморщилось. – Это как те штучки, что у овечек бывают, – решил он.

Те фиглы, что уже закончили с едой и выпивкой, пришли к нему на помощь.

– Рога?

– Шерсть?

– Хвосты?

– Ноги?

– Стулья? – это был Вулли Валенок.

– Овечьи клещи, – глубокомысленно ответил Билли.

– Паразиты, ты хочешь сказать? – спросила мисс Левел.

– Айе, энто и есть то слово. Он проникает в тя, вишь ли. И шукает он

тех, кто силой и могучностью владеет. Короли там, волшебники или вожди. Сказывают, что в стары времена, еще когда людев *не было*, он в бестиях селился. Наисильнейших бестиях, вишь ли, с большими-пребольшими зубьями. И ежели он найдет тебя, то будет выжидать случая, чтоб те в бошку пролезть и *стать* тобой.

Фиглы затихли, глядя на мисс Левел.

– Стать тобой? – спросила та.

– Айе. С твой памятью и всем прочим. Только... он тя изменяет. Он дает тебе силу, но взамен поглощает тя, делает тя собой. И последняя твоя часть, что еще остается тобой... ну она будет бороться и бороться, мабудь, но она будет и убувати, пока и вовсе не зникает и ты останешься лишь воспоминанием...

Фиглы пристально смотрели на обе части мисс Левел. Никогда не знаешь, что карга в такой момент делать начнет.

– В прошлом волшебники призывали демонов, – сказала она. – Они и сейчас могут их призвать, но это теперь не в моде. Призыв требует много магии. И по моему, с демонами можно было разговаривать. И были какие-то правила.

– Никогда я не слыхивал, чтоб Роитель балакал, – ответил Билли. – Или правилам покорялся.

– Но зачем ему Тиффани? – спросила мисс Левел. – У нее нет никакой силы!

– Есть в ней сила земли ее, – уверенно сказал Роб Всякограб. – Та сила, что по нужде приходит, а не чтоб фокусы вытворять. Мы сами то зрили, госпожа!

– Но Тиффани не владеет *никакой* магией, – беспомощно сказала мисс Левел. – Она очень умна, но она даже запутку сделать не может. Вы, должно быть, ошибаетесь.

– Хлопцы, кто-нить *зрил*, как карга каргила в последне время? – спросил Роб Всякограб. Фиглы замотали головами, вызвав ливень бусин, перьев, жучков и прочих украшений.

– Вы шпионите... я хочу сказать, вы за ней все время приглядываете? – ужаснулась мисс Левел.

– Ох, айе, – беззаботно ответил Роб. – Не в уборной, конечно. И в спальне теперя труднее подглядывать, потому что она зачем-то законопатила все щелки.

– Представить себе не могу, с чего бы это, – осторожно сказала мисс Левел.

– Мы тоже, – ответил Роб. – Мы скумекали, это из-за сквозянок.

– О, я полагаю, именно поэтому, – согласилась мисс Левел.

– Поэтому мы лезем в мышину нору и ховаемся в кукольной хатке, пока она не заснет, – продолжал Роб. – Неча на мя так пялиться, госпожа, все хлопцы истинны жентельмены и очи закрывают, когда она в ночнушку переодевается. Затем один стережет окно, а другой дверь.

– От чего стережет?

– От всего.

На мгновение пред глазами мисс Левел как наяву предстала спящая девочка в тихой, залитой лунным светом спальне. Около окна стояла на страже маленькая фигурка, освещенная луной, а вторая скрывалась в тенях у двери. От чего же они стерегли ее?

От всего... А сейчас ее захватило *что-то* и заточило в ней самой. Но она не умела колдовать! Я бы поняла, будь на ее месте кто-то из этих девочек, что встречаются в лесу, но... Тиффани?

Один из фигов медленно поднял руку.

– Да? – спросила она.

– Это я, госпожа, Велич Ян. Не ведомо мне, истинно ли то каргование, – нервно сказал он. – Но видали мы с Почти Велик Ангюсом, как она вела ся очень странно, да, Почти Велик Ангюс? – Стоящий рядом с ним фигл кивнул и Ян продолжил дальше: – То было, когда ей ново платье и шляпу дали...

– Дюже миленька она в них была, – вставил Почти Велик Ангюс.

– Айе, точно. Так вот она их надегла и посреде комнаты встала и – что она рекла, Почти Велик Ангюс?

– Увидь себя, – подсказал Почти велик Ангюс.

Мисс Левел поглядела с недоумением. Велик Ян, продолжал рассказывать, с немного виноватым видом, что он вылез с таким пустяком: – А затем мы услышали, как голос ее молвил: «Не видь себя», и она подвигла шляпку набекрень, мабуть чтоб покрасивше было.

– А, вы говорите о том, что она поглядела на себя в то, что мы называем *зеркалом*, – сказала мисс Левел. – Это что-то вроде...

– Ведомо нам, что сие есть, госпожа, – ответил Почти Велик Ангюс. – Есть у нее зеркало, малюсенько, замызганно и в трещинах. Не годится оно, чтоб себя в нем разглядать.

– Удобна штука для покражи, зеркала, – заметил Роб Всякоргаб. – Мы для нашей Дженни сперли серебряно, в рамочке с камушками.

– И она сказала «Увидь себя»? – спросила мисс Левел.

– Айе, и опосля «Не видь себя», – ответил Велич Ян. – И до того, стояла она недвижима, как статуэтка.

– Похоже, что она пыталась изобрести что-то вроде заклинания невидимости, – размышляла вслух мисс Левел. – Конечно же, они совсем не такие.

– По нашему размышлению, пыталась она свой голос зашвырнуть, – добавил Почти Велик Ангюс. – Будто он вдалеке голосит, ясно? Велик Иан такой фокус учудает, когда мы охотимся.

– Швырнуть свой голос? – переспросила мисс Левел, хмуря брови. – С чего вы это взяли?

– Да потому, что когда она молвила «Не видь себя», то слова раздались не из нее и губы у нее не двигались.

Мисс Левел уставилась на фигов. Затем она заговорила немного странным голосом.

– Скажите мне, когда она стояла там, она вообще двигалась?

– Нет, только очень медленно вздыхала, госпожа. – ответил Велич Ян.

– С закрытыми глазами?

– Айе!

Мисс Левел учащенно задыхалась.

– Она вышла из своего тела! Такое под силу...

– ...лишь одной ведьме из сотни и то не из каждой! – сказала она. – Это Заимствование, с ним ни один цирковой трюк не сравнится! Это значит, что ты переносишь...

– ...свое сознание наружу из своего тела! Ты должен...

– ...научиться как защищать себя, прежде чем пытаться это сделать! И она изобрела его лишь потому, что у нее не было зеркала! Глупышка, почему же она...

– ...никому об этом не *рассказала*? Она вышла из своего тела и оставила его без охраны так, что любой мог забрать его! Интересно...

– ...она вообще понимала, что она...

– ...делает?

После паузы Роб Всякограб вежливо кашлянул.

– Мы боле сведущи как отлупить, выпить да скрасть, – пробормотал он. – В карговании мы не шибко петрим...

Глава седьмая

Проишествие с Брайаном

Нечто, называющее себя Тиффани, летело над вершинами деревьев. Оно считало себя Тиффани. Оно помнило все – почти все – о жизни Тиффани. Оно выглядело как Тиффани. Оно даже думало примерно так, как Тиффани. У него было все необходимое, чтобы быть Тиффани...

... за исключением самой Тиффани. За исключением крошечной частички, которая была...

...мною

Оно смотрело ее глазами, слушало ее ушами и думало ее мозгом.

Роитель овладевает жертвой не с помощью насилия, он просто проникает в жертву, подобно слону-отшельнику^[7]. Он поглощает тебя, пока не заполнит собой все пространство, не оставив просвета...

Вот только...

...у него были неприятности. Слово темный поток, заполнял Роитель Тиффани, но было одно место, непроницаемое и запечатанное, куда он не мог попасть. Если бы у него были мозги, как у дерева, он бы озадачился.

Если бы у него были мозги человека, ему бы стало страшно.

Тиффани приземлилась в саду миссис Иервиг. И правда, чего такого сложного – летать, думала она. Нужно лишь захотеть полететь. Тут ее снова замутило и чуть не вырвало, но поскольку ее дважды рвало в воздухе, желудок был пуст. Какая нелепость! Она больше не испытывала страха перед полетом, но ее глупый желудок – боялся.

Тиффани тщательно вытерла рот и огляделась.

Она стояла на газоне. Тиффани была наслышана о них, но вживую никогда не видела. Вокруг домика мисс Левел тоже росла трава, но это была обычная трава, какая растет на полях. Обычно на земле вокруг домов выращивали овощи, ну и если хозяйка настаивала, сажали немного цветов. Газон означал шик, означал, что хозяева могут себе позволить не отводить всю ценную землю под картошку.

На этом газоне были даже полоски.

Тиффани обернулась к метле и приказала: «Стоять!». Затем она прошагала по газону к дому. Дом был побогаче, чем дом мисс Левел, но и миссис Иервиг, как Тиффани слышала, была ведьмой рангом повыше. Она

также была замужем за волшебником, который, однако, больше не занимался волшебством. Забавно, как сказала однажды мисс Левел – не часто попадаются волшебники без денег.

Она постучала и подождала.

На крыльце висела ловушка проклятий. Казалось бы, зачем они ведьмам, но Тиффани предположила, что ее повесили как украшение. К стене была прислонена метла, а на двери сияла пятиконечная серебряная звезда. Миссис Иервиг себя *рекламировала*.

Тиффани снова постучала в дверь, сильнее.

Дверь тут же открыла высокая, худощавая женщина, одетая в черное. Но этот черный был декоративно богатым, очень насыщенным, отделанным кружевами и оборками и его оттеняли серебряные украшения. Их было очень много и о существовании некоторых украшений Тиффани раньше и не подозревала. Например, женщина носила на пальцах не только кольца, но и что-то вроде напалечников, сделанных в виде когтей. Она мерцала, как ночное небо.

И на ней была остроконечная шляпа, а мисс Левел никогда не носила шляпу дома. Эта шляпа была выше всех шляп, что когда-либо видела Тиффани. Она была украшена звездами и сверкающими серебряными булавками.

Все вместе должно было производить немалое впечатление. Но не производило. Отчасти потому, что уж слишком много *всего* было, но в основном, проблема была в самой миссис Иервиг.

У нее было удлиненное, резко очерченное лицо и она всегда выглядела так, будто собиралась пожаловаться на соседского кота, надувшего на ее газон. Прежде чем заговорить, она с подчеркнутым вниманием оглядела дверь, словно отыскивая на ней следы от ботинок.

– Ну? – спросила она надменным тоном, вернее тоном, который она считала надменным. Прозвучало это несколько странно.

– Мир этому дому, – ответила Тиффани.

– Что? О, да. Пусть благоприятные руны оссияют нашу встречу, – торопливо проговорила миссис Иервиг. – Ну?

– Я пришла к Аннаграмме, – сказала Тиффани.

Сияния вокруг и правда было с избытком.

– А, ты одна из ее девочек? – спросила миссис Иервиг.

– Не... совсем, – ответила Тиффани. – Я работаю у мисс Левел.

– А, у *нее*, – сказала мисс Иервиг, оглядывая Тиффани с ног до головы. – Знаешь, зеленый цвет очень опасен. Как тебя зовут, детка?

– Тиффани.

– Хмм, – совершенно неодобрительно проговорила миссис Иервиг. – Ладно, заходи. – Она поглядела наверх и *цыкнула*. – Ох, ну вы только посмотрите на запутку! Я купила ее на ярмарке в Ломте. Она мне недешево обошлась!

Ловушка проклятий была изорвана в клочья.

– Это не ты сделала, а? – строго спросила миссис Иервиг.

– Она висит слишком высоко, миссис Иервиг, – ответила Тиффани.

– Надо произносить – Ае-виг, – холодно поправила ее миссис Иервиг.

– Простите, миссис Ае-виг.

– Входи.

Дом был странным. Сразу было понятно, что здесь живет ведьма и не только потому, что в каждой дверном проеме была сверху прорезь для остроконечной шляпы миссис Иервиг. У мисс Левел на стенах не было ничего, кроме цирковых плакатов, но у миссис Иервиг повсюду висели настоящие большие картины – и картины с колдовским сюжетом. На них были изображены месяцы, откровенно полуодетые девицы и огромные мужчины с рогами и... ох, и не только с рогами. На плитках пола были нарисованы солнце и луна, а на высоком синем потолке комнаты, куда привели Тиффани, – звезды. Миссис Иервиг (произносится *Ае-виг*) указала на кресло с ножками в виде грифонов и подушками полумесяцем.

– Посиди здесь. Я скажу Аннаграмме, что ты пришла. И будь добра, не пинай ножки кресла.

Она вышла в другую дверь.

Тиффани огляделась вокруг -

Роитель огляделся вокруг -

– и подумала: «Я должна стать самой сильной. Если я буду сильнее всех, мне будет нечего бояться. Эта ведьма – слабая. Она думает, что магию можно купить».

– О, это и правда ты, – раздался резкий голос позади нее. – Девочка-молочница.

Тиффани встала.

Кого только ни захватывал роитель, много разных существ, и в том числе несколько волшебников, потому что волшебники тоже вечно ищут могущества и, бывает, что находят. Иногда в их магические круги-ловушки попадает не только демон, который оказался настолько глуп, что позволил одурачить себя угрозами и загадками, а роитель – безмозглый настолько, что его и вовсе нельзя одурачить. И роитель помнил...

Аннаграмма пила молоко. Стоило вам хоть раз встретиться с миссис Иервиг, как вы начинали больше понимать Аннаграмму. Аннаграмма

смотрела на мир так, словно она проверяла его, составляя список предложений для улучшения.

– Привет, – сказала Тиффани.

– Ты пришла попросить у меня позволения присоединиться к нам после всего случившегося? Думаю, ты будешь забавной.

– Вообще-то нет. Но я могу позволить тебе присоединиться ко мне. – ответила Тиффани. – Вкусное молоко?

Стакан молока превратился в пучок травы и чертополоха. Аннаграмма быстро отшвырнула его. Коснувшись пола, он снова стал стаканом с молоком и разбился.

Тиффани показала на потолок. Нарисованные звезды вспыхнули и осветили комнату. Но Аннаграмма не сводила глаз с разлитого молока.

– Знаешь, говорят, что сила может прийти? – сказала Тиффани, обходя вокруг нее. – Так вот, она пришла ко мне. Хочешь быть моей подругой? Или ты хочешь стоять... у меня на пути? На твоём месте я бы вытерла молоко.

Тиффани сконцентрировалась. Она не знала, откуда в ней это взялось, но, казалось, оно отлично знает, что надо делать.

Аннаграмма взмыла на несколько дюймов над полом. Она сопротивлялась и пыталась бежать, но это привело лишь к тому, что она закувыркалась. К жестокому удовлетворению Тиффани, девушка начала плакать.

– Ты говорила, что мы должны искать силу, – продолжала Тиффани, обходя вокруг пытающейся освободиться Аннаграммы. – Ты говорила, что раз у тебя есть дар, то люди должны знать об этом. У тебя есть голова на плечах. – Тиффани немного нагнулась, чтобы заглянуть ей в глаза. – Представляешь ужас, если ее там не станет?

Она махнула рукой, и ее пленница опустилась на пол. Но Аннаграмма, хотя и производила неприятное впечатление, трусихой не была. И она встала, подняв руку и раскрыв рот для вопля...

– Осторожно, – сказала Тиффани. – Я могу это повторить.

Глупой Аннаграмма также не была. Она опустила руку и пожалала плечами.

– Что же, тебе повезло, – неохотно признала она.

– Однако мне все еще нужна помощь, – ответила Тиффани.

– С чего бы тебе была нужна моя помощь? – угрюмо спросила Аннаграмма.

«Нам нужны союзники, – думал Роитель мозгом Тиффани. – Они будут защищать нас. А в случае нужды мы сможем пожертвовать ими. Все хотят дружить с теми, кто обладает силой. Вот эта тоже любит

могущество...»

– Для начала, – сказала Тиффани, – где я могу купить такое же платье, как у тебя?

Глаза Аннаграммы загорелись.

– О, тебе нужен ЗакЗак Сильнорук, что живет в Безтеньках, – ответила она. – У него в продаже есть *все*, необходимое для современной ведьмы.

– Я и хочу все, – сказала Тиффани.

– Но за все надо платить, – продолжала Аннаграмма, – он дварф. Они умеют отличать настоящее золото от иллюзорного. Каждый норовит проделать с ним этот фокус. Он только смеется. Но если ты попробуешь повторить, он пожалуется твоей наставнице.

– Мисс Тик говорит, что у ведьмы всегда должно быть с собой достаточно денег, – сказала Тиффани.

– Это правильно, – ответила Аннаграмма. – Достаточно, чтобы она могла купить все, что пожелает! Как говорит миссис Йервиг, то что мы ведьмы, совершенно не означает, что мы обязаны жить, как обычные крестьяне. Но мисс Левел очень несовременна, верно? Может, у нее вообще денег нет.

И Тиффани сказала:

– Я знаю, где я могу взять деньги. Встретимся здесь в полдень *пожалуйста, помогите* Покажешь, где находится лавка.

– Что это было? – резко спросила Аннаграмма.

– Я только сказала, что *остановите меня!* мы встретимся здесь... – начала Тиффани.

– Вот опять! Что-то вроде... странного отголоска, – сказала Аннаграмма. – Слово два человека пытаются говорить одновременно.

– Ах, это, – ответил роитель. – Это скоро пройдет.

Ум был интересным, и роитель с удовольствием пользовался им, но в нем по-прежнему оставалось одно место, маленькое, недоступное для него место. Это раздражало роителя, словно зуд, который никак не проходил...

Он не думал. Разум роителя – это остатки всех тех сознаний, в которых он когда-то обитал. Они были чем-то вроде эха, звучащего после того, как музыка смолкла. Но даже эхо, перекликаясь с другим эхом, могут произвести новое созвучие.

Сейчас же эти отголоски пронзительно звенели. Они требовали: «Приспособляйся. Мы не достаточно сильны, чтобы обзаводиться врагами. Надо завести друзей...»

В темной лавке ЗакЗака с низкими сводами было на что потратить деньги. ЗакЗак действительно был дварфом, и, хотя магия их обычно не

привлекала, он явно знал, как показывать товар лицом – умение, присущее всякому дварфу.

Чего там только не было – волшебные палочки, в основном металлические, но попадались и сделанные из редких пород деревьев, некоторые палочки были украшены сверкающими кристаллами, что, конечно же, весьма повышало их стоимость. В отделе «зелений» стояли бутылочки из цветного стекла, как ни странно, чем меньше была бутылочка, тем больше она стоила.

– Это потому, что в них содержатся редкие ингредиенты, такие как слезы редких змей и тому подобное, – объяснила Аннаграмма.

– Я и не знала, что змеи плачут, – сказала Тиффани.

– Разве нет? А, значит вот почему они такие дорогие.

Там было полно и всякого другого товара. С потолка свисали запутки, красивее и заруганнее, чем виденные Тиффани. Они наверняка не работали, поскольку были уже полностью собраны. Но смотрелись они хорошо – а хороший вид значит многое.

А еще там были прозрачные шары, чтобы глядеть в них.

– Хрустальные шары, – пояснила Аннаграмма, когда Тиффани подобрала один. – Осторожно! Они очень дорогие! – и она указала на многозначительно помещенное среди сверкающих сфер объявление:

Приятно посмотреть
Приятно подержать
Если уроните
Вас разорвут на части дикие лошади

Тиффани взяла в руку самый большой шар и заметила, как ЗакЗак слегка выдвинулся из-за прилавка, готовый кинуться наперерез со счетом, если она вдруг уронит шар.

– Мисс Тик пользуется блюдцем с налитыми в него чернилами, – сказала она. – И она обычно занимает воду и выпрашивает чернила.

– О, это фундаменталисты, – сказала Аннаграмма. – Летиция – это миссис Иервиг – говорит, что они ужасно тормозят нас. Неужели мы и правда хотим, чтобы о ведьмах думали, что они всего лишь кучка полоумных старух, похожих на ворон? Это так... прянично-избушково! Мы должны быть профессионалами!

– Хммм, – сказала Тиффани, одной рукой подбрасывая шар в воздух и ловя его. – Люди должны бояться ведьм.

– Ну, э, конечно, они должны уважать нас, – сказала Аннаграмма. –

Ммм... Я бы на твоём месте была бы поосторожнее с ним...

– Почему? – спросила Тиффани, бросая шар за плечо.

– Это был наилучший горный хрусталь! – завопил ЗакЗак, выскакивая из-за прилавка.

– Ох, *Тиффани*, – возмущенно произнесла Аннаграмма, с трудом удерживаясь от смеха.

ЗакЗак пронесся мимо них прямо к рассыпанной по полу сотне драгоценных осколков шара...

...к не рассыпанной по полу сотне драгоценных осколков шара.

ЗакЗак и Аннаграмма повернулись к Тиффани.

Она вращала на кончике пальца хрустальный шар.

– Быстрота рук может ввести глаза в заблуждение, – сказала она.

– Но я слышал грохот! – воскликнул ЗакЗак.

– Может также ввести в заблуждение и уши, – ответила Тиффани, убирая шар обратно на полку. – Шар мне не нужен, *но...* – она указала пальцем, – я возьму вот это ожерелье и вон то, и еще то с кошками, и кольцо, и *этот* набор, и две штуки этого, нет, три, и... Что это такое?

– Ммм, это Книга Ночи, – нервно сказала Аннаграмма. – Это что-то вроде магического дневника. Ты записываешь в него то, над чем работаешь...

Тиффани взяла в руки книгу в кожанном переплете. В тяжеленную кожанную обложку был вделан глаз. Глаз повернулся, чтобы взглянуть на нее. Дневник был настоящим колдовским и он производил гораздо более сильное впечатление, чем постыдно дешевая старая книжонка, которую она купила у уличного торговца.

– Чей это глаз? – спросила Тиффани. – Это был кто-то известный?

– Эээ, дневники нам поставляют волшебники из Незримого Университета, – ответил все еще трясущийся ЗакЗак. – Это не настоящие глаза, но они достаточно сообразительны, чтобы вертеться, пока они не встретятся с другими глазами.

– Он только что моргнул, – сказала Тиффани.

– Очень умные ребята эти волшебники, – ответил дварф, который носом чуял поживу. – Вам завернуть?

– Да, – ответила Тиффани. – Заверните все. А сейчас, *слышит меня кто-нибудь?* покажите мне секцию с одеждой...

...где также продавались шляпы. Шляпа была важным модным дополнением костюма ведьмы, как, впрочем, костюмов и всех остальных людей. Стоило войти в моду шляпам с заломами, как через пару лет появлялись шляпы с такими искривленными верхушками, что они чуть ли

не в землю утыкались. Даже самые традиционные шляпы (Вертикальный Конус, черный цвет) различались по фасону: например, «Селянка» (с внутренними карманами, водонепроницаемая), «Заоблачник» (с низким коэффициентом сопротивления, для полетов на метле) и, очень существенно, «Безопасность» (гарантирует 80% выживания после падения фермерских домиков).

Тиффани выбрала один из самых высоких вертикальных конусов. Он был более чем в два фута высотой и украшен звездами.

– Ах, «Небоскреб». Он вам очень идет, – сказал ЗакЗак, суетливо выдвигая ящички. – Для тех ведьм, что далеко метят. Для тех, кто знает, что ему надо, и кого не волнует, сколько лягушек на это потребуется, хех. В связи с чем я хочу напомнить, что многие леди предпочитают к этой шляпе накидку. У нас есть «Полночь» – чистая шерсть, тончайший трикотаж, очень теплая, но... – тут он проникательно взглянул на Тиффани. – Только сейчас у нас есть *очень* ограниченное количество редчайшего товара – накидка «Зефирное Море», черная, как уголь, невесомая, как тень. Она совершенно не держит тепло и не предохраняет от сырости, но она просто *ошеломительно* выглядит даже в легчайшем дуновении ветерка. Смотрите сами...

Он взял накидку в руки и легконько подул. Накидка взлетела почти горизонтально, хлопая и трепыхаясь, как простыня в порывах урагана.

– О, да, – выдохнула Аннаграмма.

– Я беру ее, – сказала Тиффани. – Я надену ее на Ведьминские Пробы в субботу.

– Ну, коли вы победите, то постарайтесь, чтобы всем стало известно, у кого вы ее купили, – сказал ЗакЗак.

– *Когда* я выиграю, я расскажу всем, что получила за нее значительную скидку, – продолжала Тиффани.

– О, я не делаю скидок, – сказал ЗакЗак, настолько высокомерно, насколько это мог позволить себе дварф.

Тиффани поглядела на него, затем взяла одну из самых дорогих волшебных палочек с витрины. Палочка вся искрилась.

– Шестой Номер, – прошептала Аннаграмма. – У миссис Иервиг такая есть.

– Я смотрю, на ней написаны руны, – сказала Тиффани и что-то такое было в ее голосе, что ЗакЗак побледнел.

– Ну *конечно*, – вставила Аннаграмма. – Как же без рун.

– Это Оггам, – сказала Тиффани, очень неприятно улыбаясь Закзаку. – Древний дварфийский язык. Стоит ли мне перевести их? Они означают –

«О Какой Бездельник Этим Машет».

– Не смейте говорить со мной таким противным вкрадчивым тоном, барышня! – ответил дварф. – Кто ваша наставница? Знаю я вашу породу! Выучат одно заклинание и считают себя Госпожой Ветровоск! Я не потерплю такого поведения! *Брайан!*

Занвески из бус, отделяющие заднюю часть магазина, зашуршали и из-за них появился волшебник.

Сразу можно было понять, что перед вами волшебник. Они обычно не любят, когда люди теряются в догадках. Брайан был одет в длинный ниспадающий балахон, расшитый блестками, звездами и магическими символами. Если бы такой юнец, как он, смог отрастить бороду, то она тоже была бы длинной и ниспадающей. Однако, она была клочковатая, жиденькая и не очень чистая. Общее впечатление также портило то, что он курил сигарету, держал в руке кружку с чаем, а его лицо напоминало существ, обитающих под влажными бревнами.

Кружка была надколота и на ней была веселенькая надпись: «Чтобы Работать Здесь Знать Магию Необязательно Но Не Помешает!!!!!»

– Да? – спросил он и неодобрительно добавил: – У меня вообще-то перерыв на чай.

– Вот эта юная леди... нехорошо себя ведет, – сказал ЗакЗак. – Бросается магией. Огрызается и умничает. Обычные дела.

Брайан взглянул на Тиффани. Она улыбалась.

– Брайан учился в Незримом Университете, – с самодольной улыбкой добавил ЗакЗак. – Получил *степень*. Можно книгу написать о том, что ему неизвестно о магии! Брайан, этим леди надо показать, где выход.

– Так, леди, – нервно сказал Брайан, ставя кружку на стол. – Слушайте мистера ЗакЗака и уходите, хорошо? Нам ведь не нужны проблемы, так? Давайте, будьте хорошими девочками.

– Зачем вы держите волшебника, если у вас тут столько всяких магических амулетов, мистер Сильнорук? – ласково спросила Тиффани.

ЗакЗак повернулся к Брайану.

– Что ты тут стоишь? – потребовал он. – Она снова за свое! За что я тебе плачу? Наложил на них чары, преврати во что-нибудь или сделай еще что!

– Ну, эээ... Значит, вот эта покупательница немного капризничает... – заговорил Брайан, кивая головой на Тиффани.

– Раз ты изучал магию, Брайан, то ты должен знать о сохранении массы, верно? – спросила Тиффани. – То есть тебе должно быть известно, что происходит на *самом деле*, когда пытаешься превратить кого-нибудь в

лягушку?

– Ну, эээ... – начал волшебник.

– Ха! Это всего лишь оборот речи! – резко встрял ЗакЗак. – Хотел бы я посмотреть, как *ты* превращаешь кого-либо в лягушку!

– Желание исполняется, – ответила Тиффани и взмахнула волшебной палочкой.

Брайан начал говорить:

– Слушай, когда я сказал, что был в Незримом Университете, я имел в виду...

И закончил:

– «Квак».

А теперь покинем Тиффани и поднимемся над лавкой, выше, еще выше, над деревней, пока пейзаж внизу не превратится в лоскутное одеяло из полей, лесов и гор.

Магия распространяется во все стороны, как круги от брошенного в воду камня. В радиусе нескольких миль от применения магии, запутки завертелись и ловушки проклятий разорвались. Чем дальше, тем слабее становилась магическая волна, но полностью она не исчезала и ее могли почувствовать более чуткие вещи, чем любая запутка...

Переведем взгляд дальше и поглядим вниз, на *этот* лес, *эту* поляну, *этот* домик...

На стенах домика нет ничего, кроме побелки. На полу нет ничего, кроме холодного камня. В огромном очаге даже нет кухонной плиты. Черный чайник висит на крюке над тем, что едва ли вообще можно назвать костром; горит лишь несколько маленьких прутиков, собранных в кучку.

Это дом, где жизнь очищена до сердцевины.

Наверху, на узкой кровати, лежит старая женщина, одетая в выцветшую черную одежду. Но никто бы не принял ее за мертвую, потому что у нее на шее на веревочке висит плакатик:

Я ни памирла

...такой надписи нельзя не поверить.

Ее глаза были закрыты, руки скрещены на груди, рот открыт.

Пчелы ползали по подушке, над ушами, вползали в рот. Они заполнили всю комнату, влетая и вылетая в открытое окно, где на подоконнике кто-то выставил в ряд блюдца с сахарной водой.

Разумеется, все блюдца были разными. Ведьмы сервизов не держат. Но пчелам это не мешало и они работали, трудолюбивые, как... пчелы.

Когда магическая рябь прошла через комнату, жужжание стало оглушительным. Пчелы поспешно влетали в открытое окно, как будто их

подгонял порыв ветра. Они приземлялись на лежащей неподвижно женщине, пока их крошечные бурые тельца не покрыли ее голову и плечи сплошной копошащейся массой.

Затем, как одно насекомое, они бурно взлетели и унеслись прочь, на свежий воздух, наполненный летящими кленовыми крыльшками.

Госпожа Ветровоск резко села и сказала – «Жжж!». Затем она засунула палец в рот, поводила им там из стороны в сторону и вытащила сопротивляющуюся пчелу. Она подула на нее и выгнала в окно.

В течении какого-то мгновения казалось, что глаза женщина имеют несколько граней, как глаза пчелы.

– Итак, – сказала матушка Ветровоск. – Она научилась Заимствованию? Или ее Позаимствовали!

Аннаграма упала в обморок. ЗакЗак был слишком *напуган*, чтобы потрепать сознание.

– Видите ли, – пояснила Тиффани под раздающиеся где-то наверху звуки *хлюп, хлюп*, – лягушка весит лишь несколько унций, в то время как Брайан весит примерно сто двадцать фунтов, верно? *Поэтому*, чтобы превратить кого-то в большую лягушку, вы должны сначала придумать, что делать со всеми частями, которые не поместятся в лягушку, правильно?

Она наклонилась и подняла остроконечную шляпу волшебника с пола.

– Доволен, Брайан? – спросила она.

Маленькая лягушка, примостившаяся на куче одежды, подняла глаза и сказала: «*Квак!*».

Но ЗакЗак на лягушку и не посмотрел. Он не сводил глаз с *хлюпающей* над ним штуки. Она была похожа на большой розовый воздушный шарик, полный воды, довольно симпатичный, и болталась под потолком, ударяясь и отскакивая от него.

– Ты его убила. – пробормотал он.

– Что? О, нет. Это лишь та его часть, что не нужна ему прямо сейчас. Что-то вроде... *запчасти* Брайана.

– *Квак*, – сказал Брайан. *Хлюп*, – откликнулись его запчасти.

– Насчет скидки... – торопливо начал ЗакЗак. – Десять процентов можно...

Тиффани взмахнула палочкой. За ее спиной весь хрусталь с витрины поднялся в воздух и шары, хрупко сверкая, начали описывать круги вокруг друг друга.

– Эта палочка не может такого делать! – сказал он.

– Конечно, не может. Эта палочка не больше чем хлам. Но я – могу, –

ответила Тиффани. – Девяносто процентов скидки, вы сказали? Думайте быстрее. Я начинаю уставать. И запчасти Брайана становятся... тяжелыми.

– Ты можешь все забрать! – вскричал ЗакЗак. – Бесплатно! Только не урони его! Пожалуйста!

– Нет, нет, я предпочитаю, чтобы вы продолжали торговлю, – сказала Тиффани. – Девяносто процентов скидки будет в самый раз. Я бы хотела, чтобы вы считали меня своим... другом...

– Да! Да! Я твой друг! Я вообще очень дружелюбный! Вернииии его, прошу тебя! Пожалуйста! – ЗакЗак упал на колени, благо падать ему было совсем невысоко. – *Пожалуйста!* На самом деле, он вовсе не волшебник! Он лишь ходил в Незримый Университет на вечерние курсы по выпиливанию лобзиком. Волшебники сдают классные комнаты, что-то в таком роде. Он думает, что я не знаю! Но он потихоньку прочитал несколько книг по магии и стащил балахон, и он может говорить по ихнему, так что вы с трудом отличите его от волшебника. Пожалуйста! Я никогда не заполучу *настоящего* волшебника за те деньги, что плачу ему. Не причиняй ему вреда, *пожалуйста!*

Тиффани махнула рукой. То, что за этим последовало, было еще более отвратительным, чем выделение запчастей Брайана в шарик под потолком. Наконец весь Брайан, моргая, стоял перед ними.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – задохнулся ЗакЗак.

Брайан снова моргнул.

– Что случилось? – спросил он.

ЗкЗак, стоящий позади него, с ужасом и облегчением стал неистово хлопывать его.

– Ты весь здесь? Ты не воздушный шар?

– Эй, не трогайте меня! – сказал Брайан, отталкивая его.

Аннаграмма застонала. Она открыла глаза, увидела Тиффани и попыталась подняться на ноги и отодвинуться от нее подальше, в результате она попятилась назад на четвереньках, как паук.

– Пожалуйста, не делай этого со мной! Пожалуйста, не делай! – закричала она.

Тиффани подбежала к ней и помогла встать.

– Я ничего не сделаю тебе, Аннаграмма, – радостно ответила она. – Ты моя подруга! Мы все друзья! Разве это не чудесно *пожалуйста пожалуйста остановите меня...*

Нельзя забывать, что пиксти вовсе не домовые. Теоретически, если

оставить домовому блюдце с молоком, он сделает за вас ваши домашние дела.

Нак Мак Фигл... не сделают.

Нет, они попытаются, если вы им нравитесь и вы не оскорбили их, налив в блюдце *молоко*. Они всегда *готовы* помочь. Они просто делают это не совсем правильно. Например, не стоит счищать неподдающееся пятно с тарелки, колотя по нему головой.

И вряд ли вам будет приятно увидеть раковину, в которой плещутся фиглы вперемешку с вашим лучшим фарфором. Или увидеть свою любимую вазу, катящуюся по полу, внутри которой фиглы сражаются с друг другом и с прилипшей грязью.

Но, спрятав подальше свой лучший фарфор, мисс Левел обнаружила, что фиглы ей даже нравятся. Было в них что-то такое несгибаемое. И они совершенно не удивлялись женщине с двумя телами.

– Ах, да что в этом такого, – сказал Роб Всякограб. – Когда мы грабили для Кралевы, мы якость попали в мир, где у всех людей было по пять тулов. Всяких размером, для самой разной работы, вишь ли.

– В самом деле? – спросили обе мисс Левел.

– Айе, и у самого великого была огромна лева рука, чтоб лишь банки с солениями откупорять.

– Да, крышки иногда еле открутишь, – согласилась мисс Левел.

– Ох, сколько мы зрили дивных мест, когда в набеге для Кралевы ходили, – сказал Роб Всякограб. – Но мы с энтим покончили, потому как была она шибко коварна жаднюча злыдня, вот кто!

– Айе, а вовсе не оттого, что она вытурила нас из Страны Фей за то, что были мы на бровях еще до обеда, что бы там энти отвратцы не мпф мпф... – добавил Вулли Валенок.

– На бровях? – переспросила мисс Левел.

– Айе... ох, айе. Это значит... устали. Айе. Устамши мы были. Вона что оно значит, – ответил Роб Всякограб, крепко зажимая рукой рот брату. – А те, мерзопакостнику, и не ведомо, как перед леди речи вести!

– Эээ... спасибо за посуду, – сказала мисс Левел. – Не стоило, правда...

– Ах, энто нам не трудно, – радостно ответил Роб Всякограб, отпуская Вулли Валенка. – Я не сумлеваюсь, энти тарелки запросто можно склеить.

Мисс Левел поглядела на часы без стрелок.

– Уже поздно, – сказала она. – Что конкретно вы собираетесь делать, мистер Всякограб?

– Чегось?

– У вас есть план?

– О, айе!

Роб Всякограб пошарил у себя в напузнике – кожанном мешочке, который почти все фиглы носили привязанным к поясу. Никому не ведомо, что они хранят в них, но иногда там можно найти любопытный зуб.

Он победно помахал сложенной в несколько раз бумажкой.

Мисс Левел аккуратно развернула ее.

– ПЛН? – спросила она.

– Айе, – гордо ответил Роб. – Уж мы подгтовлялись. Глянь-ка, все *понаписано*. Пи Эль Ны. План.

– Эээ, как бы мне это лучше сказать... – погрузилась в размышления мисс Левел. – Ах, да. Вы примчались в такую даль, чтобы спасти Тиффани от создания, которое нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни унюхать, ни убить. Что вы планируете сделать, когда вы найдете его?

Роб Всякограб почесал голову, забрызгав водой все вокруг.

– Сдается мне, что вы попали прямо в одно из слабых мест, госпожа, – признал он.

– То есть, вы будете атаковать, невзирая ни на что?

– Айе, энто план, точно так, – ответил Роб, оживляясь.

– И что будет потом?

– Ну, потом нас обычно пытаются отколошматить, так что мы придумываем по ходу дела.

– Ага, Роберт, но та тварюга у ней в главе!

Роб Всякограб вопросительно поглядел на Билли.

– Роберт по-важняцки будет Роб, – сказал гоннагль и, чтобы не тратить попусту время, пояснил мисс Левел: – Для выпендрежа.

– Ах, коли треба, мы можем и в бошку пролезть, – сказал Роб. – Я-то надеялся сюды попасть до того, как тварюга Тиффани спымает, но мы можем за ним погнаться.

Мисс Левел смотрела на него, как баран на новые ворота. Как два барана.

– *Внутри ее головы?* – спросила она.

– Ох, айе, – ответил Роб с таким видом, словно он занимался влезанием в головы каждый день. – Но проблемо. Мы куда угодно можем пролезть и назад вылезть. Мабудь, окромья кабаков, откуда нам почему-то вылезть бывает очень трудно. В бошку? Запросто.

– Простите, мы о настоящей голове речь ведем? – с ужасом спросила мисс Левел. – Как вы это сделаете, через уши?

И опять Роб уставился на озадаченного Билли.

– Нет, госпожа. Уши слишком маленькие, – терпеливо ответил Билли.
– Но мы можем ходить меж мирами, вишь ли. Мы же сказочный народец.

Мисс Левел кивнула обеими головами. Они были правы, но нелегко помнить, глядя на стоящих в ряд Нак Мак Фиглов, что они относились к феям. Так же трудно, как и глядя на резвящихся под водой пингвинов, помнить, что они птицы.

– И? – спросила она.

– Мы можем попасть в мечтания... Что такое сознание, как не еще один мир мечтаний?

– Но я не могу вам этого позволить! – воскликнула мисс Левел. – Я не могу разрешить вам бегать в голове бедной девочки. Вы только поглядите на себя! Вы же взрослые... вы же мужчины! Это все равно, что... все равно, что читать ее дневник!

Роб Всякограб был в недоумении.

– Ох, айе? – спросил он. – Много раз мы читали ее дневник. И ничего страшного.

– Вы читали ее дневник? – в ужасе спросила мисс Левел. – Зачем?

И в самом деле, думала она позже, как же она сама не догадалась.

– Потому, что он заперт был, – объяснил Вулли Валенок. – Коли не желала она, чтоб его узрили, зачем же заховала его в ящичке с носками? Да и все равно, тама везде были словечки, что нам неведомы, и картинки намалеваны с цветиками-сердечками.

– Сердечки? Тиффани? – изумилась мисс Левел. – Неужели?

Она одернула себя.

– Вы не должны были этого делать! А лезть кому-то в голову еще хуже!

– Но роитель там, госпожа, – тихо сказал Ужасен Велик Билли.

– Но вы сами говорили, что он вам не по зубам!

– Ей по зубам. Если мы выследим ее, – сказал гоннагль. – Если мы сыщем ту крохотулечку в ней, что все еще остается ею. Она недюжинный борец, коли ее разозлить. Вишь ли, госпожа, ум сам как мир. Она может ховаться где-нить, выглядывая из своих собственных очей, слушая своими собственными ушами, пытаясь быть услышанной, не подпуская тварюгу к себе... и он будет преследовать ее, чтобы заломать...

У мисс Левел самой стал такой вид, будто ее преследовали. Пятьдесят маленьких лиц, исполненных тревоги, надежды и разбитых носов, глядели на нее. И она знала, что лучшего плана у нее нет. У нее даже ПЛН-а не было.

– Ну хорошо, – сказала она. – Но вы обязаны хотя бы искупаться. Я знаю, это звучит глупо, но мне станет немного поспокойнее.

Все дружно застонали.

– Исккупаться? Но мы уже купались год назад, – сказал Роб Всякограб.
– В том большом пруду с баранками!

– Ах, кривенс! – сказал Велич Ян. – Не можно парней заставлять купаться так споро, госпожа! От нас ничего не останется!

– С мылом и в горячей воде! – отрезала мисс Левел. – Я не шучу! Я открою воду и... и перекину через край веревку, чтобы вы смогли забраться в ванну, и вы *вымоеетесь*. Я вед... – карга и вы должны меня слушаться!

– Вот житуха! – ответил Роб. – Заради велик мальчика карги мы согласны. Но не подглядывать, лады?

– *Подглядывать?* – переспросила мисс Левел. Она указала трясущимся пальцем на дверь: – А ну марш в ванную сейчас же!

Тем не менее, мисс Левел подслушивала у дверей. Ведьмы всегда подслушивают.

Сначала ничего не было слышно, кроме плеска воды и затем раздалось:

– Не так уж и погано, как я боялся!

– Айе, дюже приятно.

– Э, да тута желта утка. На кого ты клюв нацелил, ты, пакостник...

Послышалось кряканье и бульканье, с которыми затонула резиновая уточка.

– Роб, нам такое тоже треба в кургане. Для сугрева в холода.

– Айе, баранкам не больно полезно пить из пруда после того, как мы там выкупались. Нестерпно было слушать, как они плювались.

– Ах, да мы как лопушки размякли! Что за купание, коли на башке лед не намерз!

– Кого ты назвал лопухом?

Плеска стало больше и из-под двери начала просачиваться вода.

Мисс Левел постучала.

– Вылезайте и сушитесь! – скомандовала она. – Тиффани может вернуться в любую минуту!

На самом деле Тиффани отсутствовала еще два часа, в течении которых мисс Левел пришла в такое беспокойство, что ее ожерелья начали звенеть.

Мисс Левел стала ведьмой в более позднем возрасте, чем большинство ведьм, получив квалификацию за счет своих двух тел. Магия никогда не привлекала ее. По правде говоря, многие ведьмы могли за всю жизнь ни разу не сотворить серьезное, очевидное колдовство (они лишь плели зачатки и ловушки снов и проклятий, что за колдовство не считается,

будучи скорее народным творчеством, и все остальное ведовство заключалось в занятиях медициной, здравом смысле и способности выглядеть сурово в остроконечной шляпе). Но коли ты назвался ведьмой и надел остроконечную шляпу, то ты все равно что стал полицейским. Люди видят не вас, а вашу униформу. И когда по улице несетя безумец с топором, вы не имеете права отойти в сторону, бормоча: «Да я только пропавших собак ищу и уличное движение регулирую...». Вы ведьма, у вас есть шляпа и вы занимаетесь своим делом. Основной закон ведовства гласит: *вы все решаете сами*.

Когда Тиффани вернулась, мисс Левел, превратившаяся в два комка нервов, стояла бок о бок сама с собой, чтобы придать себе уверенности.

– Где ты была, дорогуша?

– Гуляла, – ответила Тиффани.

– И что ты делала?

– Ничего.

– Я вижу, ты купила себе что-то.

– Да.

– С кем ты была?

– Ни с кем.

– Ах, да, – в полной растерянности заливалась мисс Левел. – Помню, у меня была привычка болтаться на улице, ничего не делая. Бывает так, что вы сами становитесь своею наихудшей компанией. Поверь мне, уж я-то знаю...

Но Тиффани уже поднималась по лестнице.

Без какого-либо заметного движения повсюду в комнате возникли фиглы.

– Ну, она ся просто превзошла, – заметил Роб.

– Она выглядит по-другому! – взорвалась мисс Левел. – Она двигается по-другому! Я просто не знаю, что делать! И эта ее одежда!

– Айе, сияет, как перья молодого ворона, – сказал Роб.

– Вы видели все эти пакеты? Где она могла взять деньги? Нет, я не собираюсь терпеть...

Она замолчала и затем обе мисс Левел одновременно заговорили.

– Ох, нет...

– ...Точно нет! Она бы этого...

– ...не сделала, ведь правда?

– Не уразумею я, о чем вы тут толкуете, – сказал Ужасен Велик Билли.
– Но что бы *она* стала или не стала делать, уж не имеет смысла. Это Роитель решает, что делать!

Мисс Левел всплеснула всеми четырьмя руками в растерянности.

– О, Боги... Я *должна* пойти в деревню и проверить!

Одна из них побежала к двери.

– Ну, по крайней мере, она вернула метлу, – пробормотала оставшаяся мисс Левел.

Ее лицо приобрело слегка рассредоточенное выражение, которое всегда появлялось у нее, когда тела удалялись друг от друга.

Сверху доносились какие-то звуки.

– Я предлагаю шандрахануть ее по башке слегонька, – сказал Велик Ян. – Что нам за вред будет, коли он отключится, айе?

Мисс Левел нервно сжимала и разжимала кулаки.

– Нет, – сказала она. – Я пойду наверх и *серьезно* поговорю с ней!

– Я уже молвил вам, госпожа, то не она, – устало ответил Ужасен Велик Билли.

– Подожду, пока не доберусь до дома мистера Ткачика, – сказала мисс Левел, стоя посреди кухни. – Я почти там... ага... он спит. Только *тихонько* вытащу ящик... и если она взяла его деньги, ей не *сдобровать*...

Шляпа и правда *хороша*, думала Тиффани. Она так же высока, как и шляпа миссис Иервиг, и у нее такой мрачный блеск. Звезды на шляпе сверкали.

На полу и на кровати лежали пакеты. Тиффани вытащила еще одно черное платье, на этот раз с кружевами, и накидку, которая затрепетала в воздухе. Накидка ей очень нравилась. Даже в закрытом помещении она трепетала и струилась, словно на ветру. Если вы собираетесь стать ведьмой, начинать надо с того, чтобы выглядеть как ведьма.

Она пару раз покрутилась на месте и затем, совершенно не думая, сказала:

– Увидь себя.

Та ее часть, что стала роителем, оказалась захвачена врасплох.

Роитель неожиданно оказался выброшен из тела. Тиффани была свободна. Этого она не ожидала...

Тиффани могла чувствовать себя всю, до кончиков пальцев. Она метнулась к кровати, схватила лучшую волшебную палочку ЗакЗака и отчаянно замахала ею перед собой, словно та была каким-то оружием.

– Убирайся! – воскликнула она. – Не лезь ко мне! Это мое тело, а не твое! Ты заставил его делать ужасные вещи! Ты украл деньги мистера Ткачика! Что за глупые тряпки! И ты даже не подумал, что телу надо есть и пить! Не лезь ко мне! Я тебя не пущу! Не смей! У меня есть сила!

У нас тоже, – ответил ее собственный голос в ее собственной голове.

– Твоя.

И они сцепились друг с другом. Со стороны можно было видеть, как девочка в черном платье кружилась по комнате, размахивая руками, словно ее ужалили, но Тиффани сражалась каждым пальчиком на руках и ногах. Она отталкивалась от стены, кидалась на комод, врезалась в противоположную стену...

...дверь в комнату резко распахнулась.

В комнату вошла одна из мисс Левел, больше не нервничая, но дрожа от ярости. Она потярсала пальцем:

– Слушай меня, кем бы ты там ни была! Ты украла у мистера Ткачи...?
– начала она.

Роитель повернулся.

Роитель ударил.

Роитель... убил.

Глава восьмая

Сокровенная земля

Быть мертвым плохо само по себе. Но еще хуже очнуться и увидеть у себя на груди Нак Мак Фиглов, сосредоточенно разглядывающих тебя. Мисс Левел застонала. Она чувствовала, что лежит на полу.

– Ага, живая она, без сумлений, – проговорил фигл. – Я те рек! Теперя ты мне должен черепок ласки!

Мисс Левел моргнула одной парой глаз и затем в ужасе замерла.

– Что со мной произошло? – прошептала она.

Фигл, стоящий перед ней, уступил свое место Робу Всякограбу. Лучше, правда, от этого не стало.

– Сколько пальцев я показую? – спросил он.

– Пять, – прошептала мисс Левел.

– Правда что ли? Ну, значит пять, коли вы считать умеете, – согласился Роб, опуская руку. – Вишь ли, с вами произошел мальца чуток несчастливый случай. Вы мальца чуток померли.

Мисс Левел снова уронила голову на пол. Сквозь дымку того, что и болью-то не назовешь, она слышала, как Роб Всякограб оправдывался перед кем-то, кого она не видела:

– Эй, я очень аккуратно ее подвел! Я дважды молвил «мальца чуток»!

– Я чувствую себя так, словно я частично... где-то очень далеко, – пробормотала мисс Левел.

– Ага, вот тут вы чуток правы, – ответил Роб, чемпион тактичных замечаний.

В густом супе сознания мисс Левел на поверхность стали всплывать воспоминания.

– Тиффани убила меня, да? – спросила она. – Я помню, как ко мне повернулась девочка в черном и у нее было такое жуткое выражение лица...

– Энт роитель был, – ответил Роб Всякограб. – То не Тиффани! Она с ним борется! Она все еще внутрих себя! Но роитель запомятовал, что у вас тел не одно, а два. Госпожа, ей треба наша подмога!

Мисс Левел с трудом села. Ей не было больно. Это была не боль, а... призрак боли.

– Как я умерла? – тихо спросила она.

– Все всполыхнуло, а затем повалил дым, – ответил Роб. – Без особых противностей.

– Что же, будем считать это милосердием, – сказала мисс Левел и понурилась.

– Айе, осталася лишь велика пурпурна хмара, как из пыли, – добавил Вулли Валенок.

– Где мое... я не чувствую... где мое другое тело?

– Айе, его-то и возорвали в то велико облако, уж энто точно, – сказал Роб. – Здоровски, что у вас запасное тело было, а?

– У нее в башке все перепуталося, – прошептал Велик Ужасен Билли. – Мягче, мягче, а?

– Как же вы обходитесь без второй пары глаз? – словно во сне пробормотала мисс Левел, обращаясь ко всему миру в целом. – Как же я смогу везде успевать с одной парой рук и ног? Все время находиться лишь в одном месте... Как людям это удается? Это невозможно...

Она закрыла глаза.

– Госпожа Левел, вы нам *потребны!* – прокричал Роб Всякограб ей в ухо.

– Нужна, нужна, нужна... – бормотала мисс Левел. – Всем нужны ведьмы. Никого не заботит, что *нужно* самой ведьме. Всегда *отдавать и отдавать...* Сказочной крестной фее никто не исполнит желание, позвольте мне заметить...

– Госпожа Левел! – рявкнул Роб. – Не можете вы нас зараз покинуть!

– Я так устала, – прошептала мисс Левел. – Я просто... на бровях...

– Госпожа Левел! – завопил Роб Всякограб. – Велика мальчика карга лежит на полу, аки мертвая. Но хоть она и холодна как ледышка, она упрела вся, как лошадь! Она боротися с тварюгой внутрях, госпожа! И она проигрывает! – Роб уставился в лицо мисс Левел и покачал головой. – Разрази мя гром! Она в обмороке! А ну, хлопцы, подняли!

Как многие крошечные создания, фиглы чрезвычайно сильны для своих размеров. И тем не менее, чтобы пронести мисс Левел по узкой лестнице, не простучав ее головой по всем ступенькам, понадобилось десять фигов, и им пришлось открывать дверь в комнату Тиффани ногами мисс Левел.

Тиффани лежала на полу. Время от времени ее мускулы подергивались.

Фиглы поддерживали мисс Левел в сидячем положении, как куклу.

– Как же мы велику каргу в сознания приведем? – спросил Велик Ян.

– Слыхал я, что треба сунуть бошку между ног, – с сомнением сказал

Роб.

Вулли Валенок вздохнул и вытащил меч.

– По мне так слишком сильнодействующее средство, – сказал он. – Но ежели кто пособит поддержать ее прямо...

Мисс Левел открыла глаза, что было более чем вовремя. Она неуверенно сфокусировала взгляд на фиглах и заулыбалась странной, счастливой улыбкой.

– Ооо, феи! – забормотала она.

– Ага, а чичас она марить почала, – сказал Роб Всякограб.

– Нет, то она о феях речет, какими их себе верзили *представляют*, – ответил Велик Ужасен Билли. – Малюсеньки сотворенния, что живут у цветиках и летают вокруг, обнимаясь с бабочками.

– Чегось? Али они настоящих фей не *зрили*? Да они хужее, чем осы! – сказал Велик Ян.

– Нету у нас *времени* на энто! – оборвал его Роб Всякограб. Он запрыгнул на колено мисс Левел.

– Айе, мадам, мы феи из страны... – Он запнулся и с мольбой поглядел на Билли.

– Колокольчиков? – предложил Билли.

– Айе, из страны Колокльчиков, вишь ли, и мы тут нашли эту бедну мальчика...

– ...принцессу, – подсказал Билли.

– Айе, принцессу, на которую напала банда поганцев...

– ...злых гоблинов, – сказал Билли.

– ...аха, злых гоблинов, верно, и так уж ей спlohело, что мы у вас пытаемо – как бы нам за ней приглядать...

– ...пока не прискачет прекрасный принц на здоровенной белой коняге, завернутой в занавески, и не разбудит ее магичным поцелуем, – закончил Билли.

Роб кинул на него безнадежный взгляд и снова повернулся к ошеломленной мисс Левел.

– Айе, вот как мой друган фей Билли рек, – пробормотал он.

Мисс Левел попыталась сосредоточиться.

– Уж больно вы *уродливы* для фей, – сказала она.

– Айе, ну обычно вам падались феи всяких *гарненьких* цветиков, вишь ли, – ответил Роб Всякограб, выдумывая на ходу. – А мы феи крапивы, полыни и чертополоха, ясно? Оно было бы нечестно, если бы только у красивых цветиков были бы феи, верно? Мабудь, оно и вовсе против закона. А теперя *ласково просимо*, помогите нам с этой принцессой, пока

энты поганцы...

– ...злобные гоблины... – вставил Билли.

– Айе, пока они не возвертались, – сказал Роб.

Тяжело дыша, они пристально наблюдали за мисс Левел. Похоже было, что она о чем-то размышляла.

– Пульс у нее частит? – пробормотала мисс Левел. – Вы сказали, что кожа у нее холодная, но она потеет? И дыхание частое? Похоже на шок. Ее надо согреть. Приподнять ноги. Наблюдать за ней. Постараться устранить... причину... – она снова уронила голову.

Роб повернулся к Ужасен Велику Билли.

– Лошадь в занавесках? Откуда ты взял эту дурньцу?

– У нас около Долго Озера была одна хатка и вот там они читали своим мальчика дитяткам сказки, а я пролазил через мышиный ход и слушал, – ответил Ужасен Билли. – Как-то раз я пролез вовнутрь поглядеть на картинки, и там были намалеваны верзилы, которых называли лыцарями и у них были щиты с доспехами и кони в занавесках...

– ...Лады, хоть энто все и дурньця, но оно подействовало, – сказал Роб Всякограб. Он поглядел на Тиффани. Она лежала на полу и Роб был ростом ей до подбородка. Он словно прогуливался вокруг невысокого холма. – Кривенс, как неприятно зреть бедняжку в таком состоянии, – он покачал головой. – Ну-ка, хлопцы, стягайте покрывало с лежака и сувайте подушку под ноги.

– Эээ, Роб? – спросил Вулли Валенок.

– Айе? – Роб не сводил глаз с бессознательной Тиффани.

– Как мы в ее башку *пролезем*? Что-то должно нас туда провести.

– Айе, Вулли, ведаю я, что нас туда поведет, потому как я башкой поразмыслил! – ответил Роб. – Вы все велику мальцу каргу часто зрили, верно? А зрили ли вы ее наместо?

Он протянул руку. Серебрянная лошадка соскользнула с шеи лежащей на полу Тиффани и посверкивала среди амулетов и блестящего черного шелка.

– Айе? – спросил Вулли.

– Это подарок от баронского сынка, – сказал Роб. – И она его бережет. Хоть она и попыталась нарядиться, как ужас, что летает на крылах ночи, но что-то заставляет ее беречь коника. И в главе у нее энто коник тоже будет. Уж больно он для нее важон. Потому все, что нам поделатъ треба – это забулдырить камневоротом коника и он приведет нас прямо к ней^[8].

Вулли Валенок почесал голову.

– Но рази ж она не личила его не боле, чем мешок дерьма? Я не раз

зрил, как она гуляла и нос отвертала, когда он проезжал мимо, и в другую сторонку дивилась. Да ей иногда целых полчаса приходилось дожидаться, пока он мимо не проскачет, чтоб нос отвертать.

– Ах, пропасть, рази ж может парень понять девичьи думы? – важно произнес Роб Всякограб. – Мы пойдем за коником.

**Из книги «Феи и как их избегать» мисс Проникации
Тик:**

Никому доподлинно не известно, каким образом Нак Мак Фиглы переходят из одного мира в другой. Те, кому удалось лицезреть, как фиглы совершают этот переход, говорят, что сначала фиглы отклоняются назад и выставляют вперед ногу. Затем они крутят в воздухе ступней и исчезают. Они называют это движение «ступанием» и единственное предоставленное ими объяснение, звучит так: «Да вишь ли, все дело в движении коленкой». Как оказалось, они способны путешествовать таким образом между всеми видами миров, но не внутри самого мира. По их заверениям, для внутренних путешествий у них есть ноги.

Несмотря на то, что солнце уже поднялось высоко, небеса были черными. Солнце стояло в зените, заливая пейзаж ярким летним светом, но небо было полночно-черным, только без звезд.

Этот пейзаж был сознанием Тиффани Болит.

Фиглы огляделись по сторонам. Похоже, что они стояли на холме – зеленом и покато.

– Она холмам молвит, что они есть такое. А холмы молвят ей, кто она есть, – прошептал Ужасен Велик Билли. – Она *взаправду* бережет душу холмов у ся в *главе*...

– Айе, энто так, – пробормотал Роб Всякограб. – Но тута нету живых существ, вишь. Нетути баранок. Нетути пташек.

– Мабуть... Мабуть их что-то напужало? – предположил Вулли Валенок.

И действительно, нигде не было ни малейшего присутствия жизни. Здесь царили тишина и спокойствие. Тиффани, которая так заботилась о правильном истолковании слов, сказала бы, что тут царило безмолвие, что было совсем не тем, что тишина. Безмолвие, это то, что наполняет полночные соборы.

– Лады, хлопцы, – прошептал Роб Всякограб. – Не ведомо нам, что нас поджидает, потому ступайте так легонько, как ноги могут, усекли? Ну,

двинули велику мальцу каргу искать.

Фиглы кивнули и бесшумно, как призраки, двинулись вперед.

Перед ними поднималась невысокая насыпь, что-то вроде землянного укрепления. Фиглы шли осторожно, остерегаясь засады. Но все было спокойно, пока они карабкались на землянной крест из двух длинных насыпей.

– Люди насыпали, – сказал Велик Ян, когда они забрались на вершину.
– Как в стары времена, Роб.

Тишина впитала в себя все звуки.

– Мы в самых нутрях главы велика мальчика карги, – ответил Роб Всякограб, настороженно оглядываясь по сторонам. – Не ведомо нам, что их сотворило.

– Не ндравится мне тута, Роб, – сказал какой-то фигл. – Уж больно тихо.

– Айе, Слегка В Себе Джордж, это...

– Во поле березка стояла...

– Вулли Валенок! – резко сказал Роб, не отрывая глаз от странного пейзажа.

Пение прекратилось.

– Айе, Роб? – спросил Вулли Валенок из-за его спины.

– Помнишь, я те молвить обещал, когда ты будешь вести ся глупо, да не-до-стой-но?

– Айе, Роб, – ответил Вулли Валенок. – Энто ты про сейчас, да?

– Айе.

Фиглы двинулись дальше, оглядываясь по сторонам. Вокруг по прежнему царило безмолвие. Но это была пауза перед вступлением оркестра; тишина, ожидающая раскатов грома. Словно все звуки, живущие в холмах, замолкли в ожидании грядущего мощного звука.

И затем они увидели Коня.

Они не раз видели его на Мелу. Но здесь он не был вырезан на склоне холма, а висел над ним. Фиглы уставились на него.

– Ужасен Велик Билли? – сказал Роб, подзывая к себе юного гоннагля.
– Ты у нас гоннагль, те все про сказания и мечтания ведомо. Что энто такое? Почему он тут висит? Он не должен быть на *вершине* холма!

– Это серьезные потаенки, мистер Роб, – ответил Билли. – Оченно *серьезные* потаенки. Я еще с ними не разобрался.

– Мел ей ведом вдоль и поперек. Почему же Конь не на своем месте?

– Я об этом размышляю, мистер Роб.

– Не мог бы ты размышлять пошвыдче, а?

– Роб? – подбежал к ним Велик Ян, который проводил разведку местности.

– Айе? – мрачно спросил Роб.

– Те лучше пойти да поглядать...

На вершине круглого холма стоял четырехколесный пастуший вагончик с покатою крышей и трубой от пузатой железной печурки. Внутри вагончик был обклеен желто-голубыми обертками от пачек табака Бравый Мореход. На стенах висели старые мешки, а на двери, где бабушка Болит вела счет овцам и дням, были сделаны пометки мелом. И еще там стояла узкая железная лежанка, укрытая старой овечьей шерстью и мешками.

– Ну ты уразумел, что тут происходит, Ужасен Велик Билли? – спросил Роб. – Могешь ты нам пояснить, где мальчика велика карга сейчас?

Юный гоннагль выглядел встревоженным.

– Ээ, мистер Роб, рази те не ведомо, что я лишь недавно стал гоннаглем? Тобто, ведомы мне песни и всяко такое, но опыту у мя в этом маловато...

– Айе? – сказал Роб Всякограб. – И сколь гоннаглей до ты прогуливались по думам карги?

– Эээ... Я о таком и не слыхивал, мистер Роб, – признался Билли.

– Айе. Так что те уже ведомо поболее, чем любому из этих шишек, – ответил Роб. Он улыбнулся обеспокоенному пареньку. – Делай, что можешь, хлопец. Я от ты большего и не ожидаю.

Билли выглянул за дверь вагончика и набрал воздуха побольше:

– Тады, я те молвлю: по-моему, она ховається где-то поблизости, как загнанна зверушка, мистер Роб. Это кусочек ее памяти, где ее бабуля жила, место, где она всегда была в сохранности. Я те молвлю, что мы в самой сути ее. В том самом месте, что ею и *есть*. И я страшусь за нее. Страшусь до самых своих пяток.

– Почему?

– Потому что я слежу за тенями, мистер Роб, – ответил Билли. – Солнце движется. Оно спускается все ниже и ниже.

– Айе, солнце и должно... – начал Роб.

Билли потряс головой.

– *Не-а*, мистер Роб. Ты не розумиешь! Я те молвлю, то не солнце внешнего мира. То солнце ее души.

Фиглы поглядели на солнце, на тени и затем снова на Билли. Он храбро выпятил свой подбородок, но его била дрожь.

– И когда ночь настанет, она умрет? – спросил Роб.

– Есть вещи похужее, чем смерть, мистер Роб. Роитель заполучит ее

всю, от макушки до пят...

– Не бывать этому! – так внезапно вскричал Роб, что Билли попятился.
– Она сильна дивчинка! Она сама Кралеву перемогла лишь с одной сковородкой!

Ужасен Велик Билли сглотнул. Он бы предпочел стоять перед самыми разными существами, чем перед Робом в данную минуту. Но он продолжил:

– Очень жаль, мистер Роб, но я те уже пояснял, было у нее с собой железо и она у ся в холмах была. А теперя она далеко-далече от дому свово. И роитель стиснет это место, когда найдет его и будет сдавливать, пока ничего не останется и тогда настанет ночь, и...

– Звиняй, Роб. У мя есть идея.

К Робу подошел Вулли Валенок, нервно сжимающий руки. Все повернулись, чтобы посмотреть на него.

– У тя идея есть? – спросил Роб.

– Айе, и коли я ее выкажу, то будь добр, не называй ее не-дос-той-ной, лады, Роб?

Роб Всякограб вздохнул.

– Лады, Вулли, я даю те свое слово.

– Ну... – сказал Вулли, сплетая и расплетая пальцы. – Что *энт*о за место, как не ее истинно жилище? Чья *энт*о трава, как не ее? Коли она не сможет побороть тварюгу здесь, то ей нигде ее не побороть!

– Но тварюге не обязавково сюды приходить, – сказал Билли. – Когда она ослабеет, *энт*о место само постепенно сникнет.

– Ох ты, кривенс, – пробормотал Вулли Валенок. – Ну, *энт*о была хорошая идея, верно? Хоть она и не сработала.

Роб Всякограб не обратил на его слова никакого внимания. Он оглядывал пастуший вагончик. Применяй бошку свою не только для того, чтобы ею людей лупити, наказала ему Дженни.

– Вулли Валенок прав, – тихо сказал он. – Это ее сохранное место. Она хранит землю, бережет ее. Здесь тварюга ее нипочем не достанет. Здесь у карги есть сила. Но пока она не поборет монстряку, *энт*о место станет для нее застенком. Она заперта здесь и может лишь дивиться, как жизнь ее уплывает в слив. Она будет дивитися на мир, как узник в крошечно окошко и зрить, как ее все возненавидят и устрашатся. Потому, треба нам привести сюда тварюгу супротив его воли, чтобы тута оно и померло!

Фиглы поддержали его радостными возгласами. Они не совсем понимали, что надо делать, но им понравилось, как это прозвучало.

– Какже мы его приведем? – спросил Ужасен Велик Билли.

– Вот надо было те подойти и спросить, а? – горько сказал Роб Всякограб. – И я...

Дверь заскрипела. Роб повернулся.

На двери, прямо на полустертых пометках, стали появляться написанные мелком буквы, одна за другой, выводимые невидимой рукой.

– Словеса, – сказал Роб Всякограб. – Она пытается нам что-то сказать!

– Да, тута написано... – начал Билли.

– Ведомо мне, что тута понаписано! – рявкнул Роб Всякограб. – Я читать умею! Тута написано...

Он снова оглядел слова.

– Лады, тута написано... вота бублик, а энто навроде пузатой бабы, и гребешок, что на боку стоит... и буквица, что руку вверх задрала, и тут подбоченилась да на главу встала, а энто опять руку в бок и ножку в сторону, а потом «пусто место» и гребешок опять лежит, и гребешок стоит, и буквица, что подбоченилась, и половинка бублика, и палка с перекладиной, и снова подбоченился кверх тормашками... И на *другой* строчке полбублика снова, и рука вверх и нога в сторону, а затем буквица, как садовая калитка, и как воротца, и опять калитка, и домик, и как лесенка, и опять буквица с рукой в бок... И на *другу* строчку... Толстяк с пузом и руку ко лбу приложил, и рука в бок, лесенка, и толста баба, и буквица с клюкой, и буквица с жалом... Затем опять «пусто место». И буквица, как холмы, бублик, рука в бок, гребешок на боку, и крест, что на одной ноге стоит, бублик и домик! Все!

Он отступил назад, держа руки в боки, и требовательно обратился к фиглам:

– Ну что? Прочитал я словеса или нет?

Фиглы радостно возопили и кое-кто даже захлопал в ладоши.

Ужасен Велик Билли посмотрел на написанные мелом слова. И затем на лицо Роба Всякограба.

– Айе, айе, – сказал он. – Молодчага, мистер Роб. Овечя шерсть, скипидар и Бравый Мореход.

– Ага, пропасть, так-то оно кажный прочитает, – презрительно ответил Роб. – Но чтоб эти коварны буквицы разделить, треба в них *разбиратися!* И *дюже гарно* разбиратися, чтобы смысл их уразуметь.

– И что все это значит? – спросил Ужасен Велик Билли.

– А смысл этих словес в том, что вы *покрадете* то, что здесь понаписано!

Фиглы оживились. Они не слишком успевали за тем, что происходило вокруг них, но смысл последних слов Роба поняли отлично.

– Энтэ будет покража *века!* – воскликнул Роб, вызвав очередной взрыв радости. – Вулли Валенок!

– Айе!

– Ты за старшого! Хоть у ты меньше мозгов, чем у жужелицы, но коли дело коснется покражи, нет тебе равных во всем мире! Треба те достати скипидару, клок овечей шерсти и понюшку табака Бравый Мореход! Отдашь их карге с двумя туловами. Молви ей, чтоб дала их роителю *нюхнуть*, ясно? Они приведут его сюда! И поторопись, бо солнце заходит. Те у самого Времени красть придется – айе? Есть вопросы?

Вулли Валенок поднял палец.

– Вопрос не по теме, Роб, – сказал он. – Но чуток мальчика обидно было, когда ты молвил, что у мя мозгов меньше, чем у жужелицы...

Роб замялся, но только на мгновение.

– Айе, Вулли Валенок, это ты верно молвил. Это я согрешил. Было у мя минутное раздражение и я об том сожалею. Стоя тут пред тобой, реку я те, Вулли Валенок: у ты мозгов *столько же*, как у жужелицы, и кажный, кто возражать почнет, у мя получит!

Лицо Вулли Валенка расплылось в огромной улыбке, которая затем смялась в нахумренность.

– Но ты у нас старшой, Роб, – сказал он.

– Но не на этот набег, Вулли. Я останусь здесь. И я уверен, что будешь ты справным командиром, а не запорешь все к черту, как это было последние семнадцать раз!

Толпа фиглов застонала.

– Гляньте на солнце! – сказал Роб, указывая. – Пока мы тут ласы точили, оно ниже спустилось! Кто-то должен остаться с ней! Не допущу я, чтоб про нас сказывали, что мы ее бросили умирать в одиночку! Ну-ка, двинулись, отвратцы, или я вас зараз так приложу

Он поднял меч и зарычал. Фиглы кинулись врассыпную.

Роб Всякограб осторожно отложил меч и сел на ступеньки пастушьего вагончика, наблюдая за солнцем.

Вскоре он почувствовал чье-то присутствие...

Хаммиш-летун с сомнением осмотрел метлу мисс Левел. Метла, зависшая в нескольких футах над землей, вызывала у него беспокойство.

Он потрогал тюк на спине, в котром находился парашют, вернее, технически, «параштаны», поскольку его сделали из пары старых воскресных штанов Тиффани. На них все еще сохранился цветочный рисунок и они были идеальным средством для безопасного спуска на

землю. У Хаммиша было предчувствие, что парашют (вернее, парашганы) ему понадобится.

– На ней и перьев нету, – недовольно сказал Хаммиш.

– Слышь, нету у нас времени для свары! – отрезал Вулли Валенок. – Мы спешим, как те ведомо, и ты единственный, кто летать может!

– Метла не *летает*, – ответил Хаммиш. – Это магия. У нее крылов нету! А я в магии несведущ!

Но Велик Ян уже перекинул ремешок через прутья метлы и начал карабкаться вверх. Остальные фиглы последовали за ним.

– И потом, как они управляют этой штукой? – продолжал Хаммиш.

– Ну... А как ты управляешься с птахами? – спросил Вулли Валенок.

– Так то просто. Треба лишь свой вес передвинуть, но...

– Ага, полетим и там разберешься, – ответил Вулли. – Чего там важкого – летати. Даже *утки* летать умеют, а у них вообще мозгов нетути.

Этим предмет спора был исчерпан и поэтому спустя пару минут Хаммиш осторожно прошел по древку метлы к ее началу. Остальные фиглы устроились среди прутьев метлы и сидели там, болтая друг с другом.

К прутьям метлы также был крепко привязан узел со старым тряпьем и тростями, поверх узла была прикреплена шляпа с обвисшими полями и украденная борода.

Ручка метлы задралась под тяжестью дополнительного веса и нацелилась в просвет между фруктовыми деревьями. Хаммиш вздохнул, набрав воздуха побольше, натянул очки на глаза и положил руку на отполированную до блеска часть древка прямо перед собой.

Метла плавно двинулась вперед. Фиглы радостно завопили.

– Вишь? Говорил те, все будет славно! – крикнул ему Вулли Валенок. – Тильки нельзя ли пошвыдче, а?

Хаммиш снова осторожно дотронулся до блестящего дерева.

Метла вздрогнула, застыла на мгновение неподвижно и затем резко рванула вперед, а за ней неся вопль:

– ААААААааааааУУУУууууууОООооооо...

В безмолвном мире сознания Тиффани Роб Всякограб снова взялся за меч и крадучись ступил на мрачную поляну.

Там было что-то маленькое и оно двигалось.

Это был крохотный куст терновника, растущий так быстро, что можно было заметить, как его ветки двигались. Тень куста затанцевала на траве.

Роб Всякограб уставился на него. Это должно было что-то означать. Он внимательно наблюдал за кустом, растущим на глазах...

И затем он вспомнил, что рассказывала ему старая кельда, когда он был совсем маленьким.

Давным-давно вся земля была покрыта лесами, густыми и дремучими. Затем пришли люди и вырубали деревья. Они сделали просвет для солнца. И на просеках выросла трава. Верзилы привели овец, которые ели траву, а заодно и все остальное, что росло в траве: *побеги деревьев*. Дремучие леса умерли. В них было не так уж и много жизни. Только не на нижних ярусах, над которыми смыкались стволы деревьев; там было темно, как на дне моря, потому что листва не пропускала солнечные лучи. Там стояла тишина и лишь иногда ветви потрескивали или слышался стук, когда желудь, упущенный белкой, падал, отскакивая от веток, в сумрак у подножия стволов. В этом лесу было тихо и жарко. Опушка леса была полна жизни. Но в глубине леса жил лишь лес.

Чтобы *жить*, траве нужно солнце, всем ее сотням былинки, цветкам, птицам и насекомым. Нак Мак Фиглам это было известно лучше, чем кому-либо другому, ведь трава была так близка к ним. То, что на расстоянии кажется зеленой пустыней, на самом деле крошечные, бурно растущие, кипящие жизнью *джунгли*.

– Ага, – сказал Роб Всякограб. – Вот значит что ты задумал, да? Ничего у тебя не выйдет!

Он отрубил длинный побег мечом и замер на месте.

Шорох листьев заставил его обернуться.

Прямо из под земли вылезали два новых побега. И даже третий. Роб оглядел поляну – десятки побегов, сотня крошечных деревцев устремлялись к небу.

Несмотря на тревогу, а встревожен он был до самых пяток, Роб Всякограб усмехнулся. Уж что-что, а фиглам нравилось знать, что каждый их удар придется по цели.

Солнце садилось, тени двигались и трава умирала.

Роб бросился в бой.

ААААААааааааУУУУууууууОООооооо...

Поиски требуемых запахов прошли почти незамеченными (не считая сов и летучих мышей, которых отбрасывала метла, управляемая бандой орущих крошечных синих человечков).

Но их видел баран Номер 95, принадлежащий фермеру, у которого явно не хватало воображения. Однако все, что он запомнил, это резкий звук в ночи и дуновение ветра вдоль спины. Поскольку это было так же интересно, как и его имя – Номер 95 – он побрел дальше, размышляя о

траве.

АААААААааааааУУУУуууууОООооооо...

Еще была Милдред Толкач, семи лет отроду, дочь фермера, хозяина барана Номер 95. Много лет спустя, когда она уже стала бабушкой, Милдред рассказала внукам о той ночи, когда она со свечой в руках спустилась в кухню за водой и услышала шум под раковиной...

– Оттуда доносились такие тоненькие голоса, знаете, и вот один голос сказал: «Эй, Вулли, неможна энто пить, тама на бутылке написано „Отрава“!», а другой голос ему ответил: «Айе, гоннагль, они энто нарочно пишут, чтобы парня от выпивки отпугнуть». И *первый* голос воскликнул: «Вулли, то ж крысиная отравка!». Второй голос ответил: «Вот и славно, потому как я не крыса!». И тогда я открыла ящик под раковиной, и что же вы думаете? Он был полон фей! Они уставились на меня, а я на них и один из них сказал: «Эй, энто те снится, велика мальца дивчина!», и они все с ним тут же согласились! Затем тот *первый* спросил: «Не будешь ли ты любезна, велика мальца дивчина, в энтом своем *sne* поведать нам, где у вас тута скипидар?». И я ответила им, что скипидар хранится в амбаре и он сказал: «Айе? Тогда мы гэтьски. Но вот те мальца подарочек от фей, для великой мальца дивчинки, которая зараз пойдет спать!» И они исчезли!

Один из внуков, слушающих ее с открытым ртом, спросил:

– Что они тебе дали, бабуля?

– Вот это! – Милдред показала серебряную ложку. – И что странно, она как две капли воды похожа на ложки моей матери, которые загадочно пропали из ящика в ту же ночь! С тех пор я храню ее!

Все полюбовались ложкой. Затем один из внуков спросил:

– А как феи *выглядят*, бабуля?

Бабушка Милдред немного поразмышляла над вопросом.

– Они были не так прелестны, как можно было бы ожидать, – наконец ответила она. – Но намного вонючее. И как только они исчезли, раздался такой звук...

АААААААааааааУУУУуууууОООооооо...

Посетители «Королевских Ляжек» (хозяин трактир приметил, что многие гостиницы и трактиры назывались «Голова Короля» или «Рука Короля» и опознал пропуск в ассортименте) подняли глаза, когда с улицы донесся этот звук.

Через минуту дверь распахнулась.

– Доброй ночи, верзилы! – проревела фигура, возникшая в дверном проеме.

Зал моментально затих. Неуклюже переставляя ноги, вихляющиеся в разных направлениях, похожая на чучело фигура проковыляла к стойке бара и, с облегчением ухватившись за край, повисла на нем, подогнув колени.

– Мне велику ограмадну порцию наилучшего твоего виски, добрый мой приятель бармен, – раздался голос откуда-то из-под шляпы.

– Сдается мне, что ты уже достаточно набрался, дружок, – ответил брамен, незаметно протягивая руку к дубинке, хранящейся у него под стойкой для особых посетителей.

– Ты кого обозвал «дружком», парень? – взревела фигура, пытаюсь выпрямиться. – Это оскорбление, вот что! И набрался я не досыть, потому как коли б я набрался, то почему же у мя все еще есть энти денежки, а? Ну-ка, ответь!

Рука обвисла, залезла в карман, рывком вылезла из кармана и со стуком упала на стойку бара. Старинные золотые монеты покатались по стойке во все стороны и из рукава выпала пара серебряных ложек.

Тишина в трактире усугубилась. Десятки глаз пристально следили за сияющими дисками, скатившимися со стойки и продолжившими свой бег по полу.

– Еще я желаю унцию табака Бравого Морехода, – добавила фигура.

– Что пожелаете, сэр, – ответил бармен, воспитанный в духе уважения к золотым монетам. Он порыскал под стойкой и выражение его лица изменилось.

– О. Сожалею, сэр, табак кончился. Пользуется большой популярностью, Бравый Мореход. Но у нас полно...

Гость уже повернулся лицом к залу.

– Лады. Я даю полну пригоршню золота первому отвратцу, что отсыплет Бравого Морехода на понюшку! – закричал он.

Толпа изверглась. Заскрипели ножки столов. Стулья взлетели и упали.

Чучелоподобная фигура выхватила первую попавшуюся трубку и швырнула монеты в воздух. Немедленно завязалась борьба, а чучело повернулось к бармену и сказало:

– А пред тем, как я двину отседа, подай мне вот ту мальцу порцию виски, бармен. Ага, нет, ты не получишь, Велик Ян. Стыдись! Эй вы, ноги, заткнитесь немедленно! Пинта виски мне не повредит! О, айе? *Кто-то помер и ты теперя у нас Большой?* Слышь ты, отвратец, наш Роб тама остался! Айе, и ему тоже мальца перепадет!

Посетители трактира прекратили сражение за монеты и поднялись с пола, чтобы посмотреть на тело, части которого спорили между собой.

– И в любом разе, я в башке, так? Башка у нас за главного. Буду я еще слушать какие-то там коленки! *Молвил я те, Вулли, плоха это идея. Нам из кабака не просто выбратся!* Я от имени ног реку, что мы не собираемся стоять и зрить, как башка будет набираться, благодарим покорно!

Тут, к ужасу посетителей, нижняя часть фигуры повернулась и двинулась к двери, отчего верхняя половина завалилась вперед. Она отчаянно ухватилась за край стойки и выдала:

– Лады! О жаренных яйках и речи быть не может? – и затем фигура...
...развалилась напололам. Ноги сделали несколько шагов к двери и упали.

В потрясенной тишине откуда-то из штанов раздался голос:

– Кривенс! Время гэтьски!

В воздухе мелькнуло что-то размывчатое и дверь со стуком захлопнулась.

Спустя немного времени один из посетителей осторожно подошел и потыкал ворох старой одежды и тростей – все, что осталось от странного гостя. Шляпа покатила и он тут же отпрыгнул назад.

Перчатка, все еще висящая на стойке бара, упала на пол со стуком, который прозвучал очень громко.

– Ну что же, посмотрим на это таким образом, – сказал бармен. – Чем бы оно ни было, оно, по крайней мере, оставило здесь свои карманы...

С улицы донесся звук:

ААААААааааааУУУУууууууОООооооо...

Метла врезалась в соломенную крышу домика мисс Левел и застряла в ней. Фиглы, продолжая драться, посыпались с нее.

Сражающейся, пихающейся массой они вкатились в домик, ведя боевые действия всю дорогу вверх по лестнице и сгрудились пинающейся, толкающейся горой в спальне Тиффани, где к ним присоединились и те, кто оставался на посту около спящей девочки и мисс Левел.

Но постепенно до сознания драчунов пробился звук. Это пронзительно заиграла мышлинка, прорезаясь сквозь сражение, как меч. Руки ослабили свой захват на глотках, кулаки и ноги замерли в воздухе, полужанесенные.

Слезы струились по лицу Ужасна Велика Билли, играющего «*Цветики Степные*», самую печальную песнь на свете. В той песне говорилось про дом, про матерей, про добрые старые времена, что миновали бесследно, и про тех, кого нет больше с нами. Тоскливая мелодия раздирала душу фиглам, которые отпустили друг друга и потупились, слушая песнь о

предательстве, вероломстве и невыполненных обещаниях...

– Что за срам! – завопил Ужасен Велик Билли, выпуская изо рта мундштук мышлинки. – Срам на вас! Предатели! Изменники! Ваша карга бьется за саму свою душеньку! Где же ваша честь? – Билли швырнул жалобно пискнувшую мышлинку на пол. – Проклинаю я свои ноги, на яких стою тут пред вами! Осрамили вы само солнце, что вас освещает! Осрамили кельду, что породила вас! Предатели! Мерзопакостники! Что ж я поделал такого, что осужден быти посреде сборища татей? Тута кто-то возжелал побороться? Поборитесь со мной! Айте, *поборитесь со мной!* И я клянуся арфой моих костей, что закину я его на дно окияна, а затем дам ему пинка, чтоб долетел до луны, и узрю я его скачущего в Пекло верхом на ежике! Ярость моя бушует аки буря, что горы в песок стирает! Так кто из вас выйdet супротив меня?

Велик Ян, который был почти в три раза выше, чем Ужасен Велик Билли, попятился, когда маленький гоннагль встал перед ним. Ни один фигл не осмелится и рукой шевельнуть в такую минуту, не рискуя своей жизнью. На ярость гоннагля было страшно смотреть. Слово гоннагля может разить, как меч.

Вулли Валенок протиснулся вперед.

– Разумею я твою печаль, гоннагль, – пробормотал он. – То моя провина, из-за тупости моей. Треба было мне вспомнить про наши беды с кабаками.

Он выглядел таким подавленным, что Ужасен Велик Билли немного успокоился.

– Очень хорошо, – сказал он, но не столько спокойно, сколько холодно, потому что такой запал ярости так быстро не проходит.

– Боле о том молвить не будем. Но и забывать *не станем*, так?

Он указал на спящую Тиффани.

– А теперя возьмите шерстю, табак и скипидар. Откупорьте скипидар и капните на тряпки клок. И чтоб ни один – я розумливо реку? – ни *капелюшечки* не спробовал!

Фиглы, спотыкаясь друг о друга, кинулись исполнять приказание. Раздался звук рвущейся ткани – это от подола платья мисс Левел был отодран «тряпки клок».

– Так, – сказал Ужасен Велик Билли. – Вулли Валенок, положь все на перси велика мальчика карге, чтоб она их понюхала.

– Как же она их понюхает, коли лежит тут без сознания? – спросил Вулли.

– Нос не спит, – спокойно объяснил гоннагль.

Три запаха пастушьего вагончика были благоговейно возложены прямо под подбородком Тиффани.

– Теперя мы будем пождать, – сказал Ужасен Велик Билли. – Будем пождать и надеяться.

В маленькой спальне, где собрались фиглы и ведьмы, было жарко. Совсем немного времени понадобилось ароматам овечей шерсти, табака и скипидара, чтобы улетучиться и заполнить комнату...

Ноздри Тиффани дернулись.

Нос очень хорошо соображает. И у него хорошая память – очень хорошая. Настолько хорошая, что запах может вернуть вас в прошлое – резко до боли. И мозгу его не остановить. Мозг вообще беспомощен в таких случаях. Роитель контролировал мозг, но не мог контролировать, к примеру, желудок, который извергал пищу во время полета на метле. И роитель *ничего* не мог поделать с носом...

Запахи овечьей шерсти, скипидара и табака Бравый Мореход могли повести сознание за собой, к тому окруженному тишиной местечку, где было так тепло, надежно и безопасно...

Роитель открыл глаза и огляделся.

– Пастуший вагончик? – проговорил он.

Он выпрямился. Красный свет струился в открытую дверь вагончика, проникал сквозь частокол побегов, растущих повсюду. Многие деревья уже выросли и откидывали длинные тени, пряча солнце за решетку. Но вокруг пастушьего вагончика деревья вырубали.

– Это уловка, – сказал роитель. – Она тебе не поможет. Мы – это ты. Мы думаем как ты. У нас лучше получается думать как ты, чем у тебя.

Ничего не произошло.

Роитель выглядел как Тиффани, хотя он был немного выше ростом, потому что Тиффани считала себя выше, чем была на самом деле. Он вышел из вагончика на поляну.

– Становится поздно, – обратился он к тишине. – Посмотри на деревья! Это место умирает. Нам нет нужды спасаться бегством. Скоро все это станет частью нас. Всем, чем ты могла бы стать. Ты гордишься своим клочком земли. Мы же помним время, когда еще не было миров! Мы – ты, сможешь изменять все мановением руки! Ты можешь быть хорошей или плохой, но это *ты* будешь решать, что хорошо, а что плохо! И ты никогда не умрешь!

– Тоды что ж ты весь упрел, как куча навозу? Ну ты и мерзопакостник! – раздался голос за спиной роителя.

На мгновение роитель дрогнул. За долю секунды он успел несколько раз измениться. Мелькнули чешуя, плавники, зубы, остроконечная шляпа, когти... и затем здесь снова стояла Тиффани и улыбалась.

– О, Роб Всякограб, мы рады видеть тебя, – сказал роитель. – Не мог бы ты нам помочь...

– Не пытайся обдурить мя! – закричал Роб, подпрыгивая на месте от ярости. – Уж я-то всегда роителя отличу! Кривенс, те причитается справный пинок!

Роитель превратился во льва с зубами размером с меч и взревел.

– Ага, вот, значит, как? – сказал Роб Всякораб. – Побудь-ка здесь! – Он кинулся бежать и исчез.

Роитель снова принял форму Тиффани.

– Твой маленький друг убежал, – сказал он. – Выходи же. Выходи *сейчас же*. Зачем нас бояться? Мы – *это ты*. Ты не такая, как все эти безмозглые животные, глупые короли и жадные волшебники. Вместе...

Роб Всякограб вернулся, сопровождаемый... всеми.

– Ты умереть не можешь, – завопил он. – Но мы тебя заставим возжелать смерти!

И фиглы ринулись в бой.

Когда фиглы сражаются с крупным противником, у них есть преимущество – их размер. По маленьким и быстрым целям очень трудно попасть. Роитель давал отпор, меняя форму. Мечи звенели о чешую, головы натыкались на клыки – он кружился по луку, рыча и вопя, обретая свои прошлые формы, чтобы противостоять каждой атаке. Но фиглов убить не так-то просто. Они отскакивали, когда их швыряли, пружинили, когда на них наступали и легко уворачивались от клыков и когтей. Они сражались...

...и земля задрожала так неожиданно, что даже роитель потерял равновесие.

Пастуший вагончик заскрипел и начал погружаться в траву, раскрывающуюся вокруг него, как в масло. Деревья задрожали и один за другим опрокинулся навзничь, словно под травой им обрезали корни.

Земля... вздыбилась.

Скатываясь со вздымающегося склона, фиглы видели, как холмы устремлялись в небо. То, что было здесь, что всегда было здесь, начало проявляться.

В темное небо поднимались голова, плечи, грудь... Кто-то, кто лежал под растущей травой, чьи ноги и руки были холмами и долинами, садился. Он двигался с каменной медлительностью, сдвигая миллионы тонн почвы. То, что казалось двумя длинными перекрещенными насыпями, оказалось

гигантскими зелеными руками.

Рука с пальцами размером с дом протянулась, взяла роителя и подняла его в воздух.

Где-то вдалеке послышались три глухих удара. Похоже, что звуки раздавались во внешнем мире. Фиглы, наблюдающие с маленького холма, бывшего коленкой гигантской девочки, не обратили на них никакого внимания.

– Она молвит земле, что она такое и земля молвит ей, кто она есть, – сказал Ужасен Велик Билли, по лицу которого текли слезы. – И не смочь мне песню об этом сложить! Не настолько я хорош!

– Это велика мальчика карга грезит, что она холмы или холмы грезят, что они велика мальчика карга? – спросил Вулли Валенок.

– И то и другое, мабуть, – ответил Роб Всякограб.

Они смотрели, как гигантская рука сжалась, и содрогнулись.

– Но роителя убить не можна, – сказал Вулли Валенок.

– Айе, зато вышвырнуть можна, – ответил Роб Всякограб. – Тама снаружи велика вселенная. Если бы я был роителем, я бы и не помышлял о карге боле!

Откуда-то издалека донеслись три удара, более громкие на этот раз.

– Думается мне, – продолжал он, – что время нам гэтьски.

Кто-то с силой стучал в дверь домика мисс Левел. Бум. Бум. Бум.

Глава девятая

Душа и сосредоточие

Тиффани открыла глаза, вспомнила все и подумала: приснилось ли мне это или случилось на самом деле?

И затем она подумала: откуда мне знать, что я это я? Допустим, это не я, но только думаю, что это я? Как я могу сказать, я это или нет? И кто эта я, что задает все эти вопросы? Я ли думаю все эти мысли? Как бы я узнала, что не я?

– Меня не пытай, – сказал голос рядом с ее головой. – Вопросцы-то с подковыркой?

Это был Вулли Валенок. Он сидел на ее подушке.

Тиффани скосила глаза. Она лежала в кровати в доме мисс Левел. Перед ней расстилалось зеленое одеяло. Одеяло. Зелень. Не трава, не холмы... но отсюда оно казалось пастбищем.

– Я сказала все это вслух? – спросила Тиффани.

– О, айе.

– Э... это все произошло на самом деле, да? – спросила Тиффани.

– О, айе, – жизнерадостно ответил Вулли. – Велика карга вот только заявила, но она рекла, что ты навряд ли тварюгой проснешься.

Обрывки воспоминаний ворвались в память Тиффани, как раскаленные докрасна метеориты врываются в безмятежную атмосферу мирной планеты.

– С вами со всеми все в порядке?

– Ох, айе.

– А с мисс Левел?

Новый метеорит был огромным. Это была огненная гора, угрожающая жизни миллионам динозавров. Тиффани прижала ладони ко рту.

– Я убила ее! – сказала она.

– Не-а, ты не...

– Я убила! Я осознавала, что думаю об убийстве. Она разозлила меня! И я только махнула рукой, вот так... – Нак Мак Фиглы попрятались кто куда. – И она взорвалась, не оставив ни следа. Это я сделала! Я помню!

– Айе, но карга из карг рекла, что энто роитель твоими мозгами помышлял... – заговорил Вулли Валенок.

– Я помню! Это моих рук дело, вот этих!

Фиглы, приподнявшие было головы, снова нырнули обратно.

– И... Мои воспоминания... Я помню пыль, ставшую звездами... Разные вещи... Жару... Кровь... Вкус крови... Я помню... Я помню фокус «увидь себя»! Ох, нет! Да я просто сама *пригласила* его в себя! И я убила мисс Левел!

Тени сгустились перед ее взором и в ушах зазвенело. Сквозь звон Тиффани слышала, как дверь распахнулась и чьи-то руки легко подхватили ее, словно она была воздушным шариком. Ее перекинули через плечо, быстро вынесли вниз на улицу, на яркое утреннее солнце и опустили на землю.

– ...И все мы... мы убили ее... взять тигель серебра... – забормотала она.

Чья-то рука хлестнула Тиффани по лицу. Сквозь заполняющий ее туман она различила высокую темную фигуру, стоящую перед ней. В ладонь Тиффани решительно втиснули ручку от ведра.

– Тиффани, подои коз! Немедленно, Тиффани, слышишь? Они ждут тебя! Они ждут Тиффани, которая всегда доит коз. За работу, Тиффани. Руки знают, что делать, а ум *вспомнит* и станет сильнее, Тиффани!

Ее усадили на стул и сквозь туман в голове она разглядела съезжившуюся фигуру... Черной Мэг.

Руки помнили. Они поставили ведро, взяли за соски и затем, когда Мэг подняла ногу, чтобы сыграть в игру «поставь ногу в ведро», схватили ногу и поставили обратно.

С головой, наполненной горячим туманом, Тиффани медленно доила коз, позволяя рукам делать свое дело. Ведра наполнили и опустошили, подоенным козам дали еды...

Сентимент Суетон был изрядно озадачен тем, что его руки доят козу. Он остановился.

– Как тебя зовут? – спросил голос за его спиной.

– Суетон. Сенти...

– Нет! Это волшебник, Тиффани! Его эхо самое сильное, но он не ты! Иди в сыроварню, ТИФФАНИ!

По команде того же самого голоса она пошатываясь прошла в холодную сыроварню и мир стал более различимым. На каменной плите лежал испортившийся слезящийся сыр, распространявший вонь.

– Кто это сюда положил? – спросила она.

– Роитель, Тиффани. Попытался сделать сыр с помощью магии, ха! – ответил голос. – Но ты не он, Тиффани. Ты *знаешь*, как надо делать сыр, верно, Тиффани? Конечно, ты *знаешь*! Как тебя зовут?

...все было сплошной неразберихой и пахло очень странно. В панике она зарычала...

Ее снова хлестнули по лицу.

– Нет, это саблезубый тигр, Тиффани! Всего лишь обрывки старой памяти, забытые роителем, Тиффани! Он износил много существ, но все они – не ты! Подойди сюда, Тиффани!

Она слышала слова, но не понимала их смысла. Они исходили от людей, которые были не больше, чем тени. Но у нее даже мысли не возникало послушаться того голоса.

– Да пропади ты все пропадом! Где этот маленький синий парнишка? Мистер Всякограб?

– Здесь, госпожа. Роб Всякограб, госпожа. Очень просим вас не превращать мя во что-нить дивовидное, госпожа!

– Ты говорил, что у нее есть коробка с сувенирами. Сию минуту принеси ее сюда. У меня были опасения, что это случится. Как я ненавижу прибегать к такому способу!

Сильные руки взяли Тиффани за плечи и развернули. Она поглядела в расплывающееся лицо. Голубые глаза пристально смотрели на нее. Они сияли во мгле, как два сапфира.

– Как тебя зовут, Тиффани? – спросил голос.

– Тиффани!

Глаза впились в нее.

– Вот как? Правда? Спой мне первую песню, которую ты выучила, Тиффани! *Пой!*

– Хзан, зана, м'таза...

– Стоп! Этой песне на меловых холмах не учат! Ты не Тиффани! Сдается мне, ты та королева из пустыни, что отравила двенадцать мужей скорпионовыми сэндвичами! Мне нужна Тиффани! Прочь в тьму!

Все вокруг снова расплылось. Сквозь туман до нее доносился приглушенный разговор и она услышала, как тот голос сказал:

– Может быть, это поможет. Как тебя зовут, пиктси?

– Ужасен Велик Билли Подбородище Нак Мак Фигл, госпожа.

– Ты *слишком* мал, а?

– Только для моего роста, госпожа.

Тиффани снова стиснули за плечи. Голубые глаза засверкали.

– Что означает твое имя на Древнем Наречии Нак Мак Фиглов, Тиффани? *Думай...*

Знание всплыло из глубин ее сознания, разгоняя туман. Оно прорвалось сквозь протестующие голоса и подняло ее выше досягаемости

призрачных рук. Облака впереди расступились.

– Мое имя означает – Земля Под Волной, – сказала Тиффани и повалилась вперед.

– Нет, нет, ни в коем случае, только не это, – сказала фигура, подхватившая ее. – Хватит с тебя сна. Хорошо, ты знаешь, кто ты есть! А сейчас надо проснуться и заняться делами! Ты должна быть Тиффани изо всех своих сил, и от этого зависит, оставят ли тебя в покое другие голоса. Хотя, наверное, сэндвичи тебе лучше пока не делать.

Тиффани чувствовала себя лучше. Она смогла назвать свое имя. Крики в ее голове стихли, но они еще продолжали бормотать и это мешало ясно мыслить. Но, по крайней мере, она могла все четко видеть. Фигура, одетая в черное, не была высокой, но она так хорошо притворялась таковой, что одурачивала большинство людей.

– Ох... вы... Госпожа Ветровоск?

Госпожа Ветровоск мягко подтолкнула ее в кресло. С каждой поверхности в кухне за Тиффани наблюдали Нак Мак Фиглы.

– Да, это я. Ну и беспорядок здесь у нас. Сейчас мы отдохнем минуточку и затем встанем и примемся...

– Доброе утро, леди. Эээ, как она?

Тиффани повернула голову. В дверях стояла мисс Левел. Она была бледной и опиралась на палку.

– Я лежала и думала: с какой стати я должна валяться и жалеть себя, – сказала мисс Левел.

Тиффани встала.

– Мне так... жаль... – начала она, но мисс Левел рассеяно махнула рукой.

– Не твоя вина, – сказала она, тяжело усаживаясь у стола. – Как ты? И, если уж на то пошло, кто ты?

Тиффани покраснела.

– По-моему, все еще я, – пробормотала она.

– Я прилетела ночью и занялась мисс Левел, – сказала госпожа Ветровоск. – И тебя стерегла тоже, девочка. Ты разговаривала во сне, вернее, Сентимент Суэтон – то, что осталось от него, говорило. Этот старый волшебник оказался довольно полезным, если учесть, что он не более, чем сгусток воспоминаний и привычек.

– Я не понимаю причем тут волшебник, – сказала Тиффани. – И пустынная королева.

– Не понимаешь? – спросила ведьма. – Видишь ли, роитель собирает людей. Пытается усилить себя ими, можно и так сказать; использует их

мозги, чтобы думать. Сотни лет назад доктор Суетон изучал их и сделал ловушку, чтобы поймать одного из них. Но вместо этого он сам оказался пойманным, глупец. Роитель убил его, в конце концов. Он всех их убивает рано или поздно. Люди сходят с ума и забывают, что делать нельзя. Но роитель хранит что-то вроде... бледной копии существ, что-то вроде живущих воспоминаний... – она поглядела на озадаченную Тиффани и пожала плечами. – Что-то вроде призраков.

– И роитель оставил *призраки* в моей голове?

– Скорее призраки призраков, – ответила госпожа Ветровоск. – Что-то такое, для чего мы может и не имеем слова.

Мисс Левел содрогнулась.

– Слава Богам, ты избавилась от него, – с дрожью в голосе проговорила она. – Кто-нибудь хочет выпить чаю?

– Ага, предоставьте это нам! – завопил Роб Всякограб, подскакивая на месте. – Вулли Валенок, ну-ка бери хлопцев и завари чаек для леди!

Фиглы загремели посудой.

– Спасибо, – бессильно проговорила мисс Левел. – Я чувствую себя такой неуклюжей... *Что?* А разве вы не перебили все чашки, когда мыли посуду?

– Ох, айе, – жизнерадостно ответил Роб. – Но Вулли нарыл кучу старых чашек, что были заперты в буфете...

– *Это очень ценный фарфор, подаренный мне очень дорогим другом!* – вскричала мисс Левел. Она вскочила и кинулась к раковине. С удивительной скоростью для наполовину умершей, она отобрала у изумленных пиктси чашку, чайник и блюдце и подняла их как можно выше.

– Кривенс! – сказал Роб Всякограб, уставившись на посуду. – Вот это я называю настоящим каргованием!

– Я прошу прощения за грубость, но они очень много значат для меня! – ответила мисс Левел.

– Мистер Всякограб, ты и твои парни, отойдите от мисс Левел и *замолчите!* – быстро встряла госпожа Ветровоск. – Не смейте мешать мисс Левел заваривать чай!

– Но она держит... – в изумлении сказала Тиффани.

– И ты, девочка, тоже. Предоставь ей самой заниматься чаем! – отрезала ведьма.

– Айе, но она держит чайник без... – заговорил кто-то.

Старая ведьма резко повернулась к говорящему. Фиглы отпрянули, словно деревья, согнутые ураганом.

– Вулли Валенок, – холодно сказала она. – В моем колодце как раз есть

местечко еще для одной лягушки, правда, у тебя даже лягушачьих мозгов нет!

– Хахаха, энто чиста правда, госпожа, – ответил Вулли Валенок, гордо выпячивая подбородок. – Тут-то я вас поймал! У меня мозг как у жука!!

Госпожа Ветровоск пристально поглядела на него, затем снова повернулась к Тиффани.

– Я превратила кого-то в лягушку! – сказала Тиффани. – Это был такой кошмар! Он не поместился весь в лягушку и осталось что-то вроде огромного розового...

– Ну что уж сейчас об этом говорить, – сказала госпожа Ветровоск таким спокойным и будничным голосом, что он прозвенел, как колокольчик. – Тебе наверное здесь все кажется не таким как дома, а?

– Что? Да, дома я никогда не превращала... – удивленно начала говорить Тиффани, но тут она заметила, что ведьма яростно делала круговые движения рукой над коленями, что должно было означать: *Продолжай, будто ничего не происходит.*

И поэтому они как ненормальные болтали об овцах. Госпожа Ветровоск сказала, что овцы дают очень много шерсти и Тиффани ответила, что это правда, просто чрезвычайно много. И госпожа Ветровоск согласилась, что именно это она о них и слышала – чрезвычайно много шерсти... и все это время глаза всех присутствующих были обращены на мисс Левел...

...которая заваривала чай в четыре руки, двух из которых больше не существовало, и не осознавала это.

Черный чайник проплыл через комнату и наклонился над заварником. Чашки, блюдца, ложки и сахарница целенаправленно двигались над столом.

Госпожа Ветровоск наклонилась к Тиффани.

– Я надеюсь, ты по-прежнему чувствуешь себя... собой? – прошептала она.

– Да, спасибо. Вернее, я могу... что-то вроде... чувствовать их, но они не мешают... эээ... рано или поздно она осознает... так ведь?

– Очень интересная штука, ум человека, – прошептала старая ведьма. – Однажды мне пришлось ухаживать за беднягой, которого придавило деревом. Он потерял обе ноги ниже колен и ему пришлось сделать деревянные ноги. Их сделали из того самого дерева, что, я полагаю, может служить некоторым утешением, и он неплохо с ними управлялся. Но я помню, как он говорил: «Госпожа Ветровоск, я до сих пор могу время от времени чувствовать пальцы своих ног». Будто голова не хочет принять то,

что произошло. И мисс Левел, она не то чтобы... начать с того, что она не из тех людей, что можно встретить каждый день, то есть, она привыкла работать с парой рук, которых она не могла видеть...

– Ну вот и все, – сказала мисс Левел, суетливо подходя с тремя чашками на блюдцах и сахарницей. – Она для вас, одна для тебя и одна для... Ох...

Сахарница выпала из невидимой руки и сахар рассыпался по столу. Мисс Левел в ужасе уставилась на него, в то время как чашка и блюдце висели, подрагивая, в воздухе без всякой видимой поддержки.

– Закройте глаза, мисс Левел! – и в голосе было что-то такое, какая-то острота или странные нотки, что Тиффани тоже непроизвольно закрыла глаза.

– Так! Вы знаете, что чашка здесь, вы можете чувствовать свою руку, – сказала госпожа Ветровоск, вставая. – Доверьтесь этому чувству! Ваши глаза не знают все факты! А сейчас плавно поставьте чашку на стол... воот так. Можете открыть глаза. Но вот что бы я хотела – окажите мне любезность, *положите те руки, что вы можете видеть, перед собой на стол*. Вот так. Хорошо. Теперь, не убирая рук со стола, подойдите к шкафчику и принесите мне вон ту голубую жестянку с печеньем, будьте так добры. Я обычно предпочитаю чай с печеньем. Большое спасибо.

– Но... я не могу этого сделать...

– Давайте опустим «Я не могу», мисс Левел, – отрезала госпожа Ветровоск. – Не думайте об этом, а делайте! Мой чай остывает!

Значит, вот еще какое бывает ведовство, думала Тиффани. Бабушка Болит так разговаривала с животными. Колдовство в голосе! Надо чередовать резкие и мягкие интонации, применять короткие команды и слова одобрения, и *все время* говорить и говорить, заполняя мир животных словами, так, чтобы пастушьи собаки подчинялись, а испуганные овцы успокаивались...

Жестянка с печеньем выплыла из шкафчика. Когда она оказалась около старой ведьмы, крышка открылась. Госпожа Ветровоск изящно потянулась к ней.

– Ооо, покупное печенье «К чаю», – сказала она, беря четыре печеньки и быстро убирая три из них в карман. – Какая роскошь.

– Это невыносимо тяжело! – простонала мисс Левел. – Все равно, что пытаться не думать о розовом носороге!

– Да? – сказала госпожа Ветровоск. – Что такого особого в недумании о розовом носороге?

– Невозможно о нем не думать, если кто-то сказал вам, что вы не

должны думать, – объяснила Тиффани.

– Очень даже возможно, – твердо ответила госпожа Ветровоск. – Я вот совершенно не думаю о розовом носороге, могу дать вам свое слово. Мисс Левел, вы должны управлять своими мыслями. Вы говорите, что потеряли одно из своих тел? Но в конечном счете, что такое это ваше запасное тело? Одни затраты – дополнительная еда, одежда, мебель... одним словом, сплошное *неудобство*. Приведите свой ум в нужное состояние и мир будет вашим...

Старая ведьма наклонилась к Тиффани и прошептала:

– Как называются те штучки, что живут в море, такие маленькие и их еще едят?

– Креветки? – предположила озадаченная Тиффани.

– Креветки? Хорошо. И мир будет вашей креветкой, мисс Левел. И выгода не только в экономии на еде и одежде, от чего тоже нельзя отмахиваться в наши трудные времена; но когда люди увидят, как вы передвигаете предметы без помощи рук, они скажут: «Вот это ведьма так ведьма, никаких сомнений!», и они будут правы. Держитесь за это ваше умение, мисс Левел, совершенствуйте его. И подумайте над тем, что я вам сказала. А сейчас вам надо отдохнуть. Мы позаботимся о сегодняшних делах. Вы только напишите мне списочек, и Тиффани покажет, где и что.

– Ну... И правда. Я чувствую себя... какой-то надтреснутой, – ответила мисс Левел, машинально откидывая волосы от глаз своей невидимой рукой. – Дайте-ка я подумаю... Вам надо будет зайти к мистеру Амбрилу, госпоже Тюрви и поглядеть на мальчонку Раделов, а также проверить синяк миссис Тауни, отнести «Мазь Номер Пять» мистеру Дроверу, посетить старую миссис Хантер, что живет в Веселом Уголке, и... кого я еще забыла...?

Тут Тиффани осознала, что она затаила дыхание. У нее был такой ужасный день и кошмарная ночь, но то, что готовилось сорваться с языка мисс Левел, было, каким-то образом, хуже всего.

– ...Ах, да, еще надо переговорить с мисс Торопыгой в Атерклифе, возможно, что после этого вам придется поговорить и с миссис Торопыгой. Еще надо будет закинуть несколько пакетов по пути, они лежат у меня в корзинке, все помеченные. И, я думаю, на этом все... Ох, нет, вот я растяпа, чуть не забыла... Вам еще придется заглянуть к мистеру Ткачику.

Тиффани выдохнула. Хотя не хотела этого делать. Она бы предпочла вообще больше не дышать, чем открыть пустую коробку перед лицом мистера Ткачика.

– Ты уверена, что ты... полностью ты, Тиффани? – спросила мисс

Левел, и Тиффани жадно ухватилась за спасительный повод не ходить.

– Ну, я чувствую себя немно... – начала было она, но госпожа Ветровоск оборвала ее: – Она в полном порядке, мисс Левел, если не обращать внимания на отголоски. Но роителя здесь нет, я могу вас заверить.

– Правда? – спросила мисс Левел. – Я не хочу показаться невежливой, но как вы можете быть так уверены?

Госпожа Ветровоск показала вниз.

Рассыпанный сахар, кристалл за кристаллом, катился по столу и запрыгивал в сахарницу.

Мисс Левел хлопнула в ладони.

– Ох, Освальд, – сказала она, вся сплошная улыбка. – Ты вернулся!

Мисс Левел и, возможно, Освальд проводили их до калитки.

– Твои синие человечки за ней присмотрят, – сказала госпожа Ветровоск, когда они свернули на лесную тропинку. – Глядишь, теперь, когда она наполовину умерла, дела у нее пойдут получше.

Тиффани была потрясена.

– Как вы можете быть такой жестокой?

– Когда все увидят, как она передвигает предметы без помощи рук, ее начнут хоть немного уважать. Уважение для ведьмы – это ее хлеб. Если тебя не уважают, ты не получишь ни кусочка. А наша мисс Левел особым признанием не пользуется.

Это было правдой. Люди не очень-то уважали мисс Левел. Это было правдой. Люди не очень-то почитали мисс Левел. Да, она им нравилась каким-то необъяснимым образом, но и только. Госпожа Ветровоск была права, но Тиффани хотелось, чтобы она ошибалась.

– Почему же вы с мисс Тик послали меня к ней? – спросила она.

– Потому, что она любит людей, – сказала ведьма, быстро шагая по тропинке. – Она заботится о них. Даже о тупых, неприятных и слюнявых, о безалаберных машахах с сопливыми ребятишками на руках, о бесполезных, слабоумных и о тех болванах, которые обращаются с ней, как с прислугой. Вот *это* то, что я называю магией – видеть все это, сталкиваться со всем этим и тем не менее продолжать заботиться о них. Сидеть всю ночь с умирающими, облегчая им боль, успокаивая их страхи, заботясь, чтобы они благополучно перешли в мир иной... и затем обмывать их и помогать плачущей вдове сменить и постирать постельное белье – что, позволь мне сказать тебе, работенка не для малодушных – и остаться на *следующую* ночь сидеть у гроба, а затем возвратиться домой и успеть отдохнуть всего лишь пять минут, потому что в дверь застучит

обезумевший фермер, у которого жена рождает первенца, а акушерка не знает, что делать, и встать, взять сумку и пойти... Мы все этим занимаемся, каждый по своему, но положи руку на сердце, я скажу, что у нее это получается лучше, чем у меня. *Это* корни, сердце, душа и сосредоточие ведовства, вот что это такое. Душа и сосредоточие! – госпожа Ветровоск ударяла кулаком в ладонь, отчеканивая каждое слово: – Душа... и... *сосредоточие!*

Во внезапно наступившей тишине ее слова эхом отразились от деревьев. Даже кузнечики перестали стрекотать в траве.

– И миссис Иервиг, – пророкатола госпожа Ветровоск. – *Миссис Иервиг* рассказывает своим девочкам, что ведовство – это космический баланс, звезды, круги, цвета и волшебные палочки и... и *игрушки*, всего лишь игрушки и ничего больше! – Она фыркнула. – О, я согласна, что для *украшений* они сгодятся – чтобы глаз отдохнул, пока ты работаешь; чтобы покрасоваться. Но начало и конец, *начало и конец*, это помощь людям, жизнь которых находится на краю. Даже тем, кто тебе не нравится. Со звездами легко, с людьми – трудно.

Она замолчала. И лишь через несколько секунд птицы запели снова.

– В общем, вот так я думаю, – добавила она тоном человека, заподозрившего, что зашел немного дальше, чем намеревался.

Тиффани ничего не ответила и когда госпожа Ветровоск повернулась к ней, она увидела, что Тиффани стоит на тропинке с самым разнесчастным видом.

– Что с тобой, детка? – спросила госпожа Ветровоск.

– Это была я! – закричала Тиффани. – Роитель *был* мной! Он не использовал мой мозг, чтобы думать, он использовал мои мысли! Он делал лишь то, что было у меня в голове! Все оскорбления... все эти... – у нее перехватило дыхание. – Вся эта мерзость... Это все я...

– ...но без той частички тебя, что была надежно спрятана, – резко вставила госпожа Ветровоск. – Помни об этом.

– Да, но предположим... – начала было Тиффани, борясь за право излить горе до конца.

– Недостоящая часть была очень важной, – сказала госпожа Ветровоск. – Научиться не делать что-то так же трудно, как научиться это *делать*. А может быть и труднее. В мире было бы куда как больше лягушек, если бы я не знала, как *не* превращать в них людей. И розовых воздушных шаров тоже было бы больше.

– Не надо, – содрогнулась Тиффани.

– Вот поэтому мы и ходим по деревьям, лечим и все прочее, –

продолжала госпожа Ветровоск. – Нет, конечно, и потому, что людям нужна помощь. Но прежде всего потому, что так ты обретаешь центр тяжести и не колеблешься. Наша работа, она фиксирует нас. Сохраняет человечность, удерживает от хихиканья. А у твоей бабушки были овцы, которые, на мой взгляд, так же глупы, своенравны и неблагодарны, как и люди. Ты посчитала себя плохой, поглядев со стороны? Ха! Видала я плохих и ты с ними даже рядом не стояла. А теперь может хватит ныть?

– Что? – взвилась Тиффани.

К внезапной ярости Тиффани, госпожа Ветровоск рассмеялась.

– Ты ведьма до мозга костей, – сказала она. – Ты огорчена, но в глубине души наблюдаешь за своими страданиями и думаешь: «Ах я бедняжка!», а *еще* глубже ты злишься на *меня* за то, что я не жалею тебя: «Ну, ну, милая, хватит». Дай же мне поговорить с твоим Третьим Помыслом, потому что я хочу услышать ту девочку, что отправилась к Королеве эльфов с одной лишь сковородкой, а не ребенка, жалеющего себя и погрязшего в страданиях.

– Что? Я *не* погрязла в страданиях! – закричала Тиффани, подскакивая к госпоже Ветровоск так близко, что между ними осталось лишь пара дюймов. – И что вы там говорили про чуткость к людям, а?

С древесных крон слетело несколько листьев.

– К ведьмам это не относится, особенно к таким ведьмам, как ты! – отрезала господу Ветровоск, тыкая ее в грудь пальцем, твердым, как дерево.

– А? А? Это каким, таким? – По лесу проскакал олень. Поднялся ветер.

– Таким, которые не слишком внимательны, дитя!

– Да? И что же я упустила такого, что только вы и *заметили...* старушка?

– Может я и старушка, но я тебе говорю, роитель все еще где-то рядом! Ты изгнала его из себя, но и только! – закричала госпожа Ветровоск. Перепуганные птицы сорвались с деревьев.

– Я знаю! – завопила в ответ Тиффани.

– О, да? В самом деле? И как ты об этом узнала?

– Потому что кусочек меня остался в нем! Кусочек меня, о котором бы я предпочла не знать! Я могу *чувствовать* его! А вот *вы* откуда знаете?

– Оттуда, что я чертовски хорошая ведьма, вот откуда! – рывкнула госпожа Ветровоск и кролики зарылись глубже в свои норы. – И что ты мне прикажешь с ним делать, пока сама будешь сидеть здесь и хныкать, а?

– Да как вы смеете! Как вы *смеете!* Я несю за него ответственность! Я

буду разбираться с ним сама, если позволите!

– Ты? С роителем? Для него потребуется нечто большее, чем сковородка! Его нельзя убить!

– Я найду способ! Ведьма – это та, кто находит решение!

– Ха! Интересно будет посмотреть на твои старания!

– Я это сделаю! – закричала Тиффани. Начался дождь.

– А? Так ты знаешь, как с ним сражаться, да?

– Не несите чушь! Я не смогу с ним сразиться! Он будет просто избегать меня! Он может даже зарыться в землю! Но он придет за мной, понятно? *За мной* и ни за кем другим! Я *знаю* это! И на этот раз я буду готова!

– Будешь готова, действительно? – спросила госпожа Ветровоск, складывая руки на груди.

– Да!

– Когда?

– Сейчас!

– Нет!

Старая ведьма выставила руку.

– Мир этому месту, – спокойно сказала она. Ветер стих. Дождь прекратился. – Нет, не сейчас, – продолжила она, когда воцарился мир. – Сейчас он на тебя не нападает. Ты находишь это странным? Если бы у него был язык, он бы зализывал раны. И ты еще не готова, что бы ты там ни думала. Нет, сначала нам надо кое-что закончить, верно?

Тиффани потеряла дар речи. Прилив ярости внутри нее был таким жарким, что ее уши запылали. Но госпожа Ветровоск улыбалась. Эти два факта плохо соответствовали друг другу.

Ее Первый Помысел подумал: «Я только что разругалась в пух и прах с самой госпожой Ветровоск! Говорят, что если ткнуть ее ножом, кровь не появится, пока она сама не захочет этого! Говорят, что когда вампиры укусили ее, они все возжаждали чая с печеньем. Она может делать что угодно и быть где угодно! И я назвала ее старушкой!»

Ее Второй Помысел отозвался: «Она и есть старушка».

Третий Помысел сказал: «Да, и она госпожа Ветровоск. Она не дает твоей злости угаснуть. Пока ты будешь злиться, в твоей голове не будет места для страха».

– Сохрани эту ярость, – сказала госпожа Ветровоск, как будто прочитав ее мысли. – Помести ее в сердце, запомни, откуда она взялась, запомни ее форму, храни, пока она тебе не понадобится. Но сейчас волк прячется в лесу и надо присмотреть за отарой.

Это все голос, думала Тиффани. Она разговаривает с людьми так, как бабушка Болит говорила с овцами, разве что не сквернословит. Но я чувствую себя... лучше.

– Спасибо, – ответила она.

– И в том числе за мистером Ткачиком.

– Да, – ответила Тиффани. – Я знаю.

Глава десятая

Поздний Цвет

День выдался... насыщенным. В горах госпожу Ветровоск знал *каждый*. Если тебя не уважают, говаривала она, то ничего и не получишь. Сегодня ей досталось все. А кое-что даже перепало Тиффани.

С ними обращались как с особами королевской крови – нет, их не тащили, чтобы отрубить голову или сделать что-то неприятное раскаленной кочергой – но люди потрясенно отходили, бормоча: «Какая любезность, она пожала мне руку! Я больше никогда не буду мыть руки!»

Многие из тех, с кем они повстречались сегодня, вообще никогда не мыли руки, с жеманством молочницы думала Тиффани. Но народ толпился около дверей, высматривая и выслушивая, а кое-кто из них даже украдкой подбирался к Тиффани, чтобы спросить: «Не хочет ли госпожа Ветровоск чаю? Я вычистила наши чашки!» И еще Тиффани заметила, что в каждом саду, мимо которго они проходили, пчелы в ульях начинали сильнее жужжать.

Тиффани старательно трудилась, стараясь сохранить присутствие духа, пытаясь сосредоточиться на своей работе. Обработывая раны как можно тщательнее, а если попалась гноящаяся рана, то думай о том, как будет здорово, когда все закончится. Она подозревала, что госпожа Ветровоск не одобрила бы такой подход. Но Тиффани тоже не очень сильно нравилась позиция госпожи Ветровоск. Она все время лга... – *никогда не говорила правду*.

Взять уборную семейства Радделов. Мисс Левел несколько раз во всех подробностях объяснила мистеру и миссис Раддел, что уборная расположена слишком близко к колодцу и что их дети все время болеют из-за крошечных созданий, попадающих в питьевую воду. Они очень внимательно выслушивали каждую лекцию, но так до сих пор не передвинули уборную. Однако госпожа Ветровоск сказала им, что жети болеют из-за гоблинов, которых привлекают запахи, и к тому времени, когда они уходили из дома Радделов, хозяин дома с тремя дружками уже копали новый колодец на другом конце сада.

– Крошечные создания действительно живут в воде, знаете ли, – сказала Тиффани, которая как-то раз заплатила яйцо странствующему учителю, чтобы встать в очередь и посмотреть сквозь **«Удивительное**

Микраскапическое Устройство! Зоопарк в Каждой Капле Стоялой Воды!». На следующий день она чуть не упала в обморок, пытаясь воздержаться от питья. Некоторые из этих созданий были *волосатыми*.

– В самом деле? – саркастически спросила госпожа Ветровоск.

– Да. Это так. И мисс Левел говорит им правду!

– Прекрасно. Она замечательная, правдолюбивая женщина, – ответила госпожа Ветровоск. – Но как по мне, так людям надо говорить то, что они в состоянии понять. Я так понимаю, что сначала тебе придется изменить мир и пару раз постучать мистера Раддела головой об стенку, прежде чем он сможет поверить, что болезнь может быть вызвана крошечными созданиями в питьевой воде. И пока ты будешь этим заниматься, его дети будут болеть. Но *сегодня* он верит в гоблинов. И эта история возымеет нужное действие. А когда я увижусь с мисс Тик, то скажу ей, что пора бы странствующим учителям появиться здесь.

– Ну хорошо, – неохотно согласилась Тиффани. – Но вы сказали мистеру Амбрилу, башмачнику, что его грудная боль пройдет, если он в течении месяца будет каждый день приходить к водопаду у Тамбл Краг и бросать три блестящих камешка в озеро для водяных! Какое же это лечение!

– Это не лечение, но он в него верит. Человек проводит слишком много времени, сидя в три погребели. Пятимильные прогулки на свежем воздухе, каждый день в течении месяца, пойдут ему на пользу, – ответила госпожа Ветровоск.

– О, – сказала Тиффани. – Еще одна история?

– Если угодно, – согласилась госпожа Ветровоск и ее глаза сверкнули. – И как знать, может водяные отблагодарят его за камешки.

Она заметила выражение лица Тиффани и похлопала ее по плечу.

– Не берите в голову, мисс, – сказала она. – И вообще, погляди на это таким образом. Завтра ты займешься улучшением мира. А я постараюсь, чтобы людям стало хоть немного лучше уже сегодня.

– По-моему... – заговорила Тиффани и замолчала. Она окинула взглядом леса, обрамляющие поля в долине, и луга на горных склонах.

– Он все еще здесь, – сказала она.

– Я знаю, – ответила госпожа Ветровоск.

– Он ходит вслед за нами, но старается не попадаться нам на глаза.

– Я знаю, – повторила госпожа Ветровоск.

– Что же, по его мнению, он делает?

– В нем есть частичка тебя. Что, по-твоему, он делает?

Тиффани задумалась. Почему он не нападает? О, на этот раз она

встретит его подготовленной, но все равно, у него достаточно силы.

– Возможно он ждет, когда я снова расстроюсь, – предположила она. – Но у меня в голове все время вертится одна мысль. Совершенно бессмысленная. Я все время думаю о... трех желаниях.

– Желаниях чего?

– Я не знаю. Это звучит так глупо.

Госпожа Ветровоск остановилась.

– Нет, не глупо. Ты пытаешься что-то сообщить самой себе. Запомни эту мысль. Потому что сейчас...

Тиффани вздохнула.

– Да, я знаю. Мистер Ткачик.

Ни к одной пещере с драконом не подходили с такой осторожностью, как к этому дому посреди заброшенного сада.

Тиффани приостановилась у калитки и оглянулась назад, но госпожа Ветровоск дипломатично исчезла. Возможно, она нашла кого-то, кто угостит ее чаем со сладким печеньем, подумала Тиффани. Госпожа Ветровоск просто жила на чае с печеньем.

Тиффани открыла калитку и пошла по дорожке.

Ты не можешь сказать – я не виновата. Ты не можешь сказать – я за это не отвечаю.

Все, что ты можешь сказать – я разберусь.

Ты можешь не хотеть. Но сделать это ты обязана.

Тиффани глубоко вздохнула и вошла в темный коттедж.

Дверь открывалась прямо в комнату, где в своем кресле спал мистер Ткачик, раскрыв рот и демонстрируя всему миру свои желтые зубы.

– Эмм... Здравствуйте, мистер Ткачик, – с дрожью в голосе сказала Тиффани, может только не достаточно громко. – Зашла, эээ, проверить вас, что все... все в порядке...

Тем не менее, старик всхрапнул, проснулся и причмокнул губами, прогоня сон изо рта.

– А, это ты, – сказал он. – Доброго дня.

Он выпрямился в кресле и уставился на дверь, не обращая на Тиффани внимания.

Может он не станет спрашивать, думала она, вытирая пыль, взбивая подушки и, не вдаваясь в подробности, опорожня горшок. Но она чуть не вскрикнула, когда старик цапнул ее за запястье и умоляюще поглядел на нее.

– Проверь ящик еще раз, хорошо, Мэри? Перед уходом? Я слышал сегодня ночью какой-то звон. Может кто из этих пронырливых воришек

пробрался в дом.

– Да, мистер Ткачик, – ответила Тиффани, твердя про себя: «*Нехочубытьздесьнехочубытьздесь!*»

Она вытащила коробку. У нее не было выбора.

Коробка была тяжелой. Она встала и открыла крышку.

Петли скрипнули и воцарилась тишина.

– Ну что там, дочка? – спросил мистер Ткачик.

– Ммм... – промямлила Тиффани.

– Они там, а? – с беспокойством спросил старик.

В голове у Тиффани все смешалось.

– Эмм... все на месте, – выдавила она. – Ммм... Здесь полно *золота*, мистер Ткачик.

– Золото? Ха! Не надо мне лапшу на уши вешать, дочка. Я за свою жизнь ни разу золотого в руках не держал!

Тиффани со всей возможной осторожностью поставила коробку на колени старику и он уставился внутрь.

Тиффани опознала истертые монеты. Они служили тарелками в кургане у пикси. На монетах была чеканка, но она слишком истерлась, чтобы разглядеть рисунок.

Но золото остается золотом, есть ли на нем рисунок или нет.

Она резко повернула голову и могла поклясться, что заметила, как что-то маленькое и рыжеголовое спряталось в тенях.

– Вот так, – сказал мистер Ткачик. – Вот так. – Похоже, что на этом его слова закончились. Но спустя какое-то время он продолжил: – Тут слишком много денег, чтобы потратить их на похороны. Я не помню, чтобы скопил столько. За такие деньги можно похоронить *короля*.

Тиффани сглотнула. Она не могла оставить все так, как есть. Она просто не могла.

– Мистер Ткачик, я должна вам что-то рассказать, – проговорила она. И рассказала ему все. Она рассказала все, не только хорошее. Он внимательно ее выслушал.

– Да, это весьма интересно, – сказал он после того, как она закончила.

– Эмм... Я извиняюсь, – сказала Тиффани. Она не могла придумать, что бы еще сказать.

– Так ты *говоришь*, эта тварь заставила тебя украсть мои деньги на похороны, и поэтому твои дружки-феи насыпали в мой старый ящик золота, чтобы тебе не попало, верно?

– Думаю, что верно, – ответила Тиффани.

– Ну, кажись, я должен поблагодарить тебя, – продолжил мистер

Ткачик.

– *Что?*

– Ну, сдается мне, что если б ты не забрала медяки и серебро, то в ящике бы для золота места не нашлось, так? – сказал мистер Ткачик. – И сдается мне, что тому мертвому королю под твоими холмами золотишко не больно-то нужно.

– Да, но...

Мистер Ткачик порылся в ящике и вытащил золотую монету, на которую можно было бы купить весь его дом.

– А это тебе, девочка, – сказал он. – Купи себе ленточек и всего, чего захочешь...

– Нет! Я не могу! Это было бы нечестно! – в отчаянии запротестовала Тиффани. Все пошло *совершенно* не так!

– Нечестно, а? – сказал мистер Ткачик и одарил ее долгим пронизывающим взглядом своих ярких глаз. – Тогда назовем это платой за небольшое поручение, которое ты сейчас побежишь выполнять, а? Ты побежишь по лестнице наверх, куда мне самому уж и не взобраться, и принесешь черный костюм, что висит за дверью, и чистую рубашку из сундука около кровати. И еще, почисти ботинки и помоги мне встать, но по тропинке я, наверное, и сам смогу пройти. Потому как тут слишком много денег, чтобы пустить их все на похороны, но мне сдается, что для свадьбы тут будет в самый раз. И поэтому я пойду и предложу вдове Тасси выйти за меня замуж!

Последнее предложение потребовало некоторого обдумывания и затем Тиффани переспросила:

– *Замуж?*

– Именно, – ответил мистер Ткачик, с трудом поднимаясь на ноги. – Она замечательная женщина и печет очень даже недурственные пироги с луком и мясом, к тому же у нее есть свои собственные зубы. Мне про то известно, потому как она мне их показывала. Ей младший сын привез целый набор модных зубов аж из самого города и она в них так хорошо выглядит. И она даже как-то раз одолжила их мне, когда мне попался жесткий кусок свинины. Разве можно забыть такую доброту.

– Э... вы не думаете, что вам следовало бы сначала все обдумать? – спросила Тиффани.

Мистер Ткачик засмеялся.

– Обдумать? Вот еще делать мне больше нечего, как *обдумывать*, юная леди! Кто ты такая, чтобы советовать такому старику, как я, что ему следует сначала обдумать? Мне девяносто один год, вот сколько! Надо

действовать! И потом, есть у меня причина не сомневаться, что вдова Тасси не станет нос воротить от моего предложения – глаза у нее блестят. За все эти годы я немало повидал в ее глазах блеска. Думаю, что нежданно привалившее золото, поможет заделать углы, как говаривал мой папаша.

Через десять минут мистер Ткачик оделся, с чертыханиями и усилиями, не прибегнув к помощи Тиффани, которой было сказано отвернуться и зажать уши руками. Затем она помогла ему выйти в сад, где он отшвырнул в сторону одну из своих тростей и потряс пальцем над сорняками.

– Завтра многим из вас конец придет! – ликующе закричал он.

У садовой калитки мистер Ткачик ухватился за почтовый ящик и, задышав, подтянул себя в почти вертикальное положение.

– Так, – сказал он немного тревожно. – Сейчас или никогда. Как я выгляжу?

– Вы выглядите замечательно, мистер Ткачик.

– Везде чисто? Хорошо сидит?

– Э... да, – ответила Тиффани.

– Как мои волосы?

– Э... у вас их нет, мистер Ткачик.

– Ох, верно. Да, ты права. Надо купить этот, какеготам, вроде шляпы из волос? Хватит ли у меня на него денег?

– Парик? Вы можете купить тысячу париков, мистер Ткачик!

– Ха! Отлично. – Он обвел сад сияющими глазами. – ...Где там цветы? Что-то не разберу... Ах... очки, видел их как-то, сделаны из стекла. Видишь все, как молоденький. Вот они-то мне и нужны... хватит мне на очки, а?

– Мистер Ткачик, – ответила Тиффани. – У вас хватит денег на *все*, что угодно.

– Благослови тебя боги! – сказал мистер Ткачик. – Но сейчас мне нужен букет цветов, дочка. Нельзя свататься без цветов, а я не вижу ни одного цветочка. Что-нибудь там еще осталось?

В саду среди кустарника и сорняков затесалось несколько роз. Тиффани принесла нож с кухни и срезала их для букета.

– Вот и славно, – сказал мистер Ткачик. – Поздний цвет, совсем как я! – Он крепко сжал букет в свободной руке, затем неожиданно нахмурился, замолчал и застыл, как статуя.

– Хотел бы я, чтобы мои Тоби и Мэри пришли на мою свадьбу, – тихо сказал он. – Но они умерли, знаешь.

– Да, – ответила Тиффани. – Я знаю, мистер Ткачик.

– И чтобы моя Нэнси была жива, хотя, коль уж я, надеюсь, женюсь на другой леди, это не больно разумное желание. Ха! Почти все, кого я знаю, умерли. – Мистер Ткачик поглядел на букет цветов долгим взглядом и затем снова выпрямился. – Однако, с этим уж ничего не поделаешь, верно? Даже с помощью ящика, полного золота!

– Это так, мистер Ткачик, – хрипло ответила Тиффани.

– Ох, ну не плачь, дочка! Солнце светит, птички поют и что прошло, то не изменить, а? – весело проговорил мистер Ткачик. – И вдова Тасси ждет! На мгновение он запаниковал и затем прокашлялся.

– Ничем не *пахнет*? – спросил он.

– Э... только нафталином, мистер Ткачик.

– Нафталином? Нафталин сойдет! Ну ладно! Время не ждет!

С помощью всего одной трости мистер Ткачик с удивительной скоростью удалился по тропинке, размахивая букетом для равновесия.

– Ну вот, – сказала госпожа Ветровоск, когда мистер Ткачик с развевающимися фалдами куртки скрылся за углом. – Все обошлось, верно?

Тиффани быстро огляделась. Госпожу Ветровоск все еще не было видно, но она была где-то здесь, невидимая. Тиффани сщурилась на то, что совершенно очевидно было старой стеной с облепившим ее плющом, и смогла заметить ведьму только тогда, когда та пошевелилась. Госпожа Ветровоск ничего не делала со своей одеждой, она вообще не делала ничего магического, насколько могла судить Тиффани, но она просто... проявилась.

– Эээ, да, – сказала Тиффани, доставая носовой платок и сморкаясь.

– Но тебя это огорчает, – продолжала ведьма. – Ты считаешь, что не *должно* было все так закончиться, верно?

– Да! – с жаром ответила Тиффани.

– И ты думаешь, что было бы лучше, если бы его похоронили на собранные деревней деньги в каком-нибудь старом дешевом гробу?

– *Нет!* – Тиффани стиснула пальцы. Госпожа Ветровоск была колкая, как целое поле иголок. – Но... просто... так несправедливо. Я бы хотела, чтобы фиглы этого не делали. Я просто уверена, что смогла бы как-нибудь все уладить, накопить...

– Мир несправедлив, дитя. Радуйся, что у тебя есть друзья.

Тиффани взглянула на виднеющийся вдали лес.

– Да, – сказала госпожа Ветровоск. – Но он не там.

– Я отправлюсь в горы, – сказала Тиффани. – Я все обдумала и решила покинуть домик.

– На метле? – спросила госпожа Ветровоск. – Роитель двигается не так быстро...

– Нет! Куда бы я могла улететь? Домой? Я не хочу приводить его домой! И я не могу просто взять и улететь, когда он тут околачивается! Когда он... когда я с ним встречусь, я не хочу, чтобы поблизости были люди, понимаете? Я знаю, что я... что он может сделать, если разозлится! Он наполовину убил мисс Левел!

– А если он последует за тобой?

– Вот и хорошо! Я заберу его с собой туда! – Тиффани махнула рукой в сторону гор.

– И ты пойдешь совсем одна?

– У меня нет выбора, так ведь?

Госпожа Ветровоск окинула ее долгим взглядом.

– Да, – наконец сказала она. – У тебя нет выбора. Так же, как и у меня. Вот почему я *пойду* с тобой. И не спорьте, мисс. К тому же, как ты меня остановишь, а? Кстати, что я вспомнила... загадочные синяки миссис Тауни появляются потому, что ее бьет муж. А отец ребенка мисс Торопыги – молодой Фред Тюрви. Ты можешь сказать об этом мисс Левел.

И когда она это говорила, из ее уха вылетела пчела.

Спустя несколько часов они покинули дом мисс Левел и начали подъем на вересковые луга в горах. Приманка, думала Тиффани, поднимаясь по тропинке. Я, наверное, приманка, как в старые времена, когда охотники привязывали ягненка или козленка, чтобы подманить волка.

У нее есть план, как убить роителя. Я знаю. Она что-то придумала. Он придет за мной и она лишь взмахнет рукой.

Она, должно быть, считает меня дурой.

Конечно же, она пыталась спорить. Но госпожа Ветровоск сделала одно мерзкое замечание личного характера. Она сказала – *тебе одиннадцать лет*. Вот так взяла и сказала. Тебе одиннадцать и что будет говорить твоим родителям мисс Тик? Простите, но мы отпустили ее одну в горы к древнему чудовищу, которое нельзя убить, и вот тут в банке все, что от нее осталось?

К этому аргументу присоединилась и мисс Левел, едва сдерживавшая слезы.

Если бы Тиффани не была ведьмой, она бы раскричалась о том, что так *нечестно*.

Что не было, на самом деле, правдой. Тиффани знала, все было честно. Они думали не только о ней, но и о других людях, и Тиффани

ненавидела себя – совсем немножко – за то, что она о других не думала. Но как низко было с их стороны именно *сейчас* поступать честно. *Это* и было нечестным.

Никто не сказал, что ей только девять лет, когда она отправилась в Страну Фей, вооруженная лишь сковородкой. Допустим, никто кроме нее не знал, что она собралась туда идти, ну, кроме Нак Мак Фиглов, но они сами куда как меньше ее ростом. Тут Тиффани задумалась, а рискнула бы она пойти, если бы знала, что ее там ожидает?

Да. Рискнула бы.

И рискнешь предстать перед роителем, несмотря на то, что никто не знает, как его победить?

Да, рискну. В нем все еще остается частичка меня. И, быть может, мне удастся...

Но в то же время, тебя хоть немного, да радует, что госпожа Ветровоск и мисс Левел победили. Поэтому ты храбро тронулась в путь, однако, тебя сопровождает *совершенно* против твоей воли самая могущественная ведьма на свете?

Тиффани вздохнула. Просто ужас, когда твои собственные мысли объединяются против тебя.

Фиглы не возражали против ее ухода. Они *возражали*, что их их не берут. Тиффани понимала, что оскорбляет их этим. Но, как сказала старая ведьма, то были чисто карговские дела и фиглам там делать нечего. Когда роитель появляется в реальном мире, а не в мечтах, у него нет ничего, куда можно было пнуть или ударить головой.

Тиффани даже сказала речь, поблагодарив их за помощь, но Роб Всякограб сложил руки на груди и повернулся к ней спиной. Все пошло наперекосяк. Но госпожа Ветровоск права, они могли пострадать. Беда в том, что у фиглов все объяснения о возможных опасностях лишь вызывали воодушевление.

Тиффани ушла, оставив их спорить друг с другом. Все, все пошло не так.

Но сейчас все споры остались позади. Деревья вокруг стали не такими ветвистыми, но более остроконечными, или, как сказала бы Тиффани, если бы знала немного больше о деревьях, лиственные породы уступили место хвойным.

Она могла чувствовать роителя. Он следовал за ними, но держался далеко позади.

Попытайтесь вообразить самую главную ведьму, и вам вряд ли придет в голову госпожа Ветровоск. Вы бы, скорее, вообразили бы миссис Иервиг,

скользящую по комнатам, как на колесиках, в платье черном, как мрак в самом глубоком подземелье. А госпожа Ветровоск была всего лишь старой женщиной с морщинистым лицом и грубыми руками. Ее платье было черно, как ночь, которая на самом деле не такая уж и черная, как многие полагают. К тому же, оно было все в пыли и подол у него истерся.

«С другой стороны, – подумал Второй Помысел Тиффани, – однажды ты купила своей бабушке фарфоровую пастушку, помнишь? Блестящую и бело-голубую?»

Первый Помысел ответил: «Да, но я была тогда совсем маленькая».

Второй Помысел подумал: «Но кто из них была настоящей пастушкой? Сияющая леди в чистом красивом платье и туфельках с пряжками, или старуха, бредущая сквозь снег в грубых ботинках, набитых соломой, с мешковиной на плечах?»

В этот момент госпожа Ветровоск споткнулась. Но она удержалась на ногах и сказала:

– Какие опасные неустойчивые камни на тропинке. Будь осторожнее.

Тиффани поглядела под ноги. На тропинке было не так уж и много камней и они не казались слишком опасными или особенно неустойчивыми.

Сколько лет госпоже Ветровоск? Еще один вопрос, который ей так не хотелось задавать. Госпожа Ветровоск была худая и жилистая, совсем как бабушка Болит. Она была из той породы людей, что живут и живут – но в один прекрасный день бабушка Болит легла в кровать, чтобы больше не просыпаться, вот и все...

Солнце садилось. Тиффани чувствовала роителя так же, как чувствуется чей-то пристальный взгляд. Роитель все еще прятался в лесах, лентой опоясывающих горы.

Наконец старая ведьма остановилась на поляне, где из-под земли поднимались каменные столбы, и села, привалившись спиной к большому камню.

– Остановимся здесь, – сказала она. – Скоро стемнеет, как бы не подвернуть лодыжку на этих неустойчивых камнях.

Вокруг стояли огромные валуны, размером с дом, что когда-то давно скатились с гор. Скалистые вершины вздымались прямо над ними, каменная стена, накатывающая на поляну, как волна. Место было совершенно уединенное. Каждый звук здесь отдавался эхом.

Тиффани села рядом с госпожой Ветровоск и развернула пакет, собранный для них мисс Левел.

У Тиффани не было опыта, но насколько она могла судить по сказкам,

в дорогу с собой обычно брали хлеб и сыр.

Мисс Левел приготовила для них сэндвичи с ветчиной и солеными огурцами, и еще она положила салфетки.

Довольно странная мысль, если подумать: мы идем сразиться с жутким чудовищем, но крошки на платьях нам не грозят.

Она также дала им в дорогу бутылку холодного чая и пакет с печеньем. Мисс Левел знала госпожу Ветровоск.

– Разождем костер? – предложила Тиффани.

– Зачем? Нужен хворост, а до леса далеко, к тому же минут через двадцать взойдет луна. Твой дружок приближаться не рискует, а больше нам здесь ничего не угрожает.

– Вы уверены?

– В *моих* горах мне страшиться нечего, – ответила госпожа Ветровоск.

– Но разве здесь нет троллей, волков и всякого такого?

– О, этого добра тут хватает.

– И они не пытаются напасть на вас?

– Больше не пытаются, – произнес самодовольный голос в темноте. –

Передай мне печенье, будь добра.

– Вот, держите. Огурчиков маринованных не хотите?

– От этих огурцов у меня бывают такие ветры.

– В таком случае...

– Ох, я же не сказала *нет*, – ответила госпожа Ветровоск, забирая два маринованных огурца.

Здорово-то как, подумала Тиффани.

Тиффани взяла с собой три свежих яйца. Ничего у нее с запутками не получалось. Все девочки умели их плести. И она знала, что делает все правильно.

Тиффани набрала в карман первые попавшиеся вещицы и сейчас, не глядя, доставала их, оплетая нить вокруг яйца, пристраивая деревяшки и двигая их так, чтобы...

Крак!

Яйцо разбилось и растеклось.

– Я же тебе говорила, – сказала госпожа Ветровоск, открывая один глаз. – Это все игрушки. Палочки и камешки.

– Вы хоть когда-нибудь *пользовались* ими? – спросила Тиффани.

– Нет. Так и не научилась их делать. И вообще, они только мешают. – Госпожа Ветровоск зевнула, завернулась в одеяло и, немного поворочавшись, примостилась поудобнее у камня. Вскоре она глубоко задышала.

Тиффани тихо сидела, укрывшись одеялом, и ждала восхода луны. Она надеялась на лунный свет, но лучше не стало. До появления луны было лишь темно. А теперь появились тени.

Госпожа Ветровоск всхрипнула. Это был добротный, солидный храп, похожий на звук рвущейся ткани.

Воцарилась тишина. Она пролетела сквозь ночь, беззвучно, как падающее перо, обратилась птицей и села на скалу рядом с Тиффани. Птица повернула голову и взглянула на нее.

Во взгляде птицы было не только обычное птичье любопытство.

Старая ведьма снова всхрипнула. Тиффани, не сводя глаз с совы, протянула руку и легонько потрясла ведьму. Когда это не помогло, она потрясла ее сильнее.

Ведьма всхрипнула, словно три поросенка налетели друг на друга, и, приоткрыв один глаз, спросила:

– Вуу?

– На нас смотрит сова! Вот она, прямо над нами!

Неожиданно сова мигнула, поглядела на Тиффани так, словно только ее заметила, расправила крылья и скользнула в ночь.

Госпожа Ветровоск сжала рукой горло, пару раз кашлянула, затем хрило сказала:

– Ну сова, и что такого, дитя! Я десять минут подманивала ее поближе! Посиди тихо, пока я снова подманю ее, иначе мне придется взять летучую мышшь, а я после них всегда пытаюсь смотреть ушами, что в моем возрасте просто неприлично!

– Но вы храпели!

– Я *не* храпела! Я немного расслабилась, приманивая сову! Если бы ты меня не потревожила и не спугнула сову, я бы уже была над лугом и все видела бы!

– Вы... захватываете ее *сознание*? – нервно спросила Тиффани.

– Нет! Я не этот твой роитель! Я просто... заимствую ее полет, я... немного подталкиваю ее к действиям, но она даже не знает обо мне. А сейчас попытайся уснуть!

– Но что, если роитель...

– Если он подойдет поближе, именно я скажу тебе об этом! – прошипела госпожа Ветровоск и снова легла. Затем она еще раз приподняла голову. – И я *не* храплю!

Спустя полминуты храп раздался снова.

Еще через несколько минут вернулась сова, а может это была не та, а уже другая. Сова приземлилась на ту же самую скалу, немного посидела и

унеслась в ночь.

Старая ведьма перестала храпеть. Она, по сути, совсем перестала дышать.

Тиффани склонилась над ней, потом наклонилась еще ниже и даже приложила ухо к груди, чтобы расслышать сердцебиение.

Она чувствовала, что ее собственное сердце словно сжали в кулаке...

...из-за того самого дня, когда она нашла бабушку Болит в ее вагончике. Бабушка мирно лежала в своей узкой железной кровати, но Тиффани сразу поняла, что-то случилось, лишь только ступив внутрь...

Тук.

Тиффани сосчитала до трех.

Тук.

Ну что же, сердце билось.

Очень медленно, словно растущий побег, задвигалась одревеневшая рука. С медлительностью ледника она скользнула в карман и вытащила большую карточку с надписью:

Я ни памирла.

Тиффани решила про себя, что спорить не будет. Вместо этого она подоткнула одеяло вокруг старой ведьмы и поплотнее завернулась в свое.

В свете луны она еще раз попыталась сделать запутку. Она наверняка сможет с ее помощью сделать что-нибудь. Возможно, если...

Освещенная луной, она очень, очень осторожно...

Крак!

Яйцо разбилось. Яйца *все время* разбивались и теперь у нее осталось только одно. Тиффани не рискнула бы взять вместо яйца жука, даже если бы и смогла найти хоть одного. Это было бы слишком жестоко.

Она прижалась спиной к камню и поглядела на черный и серебряный пейзаж. Ее Третий Помысел подумал: *«Он не подойдет близко»*.

Почему?

Она подумала: «Я не совсем понимаю, почему я так уверена. Но я это знаю. Он держится в стороне. Он знает, что со мной госпожа Ветровоск».

Она подумала: «Откуда он может это знать? У него нет своего ума. Он не знает, кто такая госпожа Ветровоск!»

«Подумай», предложил ее Третий Помысел.

Тиффани прислонилась к камню.

Иногда в ее голове было слишком... многолюдно...

И затем было утро и солнечный свет, на ее волосах блестела роса и туман поднимался с земли как дым... а на той скале, где вчера была сова, сидел орел, поедая что-то пушистое. Она могла разглядеть каждое перышко

на его крыльях.

Он сглотнул, поглядел на Тиффани безумными птичьими глазами и улетел прочь, сделав круг в тумане.

Госпожа Ветровоск снова начала храпеть и, по мнению Тиффани это означало, что она снова в своем теле. Тиффани легонько подтолкнула ее и размеренное *хххrrrrrrrrrr* внезапно сменилось коротким *хрп*.

Старая женщина села, откашливаясь, и раздраженно замахала рукой Тиффани, чтобы та передала ей бутылку с чаем. Она не заговорила, пока не выпила половину.

– Ну вы как хотите, но жаренный кролик намного вкуснее, – с трудом проговорила она, возвращая пробку на место. – И без шкуры!

– Вы забрали... *позаимствовали* орла? – спросила Тиффани.

– Конечно. Не стану же я требовать от бедной совы, чтобы она летала и после рассвета, оглядывая для меня окрестности. Она всю ночь охотилась на полевых мышей и, можешь мне поверить, даже сырой кролик намного вкуснее. Не вздумай есть мышей.

– Не вздумаю, – ответила Тиффани и это было чистой правдой. – Госпожа Ветровоск, *по-моему*, я знаю, чем занят роитель. Он размышляет.

– А я думала, что у него нет мозгов.

Тиффани предоставила высказываться своим Помыслам.

– Но в нем остался отголосок меня, ведь так? Должен был остаться. И роитель хранит отголоски всех, кем он... был. В нем *должна* оставаться частичка меня. Я могу чувствовать его и он знает, что я здесь не одна. И он не подходит близко.

– А? И почему же?

– Потому что он боится вас.

– Ха! С чего бы это?

– Потому, – просто ответила Тиффани, – что я вас боюсь. Немножко.

– О, Боги. Ты боишься?

– Боюсь, – повторила Тиффани. – Он сейчас как собака, которую пбили, но она не убегает. Он не понимает, что он такого плохого сделал. Но... когда я говорю о роителе... мелькает что-то... какая-то мысль, я ее почти уловила...

Госпожа Ветровоск ничего не сказала. На ее лице появилось отсутствующее выражение.

– Что с вами? – спросила Тиффани.

– Ничего, просто я дала тебе время уловить эту мысль, – ответила госпожа Ветровоск.

– Увы. Она уже пропала. Но... мы ошибаемся в роителе.

– Да? И почему же?

– Потому что... – Тиффани билась над формулировкой. – Я думаю потому, что мы не хотим думать о нем правильным образом. Это как-то связано с... третьим желанием. И я не знаю, что все это означает.

Ведьма ответила:

– Продолжай обдумывать эту мысль. – И затем глянула вдаль и добавила: – К нам гости.

Тиффани понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть то, что заметила госпожа Ветровоск – маленькое темное пятно на краю леса. Оно приближалось, но довольно неуверенно.

Пятно превратилось в Петулию, которая летела в нескольких футах над землей очень медленно и неуверенно. Время от времени она спрыгивала с метлы и направляла ручку метлы в правильное направление.

Долетев до Тиффани и госпожи Ветровоск, она снова спрыгнула, торопливо схватила метлу и направила ее на большую скалу. Метла мягко ударилась и повисла в воздухе, пытаясь пролететь сквозь камень.

– Прошу прощения, – отдышавшись сказала Петулия. – Но у меня никак не получается останавливаться и лучше так, чем кидать якорь... ммм.

Она начала было приседать перед госпожой Ветровоск, но вспомнила, что она ведьма, и на полпути попыталась превратить реверанс в поклон – зрелище, за которое стоило заплатить. В результате она застыла в согнутом положении и откуда снизу послышался тонкий голосок:

– Ммм, пожалуйста, помогите? По-моему, Октаграмма Тригорья зацепилась за Кисет Девяти Трав...

И все время, пока они распутывали Петулию, разъединяя ее браслеты и ожерелья, госпожа Ветровоск ворчала:

– Игрушки, всего лишь игрушки.

Петулия выпрямилась с покрасневшим лицом. Она увидела, как госпожа Ветровоск смотрит на нее и, торопливо сорвав с себя остроконечную шляпу, выставила ее перед собой. С одной стороны, это было явной демонстрацией почтения, но с другой стороны на вас был направлен двухфутовый острый конец шляпы.

– Ммм... Я зашла навестить мисс Левел, и она сказала мне, что вы отправились в горы искать какое-то ужасное чудовище, – сказала она. – Ммм... Поэтому я подумала, что надо бы проведать, как вы тут.

– Ммм... Очень мило с твоей стороны! – ответила Тиффани, но ее вероломный Второй Помысел подумал: *«И что бы ты стала делать, если бы роутель напал на нас?»*

Перед внутренним взором Тиффани на мгновение предстала Петулия, стоящая перед взбешенной тварью, но в этом не было ничего уж такого смешного, как она было подумала. Петулия *стояла бы* перед тварью, дрожа от страха так, что все ее бесполезные амулеты бренчали бы, она почти обезумела бы от страха... но она бы не побежала. Она думала, что здесь может оказаться что-то очень страшное, но тем не менее, прилетела нас проведать.

– Как тебя зовут, моя милая? – спросила госпожа Ветровоск.

– Ммм... Петулия Хрящик, госпожа. Я работаю у Гвинифер Черночепчик.

– У старой Матушки Черночепчик? – сказала госпожа Ветровоск. – Весьма неплохо. Она прекрасно разбирается в свиньях. Ты хорошо поступила, что прилетела сюда.

Петулия нервно поглядела на Тиффани.

– Ммм... Как ты себя чувствуешь? Мисс Левел сказала, что ты... приболела.

– Мне намного лучше, спасибо, – с несчастным видом ответила Тиффани. – Слушай, я очень извиняюсь...

– Ну, ты же была больна, – сказала Петулия.

И вот что еще отличало Петулию. Она всегда старалась думать о других только самое хорошее. Было в этом что-то тревожное, особенно если вы знали, что это о вас она пытается думать все самое лучшее.

– Вы собираетесь вернуться домой после Проб? – продолжала Петулия.

– Проб? – переспросила Тиффани, вдруг растерявшись.

– Ведьминские Пробы, – пояснила госпожа Ветровоск.

– Сегодня, – добавила Петулия.

– Я совсем забыла о них! – сказала Тиффани.

– Я не забыла, – спокойно ответила старая ведьма. – Я никогда не пропускаю Пробы. Не пропустила ни разу за шестьдесят лет. Не окажете ли вы любезность пожилой леди, мисс Хрящик, и не отправитесь ли назад в домик мисс Левел, чтобы передать ей наилучшие пожелания от госпожи Ветровоск и сообщение, что мы направимся напрямиком на Пробы? Кстати, как она?

– М... Она жонглировала шарами *без помощи рук!* – сказала Петулия с изумлением. – И вы знаете? Я видела синего *фея!* В саду!

– Правда? – сказала Тиффани с упавшим сердцем.

– Да! Он был довольно грязный, должна сказать. И когда я спросила у него, правда ли он фей, он сказал... ммм... «я фей большой, вонючей,

ужасно колючей, жгучей крапивы из Страны Колокольчиков» и он назвал меня «отвраткой». Ты не знаешь, что это значит?

Тиффани взглянула в круглое личико, взирающее на нее с надеждой. Она было открыло рот, чтобы ответить: «Это слово означает того, кто любит фей», но вовремя остановилась. Это было бы нечестным. Тиффани вздохнула.

– Петулия, ты видела Нак Мак Фигла, – ответила она. – Они вроде фей, но не такие милашки. Мне очень жаль. Они хорошие... Ну, более или менее... но они совсем не милашки. И «отвратка» что-то вроде ругательства. Хотя я не думаю, что какое-то особенно плохое.

Выражение лица Петулии какое-то время не менялось, наконец она сказала:

– Значит это все-таки был фея?

– Да. Технически.

Круглое румянное лицо улыбнулось.

– Хорошо, а я-то удивлялась, потому что он, ммм... ну знаешь... писал прямо на садового гномика мисс Левел?

– Это *точно* фигл, – сказала Тиффани.

– Ну что же, я думаю, что и большая, вонючая, ужасно колючая, жгучая крапива тоже должна иметь фей, как и любое другое растение, – ответила Петулия.

Глава одиннадцатая

Артур

Когда Петулия улетела, госпожа Ветровоск топнула ногой и сказала:

– Нам пора, юная леди. До Ширклифа почти восемь миль. Мы не успеем добраться до открытия.

– А как же роитель?

– Ну, если он захочет, то может пойти тоже, – госпожа Ветровоск улыбнулась. – Ох, ну не хмурься ты так. На Пробах бывает не менее трех сотен ведьм и они уже почти все собрались. Безопаснее места и быть не может. Или ты хочешь встретиться с роителем *прямо здесь*? Я думаю, мы можем это устроить. Роитель двигается довольно медленно.

– Нет! – ответила Тиффани, громче, чем ей хотелось. – Нет, потому что... все не так, как кажется. Мы все делаем неправильно. Ээ... я не могу объяснить. Но это все из-за третьего желания.

– Которое тебе не известно?

– Да. Но я надеюсь, что скоро его узнаю.

Ведьма уставилась на нее.

– Да, я тоже на это надеюсь, – сказала она. – Ну что же, нет смысла стоять здесь. Надо двигаться. – И с этими словами старая ведьма подобрала свое одеяло и тронулась в путь, словно ее потащили на веревке.

– Мы даже не позватракали! – сказала Тиффани, босаясь за ней вслед.

– Я наелась мышей ночью, – кинула госпожа Ветровоск через плечо.

– Да, но *вы* же на самом деле их не ели, верно? – сказала Тиффани. – На *самом-то деле* их ела сова.

– Технически, да, – согласилась госпожа Ветровоск. – Но если ты всю ночь мысленно ешь мышей, то просто удивительно, как сильно тебе не захочется думать о еде на следующее утро. А может и вообще никогда не захочется.

Она кивнула на удаляющуюся фигурку Петулии.

– Твоя подруга? – спросила она, продолжая идти вперед.

– Ээ... Если это и так, то я этого не заслужила, – ответила Тиффани.

– Хммм, – сказала госпожа Ветровоск. – Что же, иногда мы получаем то, что не заслужили.

Для своего возраста госпожа Ветровоск ходила довольно быстро. Она шагала по траве так, словно ее оскорбляло расстояние. И ей еще кое-что

хорошо удавалось.

Она разибралась в тишине. Она шла и лишь ее длинная юбка, цепляющаяся за вереск, шуршала, но этот шорох каким-то образом слился с фоном.

В наступившей тишине стали слышны отголоски воспоминаний. После роителя их остались сотни. Большинство из них были так слабы, что лишь создавали легкое неудобство в голове. Но ископаемый древний тигр по прежнему ярко пылал в глубине ее мозга, а за ним прятался гигантский ящер. Они были машинами для убийства, наиболее могущественными созданиями в мире – когда-то давно. Роитель захватил их обоих и они погибли, сражаясь.

Он всегда захватывал свежие тела и сводил их с ума, заставляя искать могущества, что неминуемо приводило к смерти... и только Тиффани задалась вопросом *почему?* Память подсказала: *«Потому что он боится».*

«Чего боится? – подумала Тиффани. – Он так могущественен!»

«Кто знает? Но он обезумел от ужаса. Совсем набрендился!»

– Вы Сентимент Суетон, так? – сказала Тиффани и тут уши проинформировали ее, что она произнесла это вслух.

– Разговорчивый какой, а? – откликнулась госпожа Ветровоск. – Болтал без умолку, пока ты спала. Был о себе очень высокого мнения. Я полагаю, что именно поэтому его воспоминания до сих пор держатся вместе.

– Однако, он не видит разницы между сбрендившим и набрендившимся, – заметила Тиффани.

– Воспоминания тускнеют, – задыхаясь ответила госпожа Ветровоск. Она остановилась и прислонилась к скале.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Тиффани.

– Здорова как бык, – со свистящим дыханием ответила госпожа Ветровоск. – Сейчас откроется второе дыхание. Ничего, осталось еще шесть миль.

– Я заметила, что вы немного прихрамываете, – сказала Тиффани.

– Да неужели? Тогда прекрати замечать!

Ее крик – приказание, эхом отразился от скал.

Когда эхо замолчало, госпожа Ветровоск раскашлялась. Тиффани побледнела.

– Должно быть, – сказала старая ведьма, – я чем-то подавилась. Не иначе, эти мышцы. – Она снова закашлялась. – Мои знакомые, те из них, кто так или иначе этого заслужил, называют меня бабушкой. Я не буду возражать, если ты будешь так меня называть.

– *Бабушка* Ветровоск? – спросила Тиффани, вытряхнутая из потрясения новым потрясением.

– *Технически* – нет, – быстро добавила госпожа Ветровоск. – Это так они говорят, чтобы продемонстрировать уважение – Матушка Такая-то, Тетушка Эдакая или Нянюшка Как-ее-там. Чтобы показать, что ведьма... ведьму... что она...

Тиффани не знала, то ли ей смеяться, то ли плакать.

– Я знаю, – ответила она.

– Знаешь?

– Так же было с бабушкой Болит, – продолжала Тиффани. – Она была моей бабушкой, но все на Мелу звали ее бабушкой Болит.

Она знала, что миссис Болит не подходит. Нужно было какое-то большое, теплое, обнимающее слово. Бабушка Болит была для всех.

– Это как быть бабушкой для всех, – сказала она вслух, но про себя подумала: «*Бабушкой, которая рассказывает всем сказки!*»

– Ну так вот. Так оно и есть. Бабушка Ветровоск, – сказала бабушка Ветровоск и быстро продолжила: – Но не *технически*. А сейчас нам лучше поторпиться.

Она выпрямилась и пошла дальше.

Бабушка Ветровоск. Тиффани обкатывала в уме эти слова. Она никогда не видела свою вторую бабушку, которая умерла до ее рождения. Называть кого-то другого бабушкой было странным, но вот чудно, это казалось правильным. У вас вполне *могут быть* две бабушки.

Роитель следовал за ними. Тиффани чувствовала его. Но он продолжал держаться поодаль. В этом какая-то хитрость, привести его на Пробы, думала она. У бабушки Ветровоск – у нее аж мозги звенели, когда она мысленно выговаривала это слово – у бабушки был какой-то план. У нее должен был быть план.

Но... Что-то было не так. Она никак не могла поймать какую-то мысль, которая исчезала каждый раз, когда ей казалось, что она ухватила ее. Роитель вел себя не так, как следовало.

Тиффани старался идти рядом с Матушкой Ветровоск.

Появились первые признаки, что они уже почти дошли места проведения Проб. Тиффани заметила три метлы, летящие в одном с ними направлении. Они вышли на хорошую дорогу, по которой шли группы людей, среди которых виднелись остроконечные шляпы.

Дорога вела через лес в холмы, петляла среди лоскутного одеяла крошечных полей, пока не достигла высокой изгороди, из-за которой доносился духовой оркестр, исполнявший попури из популярных песен.

Музыка звучала так, словно музыканты в оркестре не смогли договориться друг с другом, какие именно песни считать популярными.

Тиффани аж подпрыгнула, заметив воздушный шарик, парящий над деревьями. Ветер подхватил его и понес, но это был лишь шарик, а не лишний Брайан. Она могла в этом не сомневаться, потому что вслед за шариком летел вопль, полный ярости, смешанной с протестом: «АААааааахааачууушаааииииик!». С таким традиционным криком маленький ребенок знакомится с важным уроком – с шариками, а также и с самой жизнью, необходимо знать, *когда веревочку отпустить нельзя*. Весь смысл воздушных шариков заключается в том, чтобы преподать детям такой урок.

Но сегодня в небо поднялась метла с пассажиркой в остроконечной шляпе, поймавшей шарик и вернувшей его владельцу.

– Раньше все было не так, – проворчала Матушка Ветровоск, направляясь к воротам. – Когда я была молодая, мы обычно собирались где-нибудь на лугу сами по себе. Но сейчас, о нет, сейчас это Выходной День Для Всей Семьи. Ха!

Перед воротами, ведущими на поле, толпились люди, но в этом «Ха!» было что-то особенное. Толпа расступилась, как по волшебству, а матери притянули детей к себе, пропуская Матушку Ветровоск прямо к воротам.

У ворот стоял мальчик, продающий билеты, и в данный момент он жалел, что вообще родился на свет.

Матушка Ветровоск уставилась на него, и Тиффани заметила, как его уши покраснели.

– Два билета, молодой человек, – сказала Матушка. Крохотные льдинки прозвенели в ее словах.

– То есть, эээ... один детский и один для лица старшего возраста? – пролепетал мальчик.

Матушка наклонилась к нему и спросила:

– Что значит «лица старшего возраста», молодой человек?

– Это как... Ну знаете... Вроде старичья, – пробормотал мальчик. Его руки дрожали.

Матушка наклонилась поближе. Мальчик очень, очень сильно хотел попятиться, но его ноги приросли к земле. Все, что он мог сделать, это отклониться назад.

– Молодой человек, – сказала Матушка. – Я ни сейчас и никогда раньше не была старичьем. Мы возьмем два билета, вот эти на доске, по пенни за штуку. – Ее рука стремительно, как голова змеи, метнулась вперед. Мальчик пискнул и отпрянул.

– Вот два пенни, – сказала Матушка Ветровоск.

Тиффани поглядела на руку Матушки. Большой и указательный пальцы были крепко сжаты, но между ними не было никаких монет.

Тем не менее, мальчик, жутко улыбаясь, сжал несуществующие монеты между *своими* указательным и большим пальцами. Матушка проворно выхватила билеты из его другой руки.

– Благодарю, молодой человек, – сказала она и прошла в ворота. Тиффани побежала за ней.

– Что вы...? – начала она, но Матушка Ветровоск поднесла палец к губам, и схватив ее за плечо, развернула назад.

Мальчик в воротах все еще таращился на свои пальцы. Он даже потерял ими. Затем пожал плечами и разжал пальцы над кожаным мешочком с деньгами.

Дзинь, дзинь...

Толпа у ворот ахнула и кое-кто даже заплодировал. Мальчик огляделся по сторонам со снисходительной улыбкой, дающей понять, что уж *он-то* знал, что именно так и произойдет.

– Ага, вот так-то, – сказала довольная Матушка Ветровоск. – А сейчас я бы не отказалась от чашечки чая, да и печенье не помешало бы.

– Бабушка, тут дети, не только ведьмы!

Люди в толпе глазели на них. Бабушка Ветровоск приподняла голову Тиффани за подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Да ты посмотри по сторонам, а? Сколько здесь амулетов, волшебных палочек и всякого прочего – видимо-невидимо. Да он не посмеет сюда сунуться!

Тиффани огляделась. На поле были расставлены палатки. Во многих из них раполагались увеселительные аттракционы, такие же, какие она видела на ярмарках на Мелу: накидывание подков на шест, бросание мячиков в цель и всякие лотереи. День был жарким и у малышей особой популярностью пользовался Ныряющий Стул. Но шатров предсказателей будущего видно не было, потому что ни один предсказатель не рискнул бы появиться на празднике, где чуть ли не каждый второй мог поспорить с ним или даже надерзить. Зато палаток с товарами для ведьм было полно. Самый большой тент был у ЗакЗака, перед которым он выставил манекен, одетый в накидку «Зефирное море» и шляпу «Небоскреб». Около манекена собралась толпа воздыхателей. В палатках поменьше шла оживленная торговля всякими блестящими и звенящими штучками, которые пользовались особым спросом у самых юных ведьм. Была даже палатка с ловушками снов и ловушками проклятий, среди них последний писк моды

– самоочищающиеся ловушки. Какая ведьма стала бы покупать их? Это все равно, что рыба покупала бы себе зонтик.

Значит можно быть уверенным, что роитель не сунется в место, где так много ведьм?

Она повернулась к Матушке Ветровоск.

Которой здесь не было.

Трудно найти ведьму на Ведьминских Пробах. Да, трудно. Легко найти какую-нибудь ведьму, но очень трудно найти именно ту, которую ты ищешь, особенно если ты вдруг почувствовала себя потерянной и одинокой, и паника начала распускаться внутри тебя, словно побег папоротника.

Большинство старших ведьм собрались на площадке, огороженной веревками, где они сидели за столиками и пили чай. Острые концы шляп покачивались, языки неутомимо работали. Похоже, что каждая ведьма в состоянии одновременно разговаривать и слушать всех остальных, хотя этот талант не принадлежит исключительно ведьмам. Как же искать среди них старую женщину в остроконченной шляпе и черном платье?

Солнце стояло уже довольно высоко. Народ собирался на поле. Ведьмы приземлялись на дальнем конце, а через ворота все шли и шли толпы людей. Стоял сильный шум. И везде, куда бы не повернулась Тиффани, суетились черные шляпы.

Проталкиваясь через толпу, Тиффани с отчаянием высматривала любое доброжелательное лицо, например мисс Тик, мисс Левел или Петулию. Если на то пошло, недоброжелательное тоже сгодилось бы – например, миссис Иервиг.

И она гнала от себя мысли. Она старалась не думать, что напугана и одинока в огромной толпе, и что невидимому роителю, там на холме, все это известно, потому что крошечная частичка ее осталась в нем.

Она почувствовала, как роитель зашевелился. Она почувствовала, как он двинулся.

Тиффани протискивалась сквозь группу болтающих без умолку ведьм, их голоса звучали пронзительно и неприятно. Ей стало дурно, словно она слишком долго пробыла на солнце. Мир закрутился вокруг нее.

«Что характерно для роителей, – заговорил тоненький голос где-то в глубине ее сознания, – это то, что они переняли свои охотничьи повадки у акул...»

– Не хочу я ваших лекций, мистер Суетон, – пробормотала Тиффани. – Я вообще не хочу, чтобы вы были у меня в голове!

Но Сантимент Суетон и при жизни не обращал внимания на других, а его воспоминания не собирались делать этого и сейчас. Он продолжал

самодовольно пищать: «В том смысле, что после окончательного выбора жертвы он полностью игнорирует другие привлекательные цели...»

Перед ней расстилалось поле, на котором проводились Ведьминские Пробы, и она заметила, как что-то пересекало его. Что-то двигалось через толпу, раздвигая ее, как ветер стебли травы. Можно было проследить его передвижение. Кто-то падал в обморок, кто-то вскрикивал и оборачивался, кто-то кидался бежать. Ведьмы прекратили сплетничать, повскакивали со своих мест и начали кричать. Но роитель ни на кого не напал. Его интересовала лишь Тиффани.

Как акула, подумала Тиффани. Убийца из глубин морских, где происходят ужасные вещи.

Она запаниковала и попятилась, сталкиваясь с ведьмами, спешащими к месту переполоха. Тиффани закричала им:

– Вы не сможете остановить его! Вы не знаете, что это такое! Вы будете сражаться с ним и размахивать сверкающими палочками, а он будет продолжать двигаться! Он не остановится!

Она сунула руки в карман и дотронулась до счастливого камня. И до веревочки. И до кусочка мела.

Если бы это была сказка, с горечью подумала она, я бы доверилась своему сердцу и следовала бы за своей звездой и все такое прочее, и все бы закончилось хорошо, как по ВАЛШЕБСТВУ. Но как бы вам не хотелось, вы не в сказке.

Сказка, сказка, сказка...

Третье желание. Третье желание. Третье желание было самым важным.

В сказках джинн, ведьма, или волшебный кот... предлагают вам исполнить три желания.

Три желания...

Она остановила пробегающую мимо ведьму и взглянула в лицо Аннаграмме, которая уставилась на нее в ужасе и попыталась съежиться.

– Пожалуйста, не заколдовывай меня! Прошу тебя! – закричала Аннаграмма. – Я же твоя *подруга*, правда?

– Ну если ты этого хочешь, но это была не я и мне сейчас гораздо лучше, – ответила Тиффани, зная, что она лжет. Это была *она* и это было важно. Нельзя забывать об этом. – Быстрее, Аннаграмма! Какое бывает третье желание? Быстрее! Когда ты загадываешь три желания, что обычно желают в конце?

Лицо Аннаграммы скривилось в недовольной гримасе, которая появлялась у нее, когда она сталкивалась с чем-то, что имело наглость

оказаться непонимаемым.

– Но почему...?

– Не раздумывай, пожалуйста! Просто ответь!

– Ну... эээ... да хоть что угодно... стать невидимой или... или блондинкой... или... – затрещала Аннаграмма, чей разум дал трещину.

Тиффани покачала головой и отпустила Аннаграмму. Она подбежала к старой ведьме, наблюдающей за суматохой.

– Пожалуйста, это очень важно! Каким бывает третье желание в сказках? Не спрашивайте меня ни о чем, пожалуйста! Только вспомните!

– Эээ... счастье. Счастье, не так ли? – ответила старушка. – Да, несомненно. Здоровье, богатство и счастье. А сейчас я бы на твоём месте...

– Счастье? Счастье... благодарю вас, – ответила Тиффани и в отчаянии стала искать кого-нибудь ещё. Третьим желанием было вовсе не счастье, она знала это в глубине своей души. Нельзя стать счастливым с помощью магии и *это* была ещё одна подсказка.

Между палатками торопливо пробиралась мисс Тик. Времени для полумер не осталось, поэтому Тиффани развернула ее к себе и закричала:

ЗдрасьтеМиссТикКакДелаУМеняВсеХорошоКакоеЖеланиеЗагадываютТрет
К чести мисс Тик, она помедлила лишь секунду-другую.

– Загадать еще сто желаний, да? – предположила она.

Тиффани поглядела на нее и затем сказала:

– Спасибо. Нет, но это подсказка.

– Тиффани, здесь... – начала мисс Тик.

Но Тиффани уже увидела Бабушку Ветровоск.

Она стояла посреди поля в центре квадратной площадки, огороженной веревками. Казалось, что никто ее не замечает. Она наблюдала за ведьмами, окружившими роителя. Из суетящейся толпы время от времени вылетали магические искры и разряды. У Бабушки был спокойный, отстраненный вид.

Тиффани отбросила руку мисс Тик, поднырнула под веревку и кинулась к бабушке.

– Бабушка!

Голубые глаза устремились на нее.

– Да?

– В сказках, когда джинн, волшебная лягушка, или крестная фея предлагают вам три желания... какое желание третье?

– Ах, сказки, – ответила бабушка Ветровоск. – Это просто. В любой

сказке, которую стоит рассказывать и которая хоть что-то знает о мире, *третье желание исправляет вред, нанесенный первыми двумя.*

– Да! Вот оно! Вот оно! – завопила Тиффани и слова, прятаясь за этим вопросом, вырвались на свободу: – Он не злой! Он не может быть злым! У него нет собственного сознания! Это все три желания! Наши желания! Это как в сказках, где они...

– Расслабься. Сделай глубокий вдох, – сказала Бабушка Ветровоск. Она взяла Тиффани за плечи и развернула ее лицом к мечущейся в панике толпе.

– Ты испугалась на миг и теперь он идет за тобой и он не отступит. Он в отчаянии и ему некуда отступить. Роитель даже не замечает толпу, она ничего для него не значит. Ты – вот за кем он идет. Ты – вот кто будет противостоять ему. Ты готова?

– Но предположим, что я проиграю...

– Я никогда бы не стала тем, кто я есть, если бы предполагала, что проиграю, барышня! Ты победила его однажды, победишь и еще раз!

– Но я могу превратиться во что-нибудь жуткое!

– Тогда на твоем пути стану я, – ответила Бабушка. – Стану я, на своей земле. Но такого не произойдет, правда? Тебе надоели сопливые дети и вздорные мамы? Тогда вот тебе... нечто совершенно иное. Уже полдень. Пора бы уже начать Ведминские Пробы, но, ха, кажется об этом все просто забыли. Так вот... Можешь ли ты быть ведьмой посреди бела дня, вдали от своих холмов?

– Да! – другого ответа бабушке Ветровоск и быть не могло.

Бабушка Ветровоск низко поклонилась и сделала несколько шагов назад.

– Что ж, поступайте по своему разумению, мадам, – ответила она.

Желания, желания, желания, растерянно повторяла про себя Тиффани, перебирая в карманах вещицы для запутки. Он не зло. *Он дает нам то, что нам, по нашему мнению, хочется!* А о чем люди всегда просят? Они просят еще больше желаний!

И нельзя оправдаться, что в твою голову проникло чудовище и заставило тебя так поступать. Ты хотела, чтобы эти деньги были твоими. Роитель лишь перехватил твои мысли.

Нельзя оправдываться: «Но на самом деле деньги взяла не я!» Роитель пользуется лишь тем, что находит – наши маленькие, тайные желания, мечты, приступы ярости – все то, что люди научились игнорировать. И он не позволяет им игнорировать их!

Тиффани вертела в руках вещицы, пытаясь собрать из них запутку, но

яйцо выскользнуло у нее из рук и, влекомое притяжением земли, разбилось о носок ее ботинка.

Она уставилась на него, мрак безысходности затмил полуденное солнце. Почему я за нее взялась? Ни разу мне не удалось сплести работающую запутку, так почему же я начала ее делать? Потому что я верила, что на этот раз у меня получится, вот почему. Как бывает в сказках – раз, и все хорошо.

Но я не в сказке и яиц больше нет...

Высоко в небе закричала птица, сердце Тиффани трепыхнулось и она почувствовала себя дома. Это был ястреб-канюк, летящий со стороны солнца. Он становился все больше и больше, снижаясь над полем.

Пролетев над головой Тиффани, птица стрелою взмыла в небо и с его когтей с воплем «Кривенс!» сорвалось что-то маленькое.

Роб Всякограб камнем падал на землю, но неожиданно над ним хлопком вздулся купол из такни. Вернее два купола, или, говоря проще, «параштаны», одолженные Робом Всякограбом у Хаммиша.

Падение замедлилось и Роб, отпустив завязки, упал прямо в запутку.

– Ты что ль думала, мы тя кинули? – закричал он, хватаясь за нити. – Ковы на мне! Давай плети!

– Что? Я не могу! – ответила Тиффани, пытаясь вытряхнуть его из запутки. – Только без тебя! Я убью тебя! Я всегда разбиваю яйца! И что за оковы?

– Неча перечить! – вскричал Роб, прыгая в нитках. – Плети! Али ты не карга холмов наших? Ведомо мне, что карга!

Мимо пробежали люди. Тиффани подняла голову. Она подумала, что видит очертания роителя, покрытого пылью.

Она взглянула на переплетение нитей и на ухмыляющегося Роба.

Время настало.

Ведьмы улаживают все, сказал ее Второй Помысел. Перейди через «не могу».

Тааак.

Почему запутки раньше не работали? Потому что в этом не было никакой необходимости. Не было мне *нужно*, чтобы запутка работала.

А сейчас мне нужна помощь запутки. Нет. Мне нужна моя собственная помощь.

Итак, *думай* об этом. Не обращай внимания на шум, не обращай внимания на роителя, скользящего к тебе по истоптанной траве...

Она вплела в запутку то, что было у нее при себе, как и полагается. Успокойся. Не торопись. Посмотри на запутку. Обдумай происходящее. В

запутке все ее памятки из дома...

Нет. Не все. Далеко не все. На этот раз она смогла предугадать в запутке очертания того, что еще не вплела в нее...

...и, рывком сорвав с себя ожерелье, опустила лошадку в сплетение нитей.

Внезапно ее мысли стали холодными и прозрачными, как лед, чистыми и ясными, такими, как и требовалось. Посмотрим... это больше подходит сюда... а вот это надо потянуть вот *так*...

Движение вдохнуло жизнь в серебряную лошадку. Она плавно повернулась, проходя через нити и Роба Всякограба, который только и сказал:

– Не больно ни чуточки! Давай дальше!

Тиффани чувствовала, что ее ноги дрожат. Лошадка, сверкая, вертелась.

– Не хочу я тя подгонять, – вставил Роб Всякограб, – но поторопись!

«Я далеко от дома, – Тиффани по прежнему мыслила ясно и четко, – но могу видеть своб землю. Сейчас я открою глаза. Сейчас я открою свои глаза еще раз...

Ах...

Могу ли я оставаться ведьмой, покинув свои холмы? Конечно могу. Я никогда по настоящему не покидала тебя, Земля Под Волной...»

Пастухи на Мелу почувствовали, как земля задрожала, словно под травой грянул гром. Птицы взлетели из кустов. Овцы подняли головы.

Земля задрожала еще раз.

Потом некоторые люди говорили, что видели, как какая-то тень пересекла солнце. Другие сказали, что слышали стук копыт.

Мальчик, ловящий зайцев в маленькой долине, где на склоне был вырезан Конь, сказал, что склон взорвался и конь выпрыгнул высоко в небо, белый, как мел, с гривой, как морская волна. Мальчик сказал, что конь облаком взмыл в воздух и понесся к далеким горам, как буря.

Мальчика наказали за выдумки, конечно же, но он посчитал, что оно того стоило.

Запутка светилась. Серебро струилось по нитям. Мерцающий звездный свет исходил от рук Тиффани.

Освещенная им, Тиффани увидела, как роитель потянулся к ней и окутал ее, словно кокон. Невидимый роитель стал виден. Он странно искривлял и отражал свет.

В этих отблесках и сверкании мелькали лица, колеблющиеся, изменяющиеся, как отражения лиц в воде.

Время замедлилось. Сквозь оболочку из роителя Тиффани могла

различить ведьм, которые смотрели на нее. Одна ведьма в суматохе потеряла шляпу, но шляпа не упала, а повисла в воздухе. У нее не было времени, чтобы упасть.

Тиффани пошевелила пальцами. Роитель мерцал в воздухе, искажаясь, как поверхность пруда, в который бросили камешек. Он тянул к ней свои щупальца. Тиффани чувствовала его панику, его ужас, словно он сам был пойман...

– Добро пожаловать. – сказала Тиффани.

Добро пожаловать? ответил роитель ее собственным голосом.

– Да. Я приглашаю тебя. Здесь ты будешь в безопасности.

Нет! Мы никогда не бываем в безопасности!

– Здесь тебе ничто не угрожает, – повторила Тиффани.

Пожалуйста! сказал роитель. *Приюти нас!*

– Волшебник понял о тебе почти все, – продолжала Тиффани. – Ты прячешься в других созданиях. Но он не задумался, почему ты это делаешь. От чего ты прячешься?

От всего, ответил роитель.

– По-моему, я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала Тиффани.

*Понимаешь? Понимаешь, каково это – осознавать каждую звезду, каждую былинку? Да. Ты понимаешь. Ты говоришь «снова открыть глаза» и открываешь их на мгновение. Наши глаза открыты вечность. Мы не знаем ни сна, ни отдыха, только бесконечное... беконечное познание, бесконечное восприятие. Всего. **Всегда.** Как мы завидуем вам, **как завидуем!** Как счастливы люди, способные оградить свой разум от бесконечной холодной бездны космоса! Вы владеете тем, что зовете... скукой? Это редчайший талант во вселенной! Мы слышали песню, в ней поется «Гори, гори моя звезда...» Какое могущество! Какое дивное могущество! Взять биллион триллионов тонн пылающей материи, огонь невообразимой силы, и превратить его в песню! Вы создаете маленькие мирки, маленькие истории, возводите раковины вокруг своего разума, ограждающие вас от бесконечности и позволяющие вам просыпаться по утрам без криков!*

Совершенно набрендился! – произнес жизнерадостный голос в глубинах памяти Тиффани. Иногда доктора Суетона просто невозможно было удержать.

Бедные, бедные мы, сказал роитель. *Нет нам защиты, нет нам покоя, нет нам прибежища. Но ты, ты понимаешь нас. Мы это видим. Внутри твоего ума прячутся другие. Спрячь нас!*

– Ты нуждаешься в покое? – спросила Тиффани.

Да, и не только в покое, ответил роитель. У вас, людей, так хорошо получается не замечать. Вы почти слепы и почти глухи. Вы смотрите на дерево и видите... всего лишь дерево, одревенелое растение. Вы не видите всей его истории, не чувствуете, как дерево перекачивает соки, не слышите копошения каждого насекомого в коре, не осязаете химию листьев, не различаете сотни оттенков зеленого, не замечаете малейшие движения листьев вслед за солнцем, неуловимый рост древесины...

– Но ты нас не понимаешь, – сказала Тиффани. – Не думаю, что кто-либо способен выжить после твоего захвата. Ты даешь нам то, что, по-твоему, мы хотим. Даешь сразу, как только мы этого возжелаем, совсем как в волшебных сказках. Но исполнение желаний всегда все портит.

Да, теперь нам это известно. В нас есть твой отголосок. К нам пришло... понимание, ответил роитель. Поэтому мы пришли к тебе просить об исполнении нашего желания. Того желания, что исправит последствия всех предыдущих.

– Да, – сказала Тиффани. – Это последнее желание, третье желание. То желание, которое звучит: «Пусть ничего этого не было».

Научи нас, как умереть, сказали голоса роителя.

– Я не знаю, как!

Все люди умеют умирать, сказали голоса роителя. Вы встречаетесь со смертью каждый день ваших коротких, таких коротких жизней. Мы завидуем вашим познаниям. Вы знаете, как положить конец. Вы такие одаренные.

«Я должна знать, как умереть, – подумала Тиффани. – Где-то в глубине души я знаю это. Дайте подумать. Мне надо пройти через „не могу“...»

Она держала в руках сияющую запутку. Запутка все еще излучала свет, но Тиффани в ней больше не нуждалась. Она могла сконцентрировать силу в себе, главное – удержать равновесие.

Свет погас. Роб Всякограб все еще висел в нитях, но все его волосы расплелись и стояли дыбом, как красный шар. Вид у него был ошарашенный.

– Я запросто могу *пришибить* недоумка, – предложил Роб Всякограб.

Тиффани опустила запутку на землю. Роб, слегка покачиваясь, выбрался из нее и Тиффани убрала остатки запутки в карман.

– Спасибо, Роб, – сказала она. – Но я хочу, чтобы сейчас ты ушел. Дело может стать... серьезным.

Конечно, сказать такое было ошибкой.

– Я не уйду! – отрезал он. – Я обещал Дженни приглядывать за тобой!

Давай, действуй!

Спорить с ним было невозможно. Он занял свою излюбленную позицию – чуть пригнувшись, сжав кулаки и выпятив подбородок – готовый ко всему, жаждущий вызова.

– Спасибо тебе, – сказала Тиффани и выпрямилась.

Смерть находится прямо за нами, думала она. Жизнь заканчивается и вот она, смерть, ожидающая нас. Так что... она должна быть где-то рядом. Совсем рядом.

Должна быть... дверь. Да. Старая дверь из старого дерева. Темная.

Тиффани повернулась. Позади нее в воздухе висела черная дверь.

Петли должны заскрипеть, подумала Тиффани.

Она толкнула дверь и петли заскрипели.

Тааак... подумала она, на самом деле двери не существует. Я рассказываю себе историю про дверь, историю, понятную мне, и я одурачила себя в достаточной степени, чтобы это сработало. Все, что мне нужно, продолжать балансировать на грани реальности. А это трудно, так же, как и не думать о розовом носороге. Но уж коли Бабушка Ветровоск на такое способна, то и я смогу.

Прямо за дверью под звездным небом лежала пустыня черного песка, простирающаяся до самого горизонта.

Ты должна помочь нам перейти порог, сказали голоса роителя.

– Коли ты мя послушаешь, то энтого не сделаешь, – отозвался Роб Всякограб с коленки Тиффани. – Не доверяю я энтому отвратцу ни на йоту!

– В нем есть частица меня. Я доверяю ей, – ответила Тиффани. – Роб, я не говорила, что ты должен пойти со мной.

– О, айе? А я буду зрить, как ты туда одна пошла, да? Не дожدهшься, чтоб я тя в такую минуту покинул!

– У тебя есть клан и жена, Роб!

– Айе, и я не обещаю их, позволив те ступить во владения Смерти одной, – твердо ответил Роб Всякограб.

Так вот *чем* мы занимаемся, думала Тиффани, глядя в дверной проем. Мы сторожим границы. Мы помогаем тем, кто не может сам найти путь...

Она набрала полную грудь воздуха и шагнула внутрь.

Ничего не изменилось. Песок под ее ногами скрипел и осыпался, как она и ожидала. Неожиданостью оказалось то, что подброшенный в воздух, он медленно, словно пушинка, падал на землю.

Дверь мягко закрылась за Тиффани.

Благодарим тебя, сказали голоса роителя. *Что мы должны делать теперь?*

Тиффани огляделась вокруг и посмотрела на звезды. Звезды были незнакомые.

– Умереть, я думаю, – ответила она.

Но нет «меня», чтобы умереть, сказали голоса роителя. Есть только мы.

Тиффани глубоко вздохнула. Дело было за словами, а в словах она разбиралась.

– Существует поверье, – сказала она, – что когда-то давно мы были просто капельками, плавающими в море, затем стали рыбами, затем ящерами, крысами и обезьянами, а между ними побывали сотнями разных существ. Когда-то давно эта рука была плавником, а затем на ней появились когти! В моем человеческом рту есть острые зубы волка, резцы зайца и жевательные зубы коровы. Наша кровь солоная, как море, в котором мы когда-то жили! При испуге наши волосы встают дыбом, точно так же, как встает дыбом шерсть. Мы сами – история! Все, чем мы становились на своем пути к человеку, все еще существует в нас. Продолжать?

Продолжай, ответил роитель.

– Во мне живет память о моих родителях, о родителях моих родителей и о всех моих предках. Эта память проявляется в цвете глаз, в цвете волос. И каждый, кто изменил способ моего мышления, так же живет во мне. Так кто же «я»?

Часть, которая только что рассказала нам эту историю, сказал роитель. Часть, которая истинная ты.

– Ну... да. Но в тебе тоже должна быть эта часть. Ты говоришь «мы» – кто это говорит? Кто говорит, что ты – это не ты? Ты не отличаешься от нас. Просто мы очень и очень хорошо умеем забывать. И мы знаем, когда не надо слушать обезьяну.

Ты нас только озадачила, ответил роитель.

– Древний фрагмент нашего мозга, который хочет стать главной обезьяной и нападает, если ее застать врасплох, – ответила Тиффани. – Она действует, она не думает. Но люди знают, когда не надо быть обезьяной или ящером, или любым другим старым воспоминанием. Но когда ты захватываешь людей, ты заглушаешь человеческую часть. Ты слушаешь обезьяну. Обезьяна не знает, что ей нужно, она знает только то, что она хочет. Нет, ты не «мы». Ты – «я».

Я, мое, сказал роитель. Я. Кто я?

– Может, ты хочешь, чтобы тебе дали имя? Имя может помочь.

Да. Имя...

– Мне всегда нравилось имя Артур.

Артур, повторил роитель. Мне тоже нравится Артур. И если есть я, то я могу перестать быть. Что дальше?

– Существа, которых ты... захватывал, они умирали?

Да, ответил Артур. Но мы... но я не видел, что происходило. Они просто прекращали существовать.

Тиффани поглядела на бескрайний песок. Она никого не видела, но было что-то, предполагающее движение. Возможно случайное изменение освещенности, как будто она уловила мелькание того, что увидеть не могла.

– Я думаю, – сказала Тиффани, – что тебе надо пересечь пустыню.

Что там, на другой стороне? спросил Артур.

Тиффани помедлила.

– Некоторые люди верят, что попадут в лучший мир, – сказала она. – Некоторые думают, что вернутся назад, но в другом теле. Кто-то думает, что там нет ничего. Что он просто прекращает существование.

И что думаешь ты? спросил Артур.

– Я думаю, что нет таких слов, чтобы описать это, – ответила Тиффани.

Это правда? спросил Артур.

– Я думаю, что поэтому каждый должен пересечь пустыню. Чтобы узнать ответ.

Горю желанием узнать поскорее. Спасибо тебе!

– Прощай... Артур.

Она почувствовала движение роителя. Явных признаков не было – так, несколько песчинок сдвинулось с места, что-то зашипело – но он медленно заскользил по черному песку.

– Скатертью те дорога! Чтоб те пусто было! – завопил ему вслед Роб Всякограб.

– Нет, – прервала его Тиффани. – Не говори так.

– Айе, но он убивал народ, чтобы жить.

– Он не хотел этого. Он не знал, как устроены люди.

– Но каков чуден вздор ты ему нагородила! – продолжал Роб с восхищением. – Даже гоннаглю не нагородить такого вздора!

Тиффани задумалась, действительно ли ее слова были вздором. Как-то раз она заплатила пяток яиц странствующему учителю за утренний урок «Чудеса Вселенной». Цена за урок была высока, но оно того стоило. Учитель был немного не в себе, даже для учителя, но в его словах был несомненный смысл. Он сказал: наиболее изумительным во вселенной является то, что рано или поздно все существующее будет сделано из уже

когда-то существовавшего, хотя на это может потребоваться не один миллион лет. Дети захихикали, кто-то стал спорить, но Тиффани уже знала, что мел их холмов когда-то был крошечными живыми существами. Все превращается во что-то, даже звезды.

Хорошее это было утро, особенно когда ей вернули половину яйца за исправление ошибки в слове «Всиленная».

Была ли правда в ее словах? Может, это не имеет значения. Может, достаточно того, чтобы это было правдой для Артура.

Ее глаза, ее внутренние глаза, что распахнулись дважды, начали закрываться. Она чувствовала, как сила начала покидать ее. Нельзя слишком долго пребывать в таком состоянии. Ты так сильно начинаешь ощущать вселенную, что перестаешь ощущать саму себя. Как мудро поступили люди, научившись ограничивать свои умы. Разве есть во вселенной что-нибудь более удивительное, чем скука?

Тиффани присела и набрала горсть песка. Он поднялся над ее ладонью, закручиваясь, как струйка дыма, отражая звездный свет, а затем начал медленно опускаться, так, словно у него было все время мира.

Она никогда еще не чувствовала себя такой усталой.

Она все еще могла слышать внутренние голоса. Роитель оставил после себя несколько воспоминаний. Она могла вспомнить времена, когда звезд не было и когда даже не было такого понятия, как вчера. Она знала, что скрывается за небесами и под травой. Но она не могла вспомнить, когда спала в последний раз, *спала по-настоящему, в кровати*. Бессознательное состояние не считается. Она закрыла глаза и еще раз закрыла глаза...

Кто-то из всех сил пинал ее в ботинок.

– Не спи! – кричал Роб Всякограб. – Только не здесь! Не можна *туда* спати! Подъем!

Все еще в тумане Тиффани заставила себя подняться на ноги, окруженная завитками взметнувшейся пыли, и повернулась к двери.

Которой не было.

На песке виднелись отпечатки ее ног, но они обрывались через пару футов и к тому же медленно исчезали. Вокруг нее ничего не было, только мертвая пустыня.

Она повернулась, чтобы поглядеть на отдаленные горы, но обзор перегораживала высокая фигура в черном, держащая в руках косу. Раньше ее здесь не было.

– ДОБРЫЙ ДЕНЬ, – сказал Смерть.

Глава двенадцатая

Эвакуация

Тиффани взглянула в темноту под капюшоном. Под ним скрывался череп, глазницы которого сияли голубым светом.

Уж что-что, а костей Тиффани никогда не боялась. Кости – это ничто иное, как способный передвигаться мел.

– Вы?... – заговорила она, но тут Роб Всякограб с воплем прыгнул под капюшон.

Раздался стук. Смерть отшатнулся и поднес костяную руку к капюшону. Он вытащил Роба Всякограба за волосы и вытянул перед собой руку с пинающимся и ругающимся Нак Мак Фиглом.

– ЭТО ТВОЙ? – спросил Смерть у Тиффани.

Голос был низким и звучал со всех сторон, словно раскаты грома.

– Нет. Эээ... Он свой собственный.

– Я НЕ ОЖИДАЛ СЕГОДНЯ НАК МАК ФИГЛОВ, – сказал Смерть. – ИНАЧЕ Я НАДЕЛ БЫ ЗАЩИТНУЮ ОДЕЖДУ, ХА, ХА.

– Они любят подраться, – признала Тиффани. – Вы *Смерть*, верно? Глупый вопрос, знаю.

– ТЫ НЕ БОИШЬСЯ?

– Еще нет. Но, ээ... где здесь эвакуация, подскажите, пожалуйста.

Последовала пауза. Затем Смерть недоумевающе спросил:

– ТЫ ПРО ГИГАНТСКУЮ ЖЕНЩИНУ?

– Нет, – ответила Тиффани. – Все так думают. На самом деле это означает выход. Проход наружу.

Смерть простер руку, в которой все еще держал Роба Всякограба.

– ВОН ТАМ. ТЫ ДОЛЖНА ПЕРЕСЕЧЬ ПУСТЫНЮ.

– Рано или поздно ты мя усе равно отпустишь, скелет ходячий! – взвыл Роб Всякограб. – И затем я те так врежу!

– Здесь была дверь! – сказала Тиффани.

– АХ, ДА, – проговорил Смерть. – НО ЗНАЕШЬ ЛИ, СУЩЕСТВУЮТ ПРАВИЛА. ЭТО БЫЛ ВХОД.

– И какая разница?

– К СОЖАЛЕНИЮ, ДОВОЛЬНО ВАЖНАЯ. ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ САМОЙ НАЙТИ ВЫХОД ДЛЯ СЕБЯ. ПОСТАРАЙСЯ НЕ ЗАСНУТЬ. СОН ЗДЕСЬ НИКОГДА НЕ ПРЕРВЕТСЯ.

Смерть исчез. Роб Всякограб упал на песок и тут же вскочил, готовый к драке, но никого уже не было.

– Те треба сделать дверь наружу, – сказал он.

– Я не знаю как! Роб, я тебе говорила не ходить со мной. Ты-то сам сможешь *выйти* отсюда?

– Айе. Мабудь. Но я должен за тобой приглядать. Кельда наложила на мя ковы. Я должен спасти каргу холмов.

– *Дженни* попросила тебя об этом?

– Айе. И она дюже *точно* выразилась, – ответил Роб Всякограб.

Тиффани тяжело опустилась на песок, который завихрился струйками вокруг нее.

– Я никогда не выберусь отсюда, – сказала она. – Пройти сюда, да, это было не трудно...

Тиффани огляделась по сторонам. Время от времени освещение менялось, но не очень заметно, и кое-где вздымались фонтанчики песка. Мимо шли люди, которых она не могла видеть. Люди пересекали пустыню. Мертвые люди, которые шли, чтобы узнать, что там за горами...

Мне всего одиннадцать, думала Тиффани. Все так расстроятся. Она подумала о ферме и о том, что скажут ее мать и отец. Но тела так и не найдут, поэтому они будут надеяться, что она вернется, что она просто... потерялась, как надеется старая миссис Хаппенс, до сих пор выставяющая в окне горящую свечу для сына, пропавшего тридцать лет тому назад.

Она прикинула, не мог бы Роб передать от нее весточку, но что ей сказать? Я не умерла, а лишь застряла?

– Мне следовало подумать о других, – сказала она вслух.

– Айе, пропасть, ты и думала, – отозвался Роб, сидящий у ее ног. – Выставив Артура, ты спасла людей, которых он мог убить. Ты сделала то, что должна была сделать.

Да, подумала Тиффани. Это наш долг. И не к кому обратиться за помощью, потому что это *мы*, от кого все ее ждут.

Но ее Второй Помысел сказал: «Я рада, что сделала это. Я бы и снова так поступила. Я не дала роителю убить еще кого-нибудь, несмотря на то, что мы привели его прямо на Пробы».

И после этой мысли последовала пауза. Должна была появиться следующая мысль, но Тиффани слишком устала, чтобы думать. Это все было важным.

– Спасибо, что пошел со мной, Роб, – сказала она. – Но когда... ты сможешь вернуться, ты должен пойти прямо к *Дженни*, понимаешь? И передать ей мою благодарность за то, что она послала тебя. Скажи ей, что

мне так хотелось бы, чтобы нам выпал случай узнать друг друга получше.

– Ох, айе. Все равно я отправил хлопцев обратно. А меня ждет Хаммиш.

И в этот момент появилась дверь и широко распахнулась. В дверном проеме возникла Бабушка Ветровоск и призывно замахала рукой.

– У кого-то ума меньше, чем у новорожденного. Иди сюда, сейчас же! – скомандовала она. Дверь позади нее начала закрываться, но она резко повернулась и подперла дверь ботинком, закричав: – И думать не смей, коварная чертовка!

– Но... Я думала, что есть правила! – сказала Тиффани. Она вскочила на ноги и кинулась к двери, усталости как не бывало. Даже утомленное тело жаждало спасения.

– А? Неужели? – спросила Бабушка. – А ты что-нибудь подписывала? Ты давала какую-нибудь клятву? Нет? Значит это не *твои* правила! А теперь давай быстрее! И ты тоже, мистер Всякограб!

Роб Всякограб вспрыгнул на ее ботинок, как раз перед тем, как она выдернула ногу. Дверь со стуком захлопнулась и они остались... в тусклом свете, который казался мертвым.

– Сейчас это пройдет, – сказала Бабушка Ветровоск. – Обычно такого долго не бывает. Это мир возвращается обратно в свои границы. Ох, не смотри на меня так. Ты показала ему Путь, так? Из жалости. Я знакома с этой дверью. И ты снова и снова будешь открывать ее, нет никаких сомнений, для других заблудших душ. Ты будешь открывать дверь для тех, кто не может ее найти сам. Но мы не разговариваем об этом, понимаешь?

– Мисс Левел никогда...

– Я же сказала, мы не говорим на эту тему, – повторила Бабушка Ветровоск. – Знаешь ли ты, что значит быть ведьмой? Это значит, что ты делаешь выбор, который должен быть сделан. Трудный выбор. Но ты... справилась. В жалости нет ничего стыдного.

Она стряхнула несколько травяных семян со своего платья.

– Надеюсь, что миссис Огг уже прилетела, – продолжила она. – Мне нужен ее рецепт яблочного чатни. О... мне надо тебя предупредить. Когда мы вернемся, у тебя может немного кружиться голова.

– Бабушка? – спросила Тиффани, когда свет усилился. Вместе со светом также вернулась и усталость.

– Да?

– Что в *точности* произошло сейчас?

– Как ты думаешь, что случилось?

Над ними вспыхнул свет.

Кто-то протирал лоб Тиффани влажной тряпочкой. Тиффани лежала, ощущая восхитительную прохладу. Вокруг нее звучали голоса и она опознала хронически недовольные интонации Аннаграммы.

– ...И она устроила в лавке ЗакЗака целое представление. Честно говоря, я думаю, у нее с головой не все в порядке. Я думаю, что у нее, в буквальном смысле, крыша поехала. Выкрикивала всякие слова и проделала что-то, ну не знаю, какой-то ярмарочный фокус, чтобы заставить нас поверить, будто она превратила беднягу Брайана в лягушку. Ну, конечно же, *меня-то* ей не удалось одурачить ни на минуту...

Тиффани открыла глаза и увидела над собой круглое розовощекое, озабочено сморщенное лицо Петулии.

– Ммм, она очнулась! – сказала девочка.

Пространство под потолком заполнилось остроконечными шляпами. Они с неохотой расступились, когда Тиффани села. Должно быть сверху это выглядело, словно большая черная маргаритка закрыла и раскрыла свои лепестки.

– Где я? – спросила Тиффани.

– Ммм, в палатке Первой помощи и Потерянных детей, – ответила Петулия. – Ммм... Ты упала в обморок, когда госпожа Ветровоск вернула тебя из... оттуда, куда ты уходила. *Каждый* приходил поглядеть на тебя!

– Она сказала, что ты, типа, *затащила* чудовище, типа, в Другой мир! – сказала Люси Варбек с горящими глазами. – Госпожа Ветровоск всем рассказала об этом!

– Ну, это было не совсем... – начала Тиффани. Она почувствовала, как что-то стучит ее по спине. Она протянула руку и достала из-за спины остроконечную шляпу. Шляпа была почти серая от старости и довольно потрепанная. ЗакЗак никогда бы не рискнул продавать что-то подобное, но все девочки смотрели на нее, как голодные псы на руку мясника.

– Ммм, госпожа Ветровоск дала тебе свою *шляпу*, – выдохнула Петулия. – Свою собственную *шляпу*.

– Она сказала, что ты прирожденная ведьма и ведьме без шляпы никак нельзя! – сказала Димити Хаббаб, внимательно глядя на Тиффани.

– Это очень приятно, – ответила Тиффани. Она привыкла к поношенной одежде.

– Это всего лишь старая шляпа, – заявила Аннаграмма.

Тиффани взглянула на высокую девочку и позволила себе медленно улыбнуться.

– Аннаграмма? – сказала он, поднимая раскрытую ладонь.

Аннаграмма попятилась.

– О, нет, – сказала она. – Не делай этого! *Не делай!* Кто-нибудь, остановите ее, пожалуйста!

– Хочешь воздушный шарик, Аннаграмма? – спросила Тиффани, соскальзывая со стола.

– Нет! Пожалуйста! – Аннаграмма шагнула назад, выставив руки перед лицом, и упала, споткнувшись о скамейку. Тиффани помогла ей подняться и весело похлопала ее по щеке.

– Тогда я не куплю тебе шарик, – ответила она. – Но *пожалуйста*, посмотри, что означает «в буквальном смысле», хорошо?

Аннаграмма деревянно улыбнулась.

– Ээ, хорошо, – выдавила она.

– Замечательно. А теперь мы будем друзьями.

Она отпустила девочку и пошла подобрать шляпу.

– Ты, наверное, еще не совсем пришла в себя, – сказала Петулия. – Ты, наверное, не совсем понимаешь.

– Ха. На *самом деле* я вовсе не испугалась, знаете, – проговорила Аннаграмма. – Это все было просто для смеха.

Но никто не обращал на нее внимания.

– Не понимаю что? – спросила Тиффани.

– Это ее собственная *шляпа!* – хором сказали девочки.

– Типа, если бы шляпа могла говорить, представь, какие истории она могла бы поведать, – сказала Люси Варбек.

– Это была просто шутка, – обратилась Аннаграмма к любому, кто мог ее услышать.

Тиффани поглядела на шляпу. Шляпа была очень изношенной и не очень чистой. Если бы эта шляпа могла говорить, она, скорее всего, ворчала бы.

– А где бабушка Ветровоск сейчас? – спросила она.

Девочки ахнули. Слова Тиффани произвели такое же впечатление, как и шляпа.

– Ммм... и она не возражает, что ты ее так зовешь? – спросила Петулия.

– Она сама мне предложила, – ответила Тиффани.

– Только мы слышали, что надо знать ее, типа, лет сто, прежде чем она позволит так называть себя, – вставила Люси Варбек.

Тиффани пожала плечами.

– Ну и ладно, – сказала она. – Кто знает, где она сейчас?

– О, она пьет чай с другими пожилыми ведьмами и ворчит о вкусе чатни и о том, что ведьмы нынче стали не те, что были во времена ее

молодости, – ответила Лулу Дорогуша.

– Что? – изумилась Тиффани. – Просто пьет чай?

Юные ведьмы озадачено переглянулись.

– Ммм, чай с булочками, – ответила Петулия. – Если это имеет какое-нибудь значение.

– Но она открыла мне дверь. Вход в... выход из пустыни! Нельзя после такого сидеть и просто есть булочки!

– Ммм, я видела там булочки с глазурью, – нервно отважилась Петулия. – Это не просто домашняя выпечка...

– Слушай, – сказала Люси Варбек. – Мы ничего такого не видели, понимаешь? Ты просто стояла там, вся окруженная, типа, сиянием, и никто не мог к тебе подойти, и затем бабу... госпожа Ветровоск вошла в сияние и вы обе стояли там, понимаешь? И затем сияние зажужжало и исчезло, и ты, типа, упала.

– Люси пыталась довольно неудачно объяснить, – встряла Аннаграмма. – Что мы все не видели, что ты куда-то уходила. Я говорю тебе об этом, как твоя подруга. Было только сияние, которое могло быть вызвано чем угодно.

Из Аннаграммы получится хорошая ведьма, признала Тиффани. Она могла рассказывать себе истории, в которые, в буквальном смысле, верила сама. И она была совершенно непрошибаема.

– Не забывай, что я видела коня, – сказала Харриета Срыв.

Аннаграмма округлила глаза.

– О, да, Харриета думает, что она видела что-то вроде коня в небе. Не считая того, что он не выглядел как конь, по ее словам. Она говорит, что он выглядел так, будто самого коня убрали, но оставили лишь его сущность, верно, Харриета?

– Я не говорила такого! – отрезала Харриета.

– Ну, извини. Такое впечатление произвели твои слова.

– Люди говорили, что видели белую лошадь, пасущуюся на соседнем поле, – добавила Петулия. – И многие старшие ведьмы сказали, что почувствовали огромное количество...

– Да, кое-кто говорил, что видел белую лошадь в поле, но ее там больше нет, – сказала Аннаграмма нараспев, как она всегда говорила о том, что полагала глупостями. – Не часто в деревне увидишь лошадь в поле, что и говорить. К тому же, если там и правда была белая лошадь, то она должна была быть серой.

Тиффани сидела на краю стола, глядя на свои коленки. Злость на Аннаграмму придала ей воодушевления, но усталость снова возвращалась.

– Я полагаю, что никто не видел маленького синего человечка, примерно шести дюймов высотой, с рыжими волосами? – тихо спросила она.

– Кто-нибудь видел? – спросила Аннаграмма, неприятно оживившись. Девочки дружно пробормотали «нет».

– Извини, Тиффани, – сказала Люси.

– Не переживай, – продолжила Аннаграмма. – Наверное, он ускакал на той белой лошади!

Это все закончится так же, как рассказ о стране Фей, подумала Тиффани. Даже я сама не могу вспомнить, произошло ли это на самом деле. Почему другие должны мне поверить? И все же, надо попробовать.

– Появилась темная дверь, – медленно заговорила она. – И за ней была пустыня с черным песком и на небе были звезды, хотя было довольно светло, и еще там был Смерть. Я говорила с ним...

– Ты говорила с ним, неужели? – перебила ее Аннаграмма. – И что же он сказал тебе, «молись»?

– Он не говорил «молись», мы с ним вообще не долго разговаривали. Но он тоже не знал, что такое эвакуация.

– Это такая маленькая разновидность цапли? – спросила Харриета.

В палатке было тихо, только снаружи доносился шум праздника.

– Это не твоя вина, – сказала Аннаграмма тоном, который она сама считала сочувствующим. – Всё, как я и говорила: госпожа Ветровоск дурит людям голову.

– А как же сияние? – спросила Люси.

– Возможно, это была шаровая молния, – объяснила Аннаграмма. – Странные штуки эти шаровые молнии.

– Но люди, они, типа, стучали по нему! Оно было твердым, как лед!

– Ах, ну возможно оно таким чувствовалось, – продолжала Аннаграмма. – Но на самом деле... возможно, оно обманывало мускулы людей. Я только пытаюсь помочь, – добавила она. – Надо быть здравомыслящим. Мы видели только ее. Она стояла там и не было никаких дверей и пустынь. Только она одна.

Тиффани вздохнула. Она ничего не чувствовала, кроме усталости. Ей хотелось одного – заползти куда-нибудь. Ей хотелось одного – оказаться дома. Если бы ботинки вдруг не стали такими неудобными, она бы встала и пошла бы домой пешком.

Пока девочки спорили, они развязала шнурки и стащила один ботинок.

Из ботинка посыпалась серебристо-черная пыль. Песчинки падали на пол и медленно отскакивали от него, поднимаясь в воздух, как струйки

тумана.

Девочки обернулись и замолчали. Затем Петулия наклонилась и поймала немного песка. Когда она подняла руку, мельчайшие частички потекли сквозь пальцы. Они падали медленно, как пушинки.

– Иногда все идет не так, – проговорила она мечтательным голосом. – Госпожа Черночепчик рассказывала мне. Вы когда-нибудь сидели с умирающими стариками?

Одна-две девочки кивнули, но никто не отводил глаз от песка.

– Иногда все идет не так, – повторила Петулия. – Иногда они умирают, но не могут уйти, потому что не знают Пути. Госпожа Черночепчик сказала, что вот для того-то мы и нужны, чтобы помочь им найти дверь и они не оказались потерянными в темноте.

– Петулия, о таких вещах не говорят, – мягко сказала Харриета.

– Нет! – воскликнула Петулия, покрасневшись. – Пришло время поговорить об этом, здесь и между нами! Она сказала, это последнее, что мы можем сделать для них. Она сказала, что там есть черная пустыня, которую надо пересечь, и песок там...

– Ха! Миссис Иервиг говорит, что это все относится к черной магии, – вставила Аннаграмма голосом, резким и неожиданным, как нож.

– Она так говорит? – отрешенно переспросила Петулия, высыпая песок. – А вот госпожа Черночепчик говорит, что иногда луна ярко сияет в небесах, а иногда скрыта за облаками. Но нельзя забывать, что это все равно та же самая луна. И... Аннаграмма?

– Да?

Петулия набрала побольше воздуха.

– *Никогда* в жизни больше не смей перебивать меня! Даже не пытайся! *Не смей!* Я не шучу!

Глава тринадцатая

Ведьминские Пробы

И затем... Затем начались сами Ведьминские Пробы. Ведь ради них все и собрались, верно? Но когда Тиффани вышла из палатки, окруженная девочками, она уловила разлитые в воздухе сомнения. Имеет ли *теперь* смысл проводить Пробы? После того, что произошло?

Однако снова натянули веревки, огораживая квадратную площадку, и старшие ведьмы подтащили свои кресла поближе, и похоже было, что Пробы в конце концов начнутся.

Тиффани подошла к веревке, нашла свободное место и села на траву, положив перед собой шляпу Бабушки.

Она чувствовала за спиной присутствие девочек и также гул перешептываний, перекатывающийся по толпе.

– ...она это сделала... нет, действительно... весь путь до пустыни... видели песок... они говорят, что ее ботинки были полны песка...

Слухи распространялись среди ведьм быстрее, чем вирусы гриппа. Ведьмы сплетничали, как сороки.

Ни судей, ни призов не было. Как и говорила Петулия, Пробы были совсем не такими. Их целью было показать всем, что ты умеешь. Показать всем, чего ты достигла, чтобы люди расходились, думая: «Ну дает эта Карамелька Боттлетвейт!». Пробы не были соревнованием, честно. Победителей не было. И тот, кто в это верил, поверил бы и тому, что крокодил солнце в небе проглотил.

Реальность же была такова: какая-нибудь старшая ведьма открывала Пробы, демонстрируя сложный трюк, который все уже видели, но по-прежнему ценили. Это разбивало лед. В этом году первой выступила Матушка Топот со своей коллекцией поющих мышей.

Но Тиффани не обращала на них внимания. На другой стороне огороженной веревками площади, окруженная старшими ведьмами как королева, в кресле сидела Бабушка Ветровоск.

Перешептывания продолжались. Вполне возможно, что Тиффани, открывая глаза, также открыла и уши, потому что она могла расслышать шепот со всех сторон.

– ...Не прошла обучение, просто взяла и сделала... Вы видели эту лошадь?.. Не видела я никакой лошади! Не просто открыла дверь, но

шагнула внутрь!.. Да, но кто привел ее назад? Эсме Ветровоск, вот кто!.. Ага, я и говорю, любая глупышка может чудом открыть дверь, но только настоящая ведьма сможет привести обратно, вот кто победитель, вот кто... Боролась с ним, оставила его там!.. Я не видела, чтобы ты что-нибудь делала, Виолета Пульсимон! Этот ребенок... Так была лошадь или нет?.. Я собиралась показать свою танцующую метлу, но сейчас это лишь пустая трата времени... Почему же тогда госпожа Ветровоск дала свою шляпу девочке, а? Что она хотела этим сказать? Она никогда ни перед кем не снимала шляпу!

Напряжение перескакивало с одной остроконечной шляпы на другую, как электрический разряд.

Мыши старательно исполняли «*Ромашки спрятались*», но было заметно, что мысли их были заняты чем-то другим. Мыши очень темпераменты и легко теряют душевное равновесие.

Ведьмы склонились к Бабушке Ветровоск. Тиффани видела, как они очень оживленно переговаривались.

– Знаешь, Тиффани, – сказала Люси Варбек, из-за ее спины. – Все, что от тебя требуется, типа, просто встать и признать свою победу. Все знают, что ты победила. Я хочу сказать, никому еще не удавалось выступить на Пробах с *таким!*

– Пришло время старой грубиянке проиграть, – сказала Аннаграмма.

Но она не грубиянка, подумала Тиффани. Она сурова и ждет от остальных такой же суровости, потому что на границах нет места слабакам. С бабушкой все испытание. И в этот момент ее Третий Помысел выскочил с мыслью, которая не успела полностью сформироваться там, в палатке: «*А вы ведь знали, бабушка Ветровоск, что роутелю нужна только я, верно? Вы сами сказали, что говорили с доктором Суетоном. Может, вы сделали меня своим номером на сегодня? Насколько вы догадались или что вы уже знали?*»

– Ты выиграла, – сказала Димити Хаббаб. – Даже кое-кто из старших ведьм не отказался бы посмотреть, как с нее сойдут спесь. Все знают, что колдовство было очень сильным. На *мили* вокруг не осталось ни одной целой запутки.

«Значит, я выиграла потому, что кто-то кого-то недолюбливает? – думала Тиффани. – О, да, этим действительно можно гордиться...»

– Могу поспорить, сейчас она *встанет*, – сказала Аннаграмма. – Только подождите. Встанет и объяснит, как чудовище затащило бедную девочку в соседний мир и как она вернула ее назад. Я бы так и поступила на ее месте.

«Не сомневаюсь, ты бы так и поступила, – подумала Тиффани. – Но ты не она и ты не я».

Она не сводила взгляда с Бабушки Ветровоск, которая отмахнулась от парочки старших ведьм.

Интересно, подумала Тиффани, не говорят ли они ей что-то вроде: с этой девочки не помешает сбить спесь, госпожа Ветровоск. И только она подумала об этом, как бабушка повернулась и перехватила ее взгляд...

Мыши растерялись и перестали петь. После небольшой паузы все захлопали, потому что после выступления полагается аплодировать.

Какая-то неизвестная Тиффани ведьма вышла в центр площадки, хлопая в ладоши высоко поднятыми руками в стиле «ну-ка-дружно-все-вместе», поощряя зрителей не прекращать аплодисменты.

– Молодец, Дорис, как всегда великолепно, – нараспев сказала она. – За этот год они сделали просто невероятные успехи. Большое спасибо, все было чудесно... кхем...

Ведьма ненадолго замялась, пока Дорис ползала по сцене на четвереньках, пытаясь загнать мышей в коробку. У одной из мышек была истерика.

– А сейчас... может кто из леди хотел бы... выйти... на сцену? – сказала распорядительница голосом, звонким, как хрустальный шар, который вот-вот разобьется. – Есть желающие?

Но все молчали и никто даже не двинулся.

– Не стесняйтесь, дамы! – голос распорядительницы на мгновение стал более натянутым. Мало веселого организовывать целое поле прирожденных организаторов. – Скромность нам не к лицу! Есть желающие?

Тиффани *чувствовала*, как остроконечные шляпы поворачивались – к ней, к бабушке Ветровоск. Бабушка, которую разделяло с Тиффани несколько метров травы, протянула руку и резко стряхнула чью-то ладонь с плеча, не переставая смотреть в глаза Тиффани. «А ведь мы с ней обе без шляп, – подумала Тиффани. – Бабушка Ветровоск, когда-то вы дали мне воображаемую шляпу и я благодарна вам за это. Но сегодня она мне не нужна. Сегодня я знаю, что я ведьма».

– Ох, ну давайте же, дамы! – почти отчаявшись воскликнула распорядительница. – Это же Пробы! Мы собрались для проведения дружественных и поучительных соревнований в атмосфере братства и доброй воли! Может кто из дам... или может кто из юных участниц?

Тиффани улыбнулась. Надо было сказать «сестринство», а не «братство». Мы сестры, а не братья.

– Давай, Тиффани! – подтолкнула ее Димити. – Они знают, ты можешь!

Тиффани отрицательно покачала головой.

– О, ну так оно и есть, – сказала Аннаграмма, округляя глаза. – Старая кошелка задурела ей голову, *как обычно...*

– Я не знаю, кто там кому голову дурил, – отрезала Петулия, закатывая рукава, – но я собираюсь показать номер с поросенком.

Она поднялась на ноги и толпа оживилась.

– Ага, я вижу, сейчас выступит... О, Петулия, это ты, – немного разочаровано сказала распорядительница.

– Да, мисс Створка, и я собираюсь представить номер с поросенком, – заявила Петулия.

– Но, эээ, поросенка-то у тебя с собой нет, – ответила мисс Створка, захваченная врасплох.

– Да, мисс Створка. Я представлю номер с поросенком... *без поросенка!*

Толпа оживилась и раздались крики «Невозможно!» и «Здесь, между прочим, дети!»

Мисс Створка огляделась по сторонам в поисках помощи, но не найдя ее, беспомощно ответила:

– Ну хорошо. Если ты так уверена, дорогая...

– Да. Я уверена. Я возьму... сосиску! – сказала Петулия, доставая сосиску из кармана и высоко поднимая ее.

Толпа оживилась еще больше.

Тиффани не видела номер. Также как и бабушка Ветровоск. Их взгляды были прикованы друг к другу и даже мисс Створка безотчетно старалась не вставать между ними.

Но Тиффани слышала пороссячий визг и изумленный вздох, а затем гром аплодисментов. К этому моменту толпа была готова захлопать по любому поводу, как вода, переполнившая плотину, готова найти любой выход.

И *после этого выступления* ведьмы пошли на сцену. Мисс Левел жонглировала мячами, которые замерли в воздухе и полетели в другую сторону. Ведьма средних лет показала новый способ спасения человека, которому еда попала не в то горло. Казалось бы, что в этом магического, пока не сообразишь, что превращение умирающего человека в живого и здорового стоит десятка эффектных, но бесполезных заклинаний! Взрослые ведьмы и ученицы одна за другой выходили на сцену и демонстрировали как серьезное колдовство, так и полезные мелкие уловки.

Они показывали фокусы, сопровождающиеся шумовыми эффектами, избавлением от зубной боли, или, как в одном случае, оглушительным взрывом...

...пока, наконец, желающих не осталось.

Мисс Створка вернулась на площадку, почти пьяная от облегчения, что Пробы все же *состоялись*, и в последний раз возвала ко всем ведьмам – и молодым, и старым – с предложением выступить.

Ответом была тишина, такая плотная, что в нее можно было бы воткнуть булавку.

Тогда она сказала:

– Ну что же... в таком случае, я объявляю Пробы закрытыми. Чай будет подан в большой палатке!

Тиффани и бабушка тут же одновременно встали и поклонились друг другу. Затем бабушка повернулась и вместе с остальными ведьмами пошла пить чай. Интересно было наблюдать, как люди, не отдавая себе отчета, расступались перед ней, словно море перед особенно хорошим пророком.

Молодые ведьмы обступили Петулию со всех сторон. Ее номер с поросенком прошел на ура. Тиффани пришлось ждать своей очереди, чтобы обнять Петулию.

– Но *ты* должна была стать победительницей! – сказала ей Петулия, вся красная от волнения и радости.

– Это не имеет значения. Правда, – ответила Тиффани.

– Ты упустила победу, – раздался за ее спиной резкий голос. – Она была у тебя в руках, но ты просто упустила ее. И как тебе это нравится, Тффани? По вкусу ли тебе унижение?

– Вот что, Аннаграмма, – заговорила Петулия, яростно тыкая пальцем.

Тиффани успокаивающе взяла Петулию за руку. Затем она повернулась и радостно улыбнулась Аннаграмме.

Вот что ей хотелось сказать Аннаграмме: «Там, откуда я родом, мы устраиваем состязания пастушьих собак. Пастухи приходят со всех концов, чтобы показать своих собак. И в награду они получают серебряные посохи, пояса с серебряными пряжками и всякое другое, Аннаграмма, но знаешь ли ты, что считается самым главным призом? Нет, откуда же тебе знать. О, состязания судят судьи, но не они присуждают *главный* приз, тут они не считаются. Там есть... была одна маленькая старушка, которая всегда стояла впереди толпы, облокотившись на перегородки, и курила трубку. А у ног ее сидели две наилучшие пастушьи собаки, которые когда-либо рождались. Их звали Гром и Молния и они двигались так стремительно, что могли бы поджечь воздух, а сияние их шерсти затмевало солнце. Но она

никогда не выставляла своих собак на состязания. Она знала об овцах даже больше, чем сами овцы о себе знают. И что на самом деле *хотел* каждый, каждый молодой пастух, так это не дурацкий кубок или пояс, но чтобы когда он покидал арену, она вытащила бы трубку изо рта и тихо сказала: „Сойдет“. Потому что ее слова означали, что ты *настоящий* пастух и все узнают об этом. Но если бы ему предложили состязаться с ней, он обругал бы тебя и сказал, что скорее заплует солнце до черноты. Да и как ему победить? Она была душой пастушества. Это было ее жизнью. Что ты отнимешь у нее, ты отнимешь у себя. Ты не понимаешь меня, верно? Она была сердцем, душой и сосредоточием пастушества! Душой... и... сосредоточием!»

Но толку от ее слов не было бы и потому она просто сказала:

– Ох, да замолчи уж, Аннаграмма. Пойдемте посмотрим, не осталось ли там еще булочек!

Где-то в вышине закричал ястреб. Тиффани подняла голову.

Высоко в небе птица развернулась по ветру и начала долгий спуск домой.

Они всегда были там.

Дженни лежала около своего котла. Внезапно она открыла глаза, вскочила на ноги и воскликнула.

– Он вертается! – И яростно замахала наблюдающим за ней фиглам. – Да что вы тут стоите, выгаращив очи! – скомандовала она. – Пимайте кролика и изжарьте его! Разведите костер! Да воду скипятите, я выкупатися собираюсь! Да гляньте-ка по сторонам, тута просто помойка! Ну-ка приберитесь! Мне треба чтоб туточки все сверкало к возвращению Большого клана! Гэть за Овечкиным Особливым Наружным! Да нарежьте зеленых веток, падубка там али тиса! Да золотые тарелки вычистите, чтоб все сияло! Да что вы стоите тута?

– Ээээ, с чего нам починать треба, кельда? – нервно спросил какой-то фигл.

– Со всего!

Они заполнили горячей водой суповую миску, что служила ванной для кельды. Вместо мочалки у нее была старая зубная щетка Тиффани. Пока она мылась, фиглы старательно наводили порядок, каждый на свой лад, и ароматы жарящегося кролика заполнили курган.

Дженни надела свое лучшее платье, причесалась, подхватила шаль и вышла наружу. Почти час она стояла у входа, не сводя глаз с далеких гор, пока в небе не показалась точка, которая становилась все больше и больше.

Будучи кельдой, она поприветствует воина, возвратившегося домой. Будучи женой, она расцелует мужа и пожурит его за долгое отсутствие. Будучи женщиной, она таяла, испытывая облегчение, благодарность и радость.

Глава четырнадцатая

Королева пчел

Прошла неделя, и как-то в полдень Тиффани отправилась навестить Бабушку Ветровоск.

Напрямую лететь до нее было миль пятнадцать и, поскольку Тиффани так и не приспособилась к полетам, ее отвезла мисс Левел. Метлой управляло невидимое тело мисс Левел, а Тиффани просто лежала на метле, вцепившись в нее руками и ногами, она бы вцепилась в нее и ушами, и коленками, если бы могла. В полет Тиффани прихватила с собой бумажный пакет, потому что никому не понравится, когда с неба на вас вдруг кого-то стошнит. Еще у нее с собой был большой мешок из дерюги, который она очень бережно придерживала.

Всю дорогу Тиффани не открывала глаз, пока свист ветра не затих и звуки не подсказали ей, что они спустились к земле. Мисс Левел была очень внимательна, когда Тиффани упала, потому что у нее свело ноги, оказалось, что метла висит над толстым слоем мха.

– Спасибо, – сказала Тиффани, вставая, потому что даже с невидимыми людьми стоит проявлять вежливость.

На ней было новое платье. Зеленого цвета, как и старое. Запутанный мир любезностей, обязательств и подарков, в котором жила и которым заправляла мисс Левел, предоставил ей четыре ярда отличной ткани (за то, что роды у мисс Торопыги прошли как по маслу) и несколько часов шитья (больная нога миссис Хантер начала поправляться, спасибо). Черное платье Тиффани вернула в лавку. Она решила про себя, что будет носить черное, когда состарится. Но сейчас ей черноты хватило.

Тиффани осмотрелась по сторонам. На склоне холма была поляна, оруженная с трех сторон дубами и кленами, но широко открывающаяся на окрестности у подножия холма со стороны спуска. Клены сбрасывали свои семена-крыльшки и они, лениво кружась, опускались на крошечный садик. Сад не был огорожен, хотя рядом паслось несколько коз. Если вы удивились, почему козы не паслись в саду, то это лишь потому, что вы забыли, кто здесь жил. На поляне был колодец. И, конечно же, дом.

Уж миссис Иервиг этот домик бы не одобрила. Он был прямо из сказки. Покосившиеся стены подпирали друг друга, крытая соломой крыша сползала набок, словно нескладный парик и печная труба была кривая. И

еще, глядя на этот домик, вам могло бы прийти в голову, что пряничные избушки слишком калорийная пища.

Посреди глухого леса, в избушке жила Старая Злая Ведьма...

Этот дом словно сошел со страниц самой страшной сказки.

За углом прятались улья бабушки Ветровоск. Почти все они были грубо сколочены из досок, но среди них затесалось и несколько соломенных. Несмотря на позднюю осень, улья оживленно гудели.

Тиффани свернула за угол, чтобы рассмотреть их поближе, и пчелы устремились к ней, как струя дыма. Они подлетели к ней, сформировались в колонну и...

Тиффани рассмеялась. Тысячи пчел заняли позиции и сформировали ведьму. Тиффани подняла правую руку. Жужжание усилилось и ведьма, собранная из пчел, тоже подняла руку. Тиффани крутанулась на месте. Ведьма повторила ее движение. Пчелы старательно копировали каждый изгиб и взмах ее платья, а пчелы по краям отчаянно жужжали, чтобы поспеть за всеми.

Тиффани осторожно положила свой мешок на землю и протянула руку к ведьме. Крошечные крылышки зазвенели и очертания ведьмы на мгновение размылись. Затем чуть подальше снова появилась фигура ведьмы с протянутой вперед рукой. Пчела, что была ногтем ее указательного пальца висела напротив пальца Тиффани.

– Потанцуем? – предложила Тиффани.

И она закружилась вместе с роем пчел по поляне, а в воздухе кружились кленовые крылышки. Рой не отставал от нее, его пальцы с жужжанием повторяли движение пальцев Тиффани, фигура поворачивалась вслед за Тиффани, хотя несколько пчел все же не успевали.

Затем ведьма из пчел подняла обе руки и закружилась в другую сторону. Пчелы, составляющие юбку, разлетелись в стороны, пока он вертелся. Рой учился.

Тиффани засмеялась и проделала то же самое. Рой и девочка танцевали.

Тиффани чувствовала себя такой счастливой, что задалась вопросом, а была ли она когда раньше так счастлива. Золотой свет, летящие на землю семена клена и танцующие пчелы... Все вместе они составляли противоположность мрачной пустыне. Поляна была залита светом и этот свет заполнил ее изнутри. Она чувствовала, что стоит на траве, но в то же время могла видеть себя сверху, танцующую с жужжащей темной фигурой, которая посверкивала золотом, когда солнечный луч попадал на пчел. Такие мгновения стоят всего.

Затем ведьма из пчел наклонилась поближе к Тиффани, как бы разглядывая ее тысячами крошечных сверкающих глаз. В глубине фигуры что-то тихо пропищало и ведьма взорвалась в жужжащее облако насекомых, которое устремилось прочь через поляну и исчезло. И только кленовые крылышки, кружась, опускались на землю.

Тиффани выдохнула.

– Ну, кому-то такое могло бы показаться старшим, – раздался голос за ее спиной.

Тиффани не стала сразу поворачиваться. Сперва она поздоровалась:

– Добрый день, бабушка Ветровоск.

И только *потом* повернулась.

– А *вы* так можете сделать? – спросила она бабушку, все еще опьяненная счастьем.

– Невежливо начинать разговор с вопросов. Зайдем-ка в дом и выпьем чаю, – ответила бабушка Ветровоск.

Сразу и не поймешь, живет ли кто в этом доме. Перед камином стояли стул и кресло-качалка. Еще два стула стояли около стола и они не качались, но *шатались* из-за неровностей в каменном полу. В комнате был еще комод и на полу, перед огромным очагом, лежал лоскутный коврик. В углу рядом с чем-то таинственным и остроконечным, покрытым тканью, притулилась метла. Очень узкая и темная лестница вела на второй этаж. И больше ничего не было. Ничего сияющего, ничего нового и ничего лишнего.

– Чему я обязана твоим визитом? – спросила бабушка Ветровоск, снимая с огня закопченный черный чайник и заливая кипятком в такой же черный заварник.

Тиффани открыла мешок, который она привезла с собой.

– Я прилетела вернуть вам вашу шляпу, – ответила она.

– Ах, – сказала бабушка Ветровоск. – Вернуть. И почему?

– Потому что она *ваша*, – ответила Тиффани, кладя шляпу на стол. – Благодарю вас, что одолжили ее мне.

– Осмелюсь заметить, что немало юных ведьм отдадут свой корневой зуб за эту шляпу, что принадлежала мне, – сказала Бабушка, беря в руки потрепанную шляпу.

– Немало, – ответила Тиффани и *не* стала добавлять, что «на самом деле зуб называется *коренной*». Вместо этого она сказала: – Но по-моему, каждый должен найти свою собственную шляпу. Шляпу по себе.

– Я вижу, ты покупную надела, – сказала бабушка Ветровоск. – Каких их там, «Небоскреб». Со *звездами*, – добавила она и вложила столько едкости в это слово, что ею можно было расплавить медь, разесть стол и

плитки пола и даже расплавить медь в подвале под ними. – Думаешь, что шляпа от этого станет более волшебной? От звезд?

– Я... думала так в то время, когда покупала ее. Какое-то время можно поносить и ее.

– До тех пор, пока ты не найдешь правильную шляпу? – сказала бабушка Ветровоск.

– Да.

– И это не моя шляпа?

– Нет.

– Хорошо.

Старая ведьма прошла на другой конец комнаты и сдернула ткань с загадочной штуковины в углу. Под материей оказался деревянный штырь размером с остроконечную шляпу, стоящий на высокой подставке. На нем... сооружалась шляпа, из ивовой лозы и грубой черной ткани.

– Я сама делаю себе шляпы, – сказала бабушка Ветровоск. – Каждый год. Нет шляпы лучше, чем та, что ты делаешь для себя сам. Вот тебе мой совет. Я беру ситец и делаю его непромокаемым с помощью особой микстуры. Просто изумительно, сколько всего можно вложить в шляпу, которую делаешь сама. Но ты пришла ко мне не о шляпах поговорить.

Тиффани наконец позволила долго удерживаемому вопросу вырваться на свободу.

– Это на самом деле произошло?

Бабушка Ветровоск разлила чай, взяла свою чашку и аккуратно отлила немного чая в блюдце.

Она подняла блюдечко с осторожностью, словно делала что-то очень важное и деликатное, и легонько поддула на чай. Она была так нетороплива и невозмутима, в то время как Тиффани изо всех сил пыталась скрыть свое нетерпение.

– Роитель исчез? – спросила бабушка.

– Да. Но...

– И что ты чувствовала, когда все это происходило с тобой? Все было настоящим?

– Нет, – ответила Тиффани. – Более, чем настоящим.

– Ну что же, значит, так оно и есть, – сказала бабушка Ветровоск, прихлебывая чай из блюдечка. – И мой ответ таков: если бы все произошедшее не было бы правдой, выдумкой бы оно тоже не было.

– Как во сне, когда ты почти проснулся и можешь контролировать свой сон, – продолжала Тиффани. – Если быть осторожным, то все получится. Словно поднимаешь себя в воздух за свои собственные шнурки. Словно

рассказываешь сам себе историю...

Бабушка кивнула:

– Куда же без истории. Все, на самом-то деле, история. То, что солнце каждый день поднимается над горизонтом – история. Измени историю и ты изменишь мир.

– И как вы планировали победить роителя? – спросила Тиффани. – Пожалуйста? Я должна знать!

– Как планировала? – с невинным видом переспросила бабушка Ветровоск. – Я планировала предоставить тебе самой разобраться с ним.

– Правда? И что же вы стали бы делать, если бы я проиграла?

– Все, что в моих силах, – спокойно ответила бабушка. – Я всегда делаю все, что в моих силах.

– Вы бы убили меня, если бы я снова стала роителем?

Блюдечко даже не колыхнулось в руках старой ведьмы. Она задумчиво смотрела на чай.

– Я бы пощадила бы тебя, если бы могла, – сказала она. – Но до этого не дошло, верно? Лучше Проб было места не найти. Поверь, ведьмы могут действовать сообща, если будет в том нужда. Объединить ведьм труднее, чем пасти кошек, но сделать это можно.

– Просто я подумала, что мы превратили схватку с роителем... в небольшое представление, – сказала Тиффани.

– Ха, вот уж нет. Мы превратили ее в *большое* представление! – с огромным удовлетворением ответила бабушка Ветровоск. – Гром и молния, белые лошади и чудесное спасение! Дешево, но сердито! А тебе будет полезно знать, девочка моя, что устраивать небольшое шоу время от времени не повредит твоей репутации. Я смекаю, что мисс Левел уже с этим столкнулась, обретя способность жонглировать мячами и одновременно снимать с головы шляпу! Положись на шоу, вот что я говорю!

Она изящно отхлебнула из блюдечка и затем кивнула на старую шляпу, лежащую на столе.

– Твоя бабушка носила шляпу?

– Что? О... обычно нет, – ответила Тиффани, все еще погруженная в раздумья о большом представлении. – Когда погода по-настоящему портилась, она надевала старый мешок вместо шапки. Она говорила, что шляпу все равно сдует ветер.

– Значит она сделала небо своей шляпой, – сказала бабушка Ветровоск. – И носила ли она пальто?

– Ха, пастухи обычно говорили, что коли бабушка Болит надела

пальто, то поднялся такой ветер, что с ног сбивает! – с гордостью ответила Тиффани.

– Значит она сделала ветер своим пальто! – сказала бабушка Ветровоск. – Это мастерство. Дождь не намочит ведьму, если она того не захочет, хотя лично я предпочитаю мокнуть и быть признательной.

– За что признательной? – спросила Тиффани.

– Что я смогу высохнуть позже, – ответила бабушка Ветровоск, ставя на стол чашку и блюдце. – Дитя, ты пришла сюда, чтобы понять, что правда и что ложь, но я мало чему могу научить тебя. Ты сама не знаешь, что тебе уже ведомо и всю свою жизнь будешь учиться тому, что и так заложено в тебе. Вот в чем правда.

Она пристально посмотрела на обнадеженную Тиффани, и вздохнула.

– Пойдем на улицу, – сказала она. – Я дам тебе первый урок. Только один урок, другого не будет. И не надо ничего записывать во всякие там книги с глазами на обложках.

Они прошли по тропинке к колодцу в саду за домом. Бабушка осмотрела землю и подобрала прут.

– Волшебная палочка, видишь? – Зеленое пламя внезапно сорвалось с конца прута и Тиффани отпрыгнула. – А теперь ты попробуй.

Но Тиффани не смогла повторить трюк, как бы она не трясла прутом.

– И не получится, – сказала бабушка. – Это просто палка. Но послушай, может быть я заставила ее извергнуть огонь, а может быть я заставила тебя *подумать* о том, что она извергла огонь. Разницы нет. И то и другое сделала бы я, а не палка. Настройся правильно и прутик станет твоей волшебной палочкой, небо – шляпой, а лужа – волшебным... волшебным... ээ, как называются такие причудливые чашки?

– Эээ... кубок, – ответила Тиффани.

– Точно. Волшебным кубком. Вещи значения не имеют. Все зависит от людей. – Бабушка Ветровоск поглядела искоса на Тиффани. – Я могла бы научить тебя, как обегать холмы с зайцем, я могла бы научить тебя, как летать над ними с ястребом. Я могла бы научить тебя секретам пчел. Я могла бы научить тебя всему и намного большему, если ты сделаешь всего одну вещь, прямо здесь и сейчас. Одну простую вещь, которую очень легко сделать.

Тиффани кивнула с широко раскрытыми глазами.

– То есть ты понимаешь, что все эти блестящие штучки всего лишь игрушки, а игрушки могут ввести в заблуждение?

– Да!

– Тогданими эту блестящую лошадку, что ты носишь на шее, девочка,

и кинь ее в колодец.

Полузагипнотизированная голосом, Тиффани покорно расстегнула цепочку.

Она подняла ее над колодцем и серебряная лошадка засверкала.

Тиффани глядела на лошадку так, словно видела ее в первый раз. И затем...

Она испытывает людей, подумала Тиффани. Все время.

– Ну? – сказала старая ведьма.

– Нет, – ответила Тиффани. – Я не могу.

– Не можешь или не хочешь? – резко спросила бабушка.

– Не могу, – сказала Тиффани и подняла голову. – И не хочу!

Она снова надела ожерелье, вызывающе глядя на бабушку Ветровоск.

Ведьма улыбнулась.

– Молодец, – тихо сказала она. – Если ты не знаешь, когда быть человеком, ты не знаешь также, когда быть ведьмой. И если ты слишком боишься сбиться с пути, ты никуда и не попадешь. Покажи мне ее, пожалуйста?

Тиффани посмотрела в голубые глаза. Затем она расстегнула замочек и отдала ожерелье бабушке. Бабушка подняла его повыше.

– Забавно, кажется, что она так и пускается вскачь, когда солнышко ее осветит, – сказала ведьма, рассматривая вертящуюся лошадку. – Хорошая работа. Конечно, лошадь выглядит не так, но это в сущности то, чем она является.

Тиффани уставилась на нее с открытым ртом. На мгновение перед ней предстала улыбающаяся бабушка Болит, а затем бабушка Ветровоск снова заняла свое место. «Это она превратилась или я сама ее превратила? – подумала Тиффани. – И осмелюсь ли я узнать истину?»

– Но я прилетела не только для того, чтобы вернуть шляпу, – пробормотала она. – Я привезла вам подарок.

– Вот уж не было никакой необходимости *мне* подарки привозить, – фыркнула бабушка Ветровоск.

Тиффани не обратила на ее слова никакого внимания, потому что мысли у нее все еще были в растрепанном состоянии. Она снова взялась за свой мешок и вытащила из него маленький мягкий сверточек.

– Я вернула почти все свои покупки мистеру Сильноруку, – сказала она. – Но мне кажется, что вот это могло бы вам... пригодиться.

Старая женщина медленно распаковала белую бумагу. Накидка «Зефирное море» развернулась и заколыхалась, как дым.

– Она восхитительна, но я ее носить не могу. – сказала Тиффани, глядя

на накидку, раздуваемую легоньким ветерком. – Нужно быть маститым, чтобы носить такую вещь.

– Какой масти? – резко спросила бабушка Ветровоск.

– О... иметь достоинство. Старшинство. Мудрость. В таком духе, – ответила Тиффани.

– А, – сказала бабушка, смягчаясь. Она поглядела на плавно колышущуюся накидку и фыркнула. Накидка была изумительна. Ну хоть что-то волшебникам, создавшим ее, удалось понять правильно. Эта накидка была из тех вещей, что заполняют прореху в жизни, ту, о существовании которой вы и не подозревали, пока не увидели ее.

– Что же, я так думаю, есть те, кто могут носить такую накидку, а есть те, кто не могут, – согласилась она. Бабушка обвила накидку вокруг шеи и закрепила ее брошью в виде полумесяца. – Слишком пышно, для меня, – сказала она. – Слишком фасонисто. Наверное, я в ней немного лекомысленно выгляжу. – Бабушка говорила утвердительно, но она слегка повысила интонацию в конце предложения.

– Нет, она вам идет, очень идет, – ободряюще сказала Тиффани. – Если вы не знаете, когда быть человеком, вы не знаете и когда быть ведьмой.

Птичье пенье смолкло. Белки вскарабкались по стволам деревьев, прячась в кронах. Даже небеса, казалось, потемнели на мгновение.

– Эээ... так я слышала, – сказала Тиффани и добавила: – От того, кто в этом разбирается.

Бабушка пристально смотрела ей в глаза. Разве можно было что-нибудь утаить от нее? Что бы вы ни говорили, она видела вас насквозь.

– Заглядывай ко мне как-нибудь, – сказала бабушка Ветровоск, медленно поворачиваясь и любуясь развевающейся накидкой. – Здесь всегда так спокойно.

– С удовольствием, – ответила Тиффани. – Должна ли я предупредить пчел о своем прилете, чтобы вы заварили чай?

На какое-то мгновение глаза бабушки сверкнули, но затем широкая улыбка стерла все морщинки на ее лице.

– Умница, – сказал она.

«Что там у вас внутри? – думала Тиффани. – Кто там внутри на самом деле? Хотели ли вы, чтобы я приняла вашу шляпу? Вы притворяетесь могущественной, злой ведьмой, но на самом деле вы не такая. Вы все время проверяете людей, проверяете и проверяете, но на самом деле вам хочется встретить кого-то умнее себя и проиграть. Потому что лучшей быть трудно. Вы не имеете права остановиться. Вас можно лишь победить, но вы слишком горды, чтобы проигрывать. Гордость! Вы превратили ее в

ужасную силу, но она разъедает вас. Не боитесь ли вы смеяться, чтобы не услышать хихикание?

Мы еще встретимся. Мы обе это знаем. Мы встретимся на Ведьминских Пробах».

– Мне хватило ума, чтобы понять, как вам удастся не думать о розовом носороге, если кто-то скажет «розовый носорог», – удалось сказать ей вслух.

– О, это серьезная магия, уж поверь, – ответила бабушка Ветровоск.

– Нет. Вы просто не знаете, как выглядит носорог, верно?

Старая ведьма рассмеялась прозрачным, как горный ручей, смехом и солнце наполнило поляну своим светом.

– Это точно! – сказала бабушка.

Глава Пятнадцатая

Шляпа, полная небес

Стоял один из тех странных дней в конце февраля, когда неожиданно теплело, и ветер, хоть и был силен, но, казалось, старался обходить тебя стороной.

Тиффани поднялась в холмы, где в укромных долинах первые ягнята уже нашли у себя ножки и бегали, толкаясь, нелепой трусцой, обычной для ягнят, которая придавала им схожесть с игрушечными лошадками-качалками.

Похоже, что день таил в себе что-то необычное, потому что даже старые овцы зарезвились вместе с ягнятами. Они прыгали и кружились, радостные и смущенные одновременно, и их длинная зимняя шерсть болталась вверх и вниз, как штаны у клоуна.

Зима была насыщена событиями. Тиффани многому научилась и многое узнала. Среди прочего, что можно быть подружкой невесты на свадьбе, где жениху и невесте на двоих приходится 170 лет. На этот раз мистеру Ткачику в своем сползающем парике и больших поблескивающих очках удалось *настоять* на том, чтобы «наша маленькая помощница» взяла таки золотой, намного превышающий плату, которую она не просила и которую мисс Левел не могла себе позволить. Часть этих денег пошла на покупку добротного коричневого плаща. Он не вздымался и не реял позади нее, но был теплым, плотным и сберегал от сырости.

Много чего она узнала. Проходя мимо овец и ягнят, она осторожно касалась их сознания, так нежно, что они и не замечали...

Страшество, которое официально означало конец года, Тиффани встретила в горах. Слишком много было дел, да и к тому же на Мелу его особо не праздновали. Однако, мисс Левел охотно отпустила ее позже, на праздник окота, который старики называли Sheepbellies (Овечьи Брюшки?). Эти дни считались началом пастушьего года. Карге холмов такое пропускать никак было нельзя. В эти дни в теплых соломенных укрытиях, огороженных от ветра плетнями из срезанного дрека, свершалось будущее. Тиффани помогала ему свершиться, принимая трудные роды и работая вместе с пастухами до самых фонарей. Она была в остроконечной шляпе и могла чувствовать на себе взгляды пастухов, следящих за тем, как она, с помощью ножа, иглы, ниток и ласковых слов

отводила маток от двери в черную пустыню и помогла появиться на свет новорожденным ягнятам. Ты должна устроить им представление. Дать им историю. И когда утром гордая Тиффани вернулась домой, ее руки были по локоть в крови, но это была кровь жизни.

Позже она поднялась в холмы к фиговскому кургану и пролезла в нору. Она заранее все продумала и пришла не с пустыми руками – принесла чистые драные носовые платки и мыло, сваренное из корня мыльнянки по рецепту мисс Левел. У нее было предчувствие, что Дженни найдет, куда все это применить. Мисс Левел всегда навещала молодых матерей, эта была одна из обязанностей ведьмы.

Дженни обрадовалась ей. Тиффани легла на живот так, чтобы головой и верхней частью туловища поместиться в комнате кельды и ей позволили подержать восемь Робовенков, как она их про себя называла, родившихся в то же время, что и ягнята. Семеро Робовенков кричали и толкались, а восьмая лежала тихонько в ожидании благоприятного момента. Будущее свершилось.

Но не только Дженни стала думать о ней по-другому. Новости разошлись повсюду. Люди на Мелу ведьм не любили. Ведьмы всегда приходили с других краев. Они всегда были пришлыми. Но вот она, *наша* Тиффани, принимающая ягнят, как и ее бабушка, и говорят, что она обучалась ведовству в горах! Но она по-прежнему осталась нашей Тиффани. Ладно, допустим, она надела остроконечную шляпу со звездами, но она делает хороший сыр, разбирается в ягнятах и она *внучка бабушки Болит*, так? При этом они многозначительно постукивали себя по носу. Внучка бабушки Болит. Помните, что умела старушка? Так что, даже если Тиффани и ведьма, она *наша* ведьма. Она разбирается в овцах, это точно. Ха, я слышал, что в горах проводили состязания ведьм и наша Тиффани показала им, на что способна девочка из Мела. Мы живем в современном мире, так? Теперь и у нас есть ведьма и она лучше всех остальных! Никому не дадим бросить внучку бабушки Болит в пруд!

Завтра она снова вернется в горы. Три недели прошли в хлопотах, не считая окота. Роланд пригласил ее на чай в замок. Они оба чувствовали себя неловко, как обычно бывает при таких обстоятельствах, но все же занятно, как за пару лет Роланд превратился из нескладного ребенка в нервного юношу, забывающего о чем он говорил, когда она улыбалась ему. И у них в замке были *книги!*

Роланд застенчиво подарил ей «Словарь Изумительных Редких Слов», а она тоже подготовилась и привезла ему охотничий нож, сделанный Заказом, который, хоть и не разобрался в магии, но делал отличные

лезвия. Шляпу они оба старательно не упоминали. А когда Тиффани вернулась домой, то обнаружила закладку на букве К и слабую карандашную линию под словами «**Книксен** – маленький реверанс, в одну треть глубины от обычного реверанса. Более не используется». Несмотря на то, что рядом никого не было, она залилась румянцем. Еще бы не смутиться, когда тебе напомнили, что в то время, пока ты наблюдаешь за людьми, вся из себя знающая и понимающая, кто-то прямо за твоей спиной точно так же наблюдает за тобой.

Она записала все в дневник, который заметно потолстел из-за засушенных трав, дополнительных страничек и закладок. Его топтали коровы, била молния и его уронили в чай. И на обложке не было глаза. Глаз может отвалиться в один прекрасный день. А этот дневник был *настоящим* ведьминским.

Тиффани также отказалась от шляпы. Она носила ее лишь на людях, потому что шляпа мялась о низкие дверные проемы, потолок спальни ее и вовсе сломал. Однако сегодня она надела шляпу и время от времени хваталась за нее, чтобы ветер не сорвал ее с головы.

Тиффани пришла туда, где в земле полуутопали железные колеса и из травы торчала пузатая печурка, на которой можно было удобно присесть.

Тишина окружала Тиффани, тишина, полная жизни, а в холмах овцы и ягнята резвились и мир вращался.

Почему мы уходим? Чтобы можно было вернуться назад. Чтобы новыми глазами и в новых красках увидеть покинутое тобой место. Вернуться обратно совсем не то, что никогда не покидать его.

Слова зарождались в голове у Тиффани, наблюдающей за овцами, и она почувствовала, что ее переполняет радость – о новых ягнятах, о жизни, обо всем. Радость настолько же больше, чем веселье, насколько океан больше, чем пруд. Это такое чувство, что не знает ограничений. И когда оно переполняет тебя, то изливается смехом.

– Я вернулась! – объявила она холмам. – Лучшей, чем была, когда уходила!

Она сорвала с себя шляпу со звездами. Для шоу эта шляпа годилась, хотя звезды придавали ей несерьезный вид. Но она никогда не была *ее* шляпой. Да и как такое могло быть. Только ту шляпу и стоит носить, что ты сделаешь себе сам, а не купленную и не подаренную. Твоя собственная шляпа, на твоей собственной голове. Твое собственное будущее, а не чье-то еще.

Она зашвырнула шляпу со звездами как можно выше. Ветер проворно подхватил ее. Шляпа немного покувыркалась, а затем порыв ветра закрытил

и понес, и она улетела в холмы, где и пропала навсегда.

И тогда Тиффани сотворила для себя шляпу из неба и уселась на пузатой печурке, слушая пение ветра, пока не наступил закат.

Когда тени удлиннились, из кургана, расположенного неподалеку, вылезло множество маленьких фигурок. Они пришли к ней в ее сокровенное место и стали ждать вместе.

Солнце село, свершив каждодневное волшебство, и наступила теплая ночь.

На шляпе засияли звезды...

Примечания автора

Учение о Признаках, упомянутое на 41 странице, действительно существовало в нашем мире, хотя в настоящее время с ней знакомы скорее историки, чем врачи. В течении сотен, а может тысячи лет люди верили, что Бог, который, конечно же, сотворил все сущее, «подписал» каждое творение, чтобы дать понять человечеству, как это можно использовать. Например, золотарник был желтым, поэтому его можно применять для лечения желтухи (применение теории к практике сопровождалось некоторыми допущениями, но иногда пациенты выживали).

По удивительному совпадению, Конь, вырезанный на склоне в Мелу, очень похож на аффингтонского Белого Коня, который в нашем мире вырезан на холмах около деревни Аффингтон в Юго-Западном Локсфордшире. Он 374 футов длиной, ему несколько тысяч лет и вырезан он таким образом, что увидеть его целиком можно лишь из воздуха. Исходя из этого, можно сделать следующие предположения: а) его вырезали для того, чтобы на него смотрели Боги; или б) люди научились летать значительно раньше, чем мы думаем; или с) в старину люди были намного, намного выше ростом, чем сейчас.

О, в нашем мире тоже были Ведьминские Пробы, но ничего забавного в них не было.

Конец.

notes

Примечания автора

Она просто обязана была так сказать, потому что была одновременно ведьмой и учительницей, а это жуткая смесь. Они хотят, чтобы все было правильным. Они любят поправлять. Если вы хотите вывести из себя ведьму, можно не мучаться с амулетами и заклинаниями. Достаточно закрыть ее в комнате с криво висящей картиной, и можете полюбоваться, как ее всю перекосит.

Первый Помысел – это будничные мысли. Он есть у каждого. Второй Помысел – это мысли о том, как вы думаете. Второй помысел есть у тех, кому нравится размышлять. А Третий Помысел – это те мысли, что наблюдают за миром и думают сами по себе. Третий помысел редко встречается и зачастую приводит к всяким неприятностям. Прислушиваться к своему Третьему помыслу – составная часть ведовства.

Все же есть некоторая польза в чтении больших словарей.

Тиффани знала, что такое психология, но в словаре не указывалось произношение.

Сто и одна вещь, которую может сделать волшебник.

Чудовищная книга чудовищ.

У гонвандолэндских слонов-отшельников очень тонкая шкура на всем теле, за исключением головы. Поэтому молодые особи стремятся спрятаться в глинянных хижинах, часто невзирая на присутствие хозяев. Слоны слишком робки и безвредны, но обычно люди сразу после вторжения поспешно покидают свои хижины. Еще бы им не покидать. Начать с того, что слон поднимает хижину и несет ее с собой по степи, устраиваясь на каждом клочке сочной травы, что попадетсѧ ему на пути. В таких условиях ведение хозяйства становится непредсказуемым. Тем не менее, целая деревня слонов-отшельников, кочующая по степи, представляет собой поистине незабываемый вид.

Тому, кто понимает, что это означает, очень, очень многое известно о том, как Нак Мак Фиглы путешествует через миры.

Комментарии переводчика

1

Чуть больше 11 литров (*прим. переводчика*).